

Г И Й О М
М Ю С С О

бумажная девушка

Annotation

Талантливый, успешный писатель Том Бойд переживает не лучшие времена – его бросила любимая девушка, он почти разорен, но главное – слова больше не хотят складываться в предложения, и ему кажется, что никогда в жизни он не напишет ни строчки. Появление в его доме Билли, героини его романа, перешагнувшей границу, отделяющую вымышленный мир от реального, возвращает ему вдохновение. Ее жизнь под угрозой, и спасти ее может только он, тот, кто ее выдумал. И вот очередной роман готов, Билли исчезает из его жизни. Опять – громкий успех, съемки и интервью, хвалебные рецензии и толпы восторженных поклонников. Но отчего же так тяжело на душе? Он спас Билли, но кто спасет его от тоски по ней?

- [Гийом Мюссо](#)
  -
  -
  - [Пролог-](#)
  - [1. Дом на берегу океана](#)
  - [2. Два друга](#)
  - [3. Съеденный человек](#)
  - [4-](#)
  - [5-](#)
  - [6. Когда я тебя встретил](#)
  - [7. Билли при свете луны](#)
  - [8-](#)
  - [9-](#)
  - [10. Бумажная девушка](#)
  - [11. Девочка из Макатур-парка](#)
  - [12. Детоксикация](#)
  - [13. Беглецы](#)
  - [14. Who's that girl?\[29\]](#)
  - [15. Договор](#)
  - [16. Ограничение скорости](#)
  - [17. Билли и Клайд](#)
  - [18. Мотель «Каса дель Соль»](#)
  - [19. Роуд-муви](#)

- [20. Город ангелов](#)
- [21. Любовь, текила и марьячи](#)
- [22-](#)
- [23. Одиночество \(Одиночества\)](#)
- [24-](#)
- [25. Опасность тебя потерять](#)
- [26. Девушка, пришедшая из другого мира](#)
- [27. Always on my mind\[65\]](#)
- [28. Испытание](#)
- [29. Когда мы вместе](#)
- [30. Лабиринт жизни](#)
- [31. Улицы Рима](#)
- [32. Клин клином](#)
- [33. Уцепиться друг за друга](#)
- [34. Книга жизни](#)
- [35. Испытание сердца](#)
- [36. Последний раз, когда я видел Билли](#)
- [37. Свадьба лучших друзей](#)
- [38. Лилли](#)
- [39. Девять месяцев спустя...](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

Гийом Мюссо

Бумажная девушка

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2017

© ООО Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается моей матери

Для чего нужны книги, если они не ведут нас к жизни, если им не удастся заставить нас пить ее с еще большей жадностью?

Генри Миллер

Пролог_

Интересоваться жизнью писателя, потому что вам нравятся его книги, – все равно что интересоваться жизнью утки, потому что вы любите фуа-гра.

Маргарет Этвуд

(«Ю-Эс-Эй Тудэй» – 6 февраля 2008 года)

«ТРИЛОГИЯ АНГЕЛОВ»

ПОКОРЯЕТ АМЕРИКУ

История невозможной любви

между молодой женщиной

и ее ангелом-хранителем стала

главным литературным успехом года. Разберемся с этим феноменом.

В издательстве «Даблдэй» в нее никто по-настоящему не верил. Изданный тиражом всего 10 000 экземпляров первый роман никому не известного тридцатитрехлетнего Тома Бойда за несколько месяцев стал одним из самых продаваемых романов года. «Компания ангелов», первая из трех книг саги, в течение двадцати восьми недель оставалась на верхней строке топ-листа продаж. В США было продано более трех миллионов экземпляров, и сейчас роман переводят в более чем сорока странах.

Действие романа происходит в Лос-Анджелесе, одновременно романтическом и фантастическом, где разворачивается история фантастической любви между Далилой, студенткой, изучающей медицину,

и Рафаэлем, ее ангелом-хранителем, который присматривает за ней с самого детства. Но сверхъестественный сюжет – всего лишь предлог, чтобы затронуть такие сложные темы, как инцест, изнасилование, донорство органов или безумие.

Подобно «Гарри Поттеру» или «Сумеркам», «Компания ангелов» быстро собрала публику вокруг чрезвычайно насыщенного мира романа. Самые преданные читатели стали ядром настоящего сообщества со своим собственным кодексом и многочисленными теориями. В интернете уже существуют сотни сайтов, посвященных героям, созданным Томом Бойдом, – очень скромным автором – молодым учителем, выходцем из бедного квартала Макартур-парк в Лос-Анджелесе. До того как к нему пришел успех, Бойд преподавал литературу трудным подросткам в школе, в которой учился он сам пятнадцатью годами ранее.

После успеха своего первого романа он оставил школу, подписав контракт с издательством «Даблдэй» на две следующие книги... и получив два миллиона долларов.

* * *

(«Граммофон» – 1 июня 2008 года)

ФРАНЦУЗСКАЯ ПИАНИСТКА

АВРОРА ВАЛАНКУР СТАЛА ЛАУРЕАТОМ ПРЕСТИЖНОЙ ПРЕМИИ ЭВЕРИ ФИШЕРА

Знаменитая пианистка Аврора Валанкур (ей всего тридцать один год) в субботу получила престижную премию Эвери Фишера. Денежное вознаграждение составляет 75 000 долларов. Эта престижная премия каждый год вручается выдающемуся музыканту за его исключительный вклад в развитие классической музыки.

Аврора Валанкур родилась в Париже 7 июля 1977 года и считается одной из самых талантливых исполнительниц своего поколения.

Суперстар клавиш

Она получила образование в Институте Кертиса в Филадельфии, и уже в 1997 году на нее обратил внимание Андре Гревен, который пригласил ее в совместное турне. Это стало признанием, открывшим для нее двери знаменитых театров мира и послужившим началом ее международной карьеры. Далее последовали концерты с известными оркестрами, но, разочаровавшись в элитарной системе классической музыки, в январе 2003 года она внезапно оставила сцену. Валанкур отправилась в путешествие вокруг света на мотоцикле, которое продлилось два года и закончилось среди озер и обрывистых берегов Савай-Мадхопура в Индии, где она провела несколько месяцев.

В 2005-м Аврора обосновалась на Манхэттене, вернулась на сцену и в звукозаписывающие студии, одновременно активно включившись в работу фондов по защите окружающей среды. Эта деятельность обеспечила ей новое внимание в прессе, и популярность Авроры стала шире, вышла за пределы узкого круга меломанов.

Благодаря своей яркой выигрышной внешности Аврора получила приглашение на фотосессии от многих модных журналов (гламурные снимки для «Вэнити Фэар» и более откровенные фото для «Спортс Иллюстрейтед»...) и стала лицом крупной марки нижнего белья. Рекламные контракты превратили ее в самую хорошо оплачиваемую пианистку в мире.

Нетипичная и противоречивая пианистка

Несмотря на свой молодой возраст, Валанкур является примером виртуозного владения инструментом, хотя ее часто упрекают за некоторую сухость исполнения, особенно – романтического репертуара.

Громко заявляя о своей свободе и независимости, она стала сущим «кошмаром» для организаторов концертов: все уже сбились со счета, сколько раз она в последнюю минуту отказывалась выступать и капризничала как избалованная дива.

Ее характер проявляется и в личной жизни. Вечная одиночка, она заявляет, что не ждет от любовной привязанности ничего, а легкомысленное отношение к жизни, девиз которой «наслаждайся моментом», лишь увеличивает количество ее побед на личном фронте. Скандальные романы со знаменитостями из шоу-бизнеса превратили Аврору Валанкур в единственную классическую пианистку, привыкшую к подобной рекламе, что не слишком нравится пуристам игры на фортепьяно.

* * *

(«Лос-Анджелес Таймс» – 26 июня 2008 года)

АВТОР «ТРИЛОГИИ АНГЕЛОВ»

ПЕРЕДАЛ 500 000 ДОЛЛАРОВ В ДАР

ОДНОЙ ИЗ ШКОЛ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

В то время как его второй роман «Память ангела» поднимается на вершину рейтингов, писатель Том Бойд дарит полмиллиона долларов Харвест-хай-скулу в Лос-Анджелесе, о чем сообщил ее директор. Именно в этой школе, расположенной в бедном квартале Макартур-парка, Бойд учился, когда был подростком. Потом он преподавал там литературу до того момента, когда уволился после успеха своей первой книги.

Наша газета обратилась к писателю за подтверждением, но он не пожелал что-либо объяснять. Избегающий общения с прессой, загадочный романист уже начал писать третий том своей саги.

* * *

(«Старз Ньюз» – 24 августа 2008 года)

ПРЕКРАСНАЯ АВРОРА СНОВА СВОБОДНА!

Несчастье одних – счастье для других. Тридцатилетняя пианистка и топ-модель Аврора Валанкур только что порвала со своим приятелем, испанским теннисистом Хавьером Сантосом, роман с которым длился несколько месяцев.

Поэтому спортсмен проведет несколько дней заслуженного отпуска, после прекрасного выступления на Ролан Гаррос и Уимблдоне, со своими друзьями из Барселоны. А его бывшая дама сердца едва ли надолго останется в одиночестве...

* * *

(«Вэрайети» – 4 сентября 2008 года)

«ТРИЛОГИЯ АНГЕЛОВ»

СКОРО В КИНО

Студия «Коламбия Пикчерс» приобрела права на экранизацию «Трилогии ангелов», романтической и фантастической саги Тома Бойда.

«Компания ангелов», «Память ангела»... Эти два названия знакомы миллионам читателей, которые затаив дыхание буквально проглотили первые два романа трилогии от первой и до последней страницы.

Съемки экранизации первого тома должны начаться очень скоро.

* * *

От кого: patricia.moore@speedacces.com

Тема: Исцеление

Дата: 12 сентября 2008

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Здравствуйте, мистер Бойд. Я давно хотела вам написать. Меня зовут Патрисия, мне 31 год, я одна воспитываю двоих детей. С любимым человеком, с которым я создала семью, мы были вместе до его последнего вздоха. Он страдал от неврологического заболевания, которое постепенно отбирало у него силы. Из этого периода моей жизни я вышла более пострадавшей, чем мне хотелось бы это признать. Наша история была такой короткой... После личной драмы я и открыла для себя ваши книги.

В ваших историях я нашла убежище и вышла оттуда умиротворенной. В ваших романах персонажам часто дается возможность изменить свою судьбу, свое прошлое и исправить совершенные ошибки. А я только надеюсь полюбить снова и снова стать любимой.

Спасибо за то, что вы помогли мне примириться с жизнью.

* * *

(«Пари Матэн» – 12 октября 2008 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР:

ИСТИННЫЙ ТАЛАНТ ИЛИ ПОСРЕДСТВЕННАЯ САМОЗВАНКА?

Вчера перед Театром Елисейских полей собралась толпа любителей классической музыки. Молодая и блестящая пианистка, реклама которой бежит впереди нее, продолжает вызывать любопытство.

В программе были заявлены концерт «Император» Бетховена и вторая часть «Экспромтов» Шуберта... Заманчивое меню, которое не оправдало ожиданий.

Несмотря на безупречную технику, концерт был исполнен без души и лиризма. Скажем без колебаний: Аврора Валанкур в большей степени продукт маркетинга, чем сверходаренная и гениальная пианистка, какой ее представляют в телерепортажах. Без присущей ей пластики и ангельского личика она была бы обычным музыкантом, поскольку «феномен Валанкур» основывается исключительно на действиях хорошо смазанной бизнес-машины, сумевшей ловко превратить добросовестную исполнительницу в звезду, которой льстят.

А знаете, что самое грустное во всем этом? Ее музыкальная незрелость не помешала публике, очарованной имиджем, аплодировать ей изо всех сил.

* * *

От: myra14.washington@hotmail.com

Тема: Книги, не похожие на другие...

Дата: 22 октября 2008

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Здравствуйте, мистер Бойд. Меня зовут Мира, мне 14 лет. Я

«подросток из предместья», как пишут в газетах. Я хожу в школу в Макартур-парке, и я была на том семинаре, когда вы приходили в наш класс. Даже представить не могла, что когда-нибудь буду читать романтическую прозу. Но ваши романы меня увлекли. Я сэкономила карманные деньги, чтобы купить вашу вторую книгу, но денег мне все-таки не хватило, поэтому я подолгу оставалась между стеллажами в «Барнс & Ноблз», чтобы прочесть ее несколько раз...

Просто спасибо.

* * *

(TMZ.com – 13 декабря 2008 года)

АВРОРА И ТОМ КАК ВЛЮБЛЕННЫЕ

НА КОНЦЕРТЕ «КОРОЛЕЙ ЛЕОНА»?

В субботу «Короли Леона» дали мощный концерт в Форуме Лос-Анджелеса. В толпе, пришедшей аплодировать рок-группе из Нэшвилла, пианистка Аврора Валанкур и писатель Том Бойд вели себя как очень близкие люди. Взгляды сообщников, нежные слова на ушко, руки вокруг талии. Короче, эти двое больше чем друзья. Фото ниже говорят сами за себя. Судите сами...

* * *

(TMZ.com – 3 января 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД: ВЛЮБЛЕННЫЕ БЕГАЮТ ТРУСЦОЙ

Желание сохранить стройность или эскапада влюбленных? В любом случае Аврора Валанкур и Том Бойд не отказали себе в удовольствии долго

бегать трусцой по аллеям Центрального парка, еще белым от снега. [...]

* * *

(TMZ.com – 18 марта 2009 года)

**АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД ИЩУТ КВАРТИРУ НА
МАНХЭТТЕНЕ**

* * *

(«Ю-Эс-Эй Тудэй» – 10 апреля 2009 года)

НОВАЯ КНИГА ТОМА БОЙДА

ВЫЙДЕТ ДО КОНЦА ГОДА

Издательство «Даблдэй» вчера сообщило: заключительная глава саги Тома Бойда выйдет этой осенью. Поклонников писателя ждут часы захватывающего чтения.

Последний том «Трилогии ангелов» называется «Неразбериха в раю», и его выход в свет должен стать одним из главных событий года.

* * *

(«Энтертейнмент Тудэй» – 6 мая 2009 года)

ТОМ ИЩЕТ ИДЕАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

ДЛЯ АВРОРЫ

Писатель провел три часа в нью-йоркском магазине «Тиффани»

в поисках идеального кольца для женщины, с которой он встречается несколько месяцев.

Продавщица рассказала: «Он выглядел очень влюбленным и беспокоился, старался выбрать кольцо, которое понравилось бы его подруге».

* * *

От: Svetlana.shaparova@hotmail.com

Тема: Воспоминание о любви

Дата: 9 мая 2009

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Уважаемый мистер Бойд,

Прежде всего, прошу вас меня извинить за возможные орфографические ошибки. Я русская и плохо говорю по-английски. Вашу книгу мне подарил мужчина, которого я любила. Мы встретились в Париже. Вручая мне вашу книгу, он просто сказал: «Прочти, и ты поймешь». Этот мужчина (его звали Мартин) и я, мы больше не вместе. Но ваша история напоминает мне о том, что нас связывало и что делало меня такой живой. Когда я вас читаю, я словно в моей раковине. Я говорю вам спасибо, если вы читаете это письмо, и желаю вам большого успеха в вашей личной жизни.

Светлана

* * *

(Onl!ne – 30 мая 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД ПОССОРИЛИСЬ В РЕСТОРАНЕ

* * *

(Onl!ne – 16 июня 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР «НЕВЕРНА» ТОМУ БОЙДУ?

* * *

(TMZ.com – 2 июля 2009 года)

АВРОРА ВАЛАНКУР И ТОМ БОЙД: КОНЕЦ ИСТОРИИ

Знаменитая пианистка, переживавшая в течение нескольких месяцев историю любви с Томом Бойдом, была замечена на прошлой неделе в обществе Джеймса Бульяри, барабанщика рок-группы «Сфинксы».

* * *

Вы, должно быть, уже видели это видео... Оно долго было среди самых просматриваемых на YouTube и Dailymotion, вызывая уйму комментариев, насмешливых – наиболее многочисленных – и сочувствующих.

Место? Зал Королевского Альберт-холла в Лондоне. Событие? «Променады Би-би-си», один из самых знаменитых в мире фестивалей классической музыки, который напрямую транслирует Би-би-си.

В начале видео на сцену под оглушительные аплодисменты тысяч меломанов, вставших плотными рядами у основания величественного викторианского купола, выходит Аврора Валанкур. Одета в строгое черное платье, из украшений лишь неброское жемчужное кольцо, она приветствует оркестр, садится к роялю, с силой опускает руки на клавиши. Звучат первые аккорды «Концерта» Шумана.

Первые пять минут зал сосредоточенно слушает, увлеченный музыкой. Поначалу необузданное, ее фразирование становится более свободным, нежным, как сон, до того как...

...обманув службу охраны, какому-то мужчине удастся влезть на сцену и направиться к солистке.

– Аврора!

Молодая женщина подскакивает на месте и коротко вскрикивает.

Весь оркестр останавливается в унисон, появляются два

телохранителя, чтобы скрутить хулигана и прижать его к полу.

– Аврора! – повторяет он.

Придя в себя после испуга, пианистка встает и жестом приказывает телохранителям освободить мужчину. Ошеломленные зрители погружаются в странное молчание.

Мужчина поднимается, убирает рубашку в брюки, чтобы вернуть хотя бы видимость самообладания. Его глаза, покрасневшие от выпивки и недостатка сна, сверкают.

Это не террорист и не ясновидец.

Просто влюбленный мужчина.

Просто несчастный мужчина.

Том подходит к Авроре и неловко делает ей предложение в несколько безумной надежде на то, что этого хватит, чтобы возродить пламя в глазах той, кого он все еще любит.

Но, не в силах скрыть свое смущение или выдерживать дольше его взгляд, молодая женщина прерывает его:

– Все кончено, Том.

Жалкий, он разводит руками в знак непонимания.

– Все кончено, – повторяет она шепотом, опуская глаза.

* * *

(«Лос-Анджелес Дэйли Ньюз» – 10 сентября 2009 года)

**СОЗДАТЕЛЬ «ТРИЛОГИИ АНГЕЛОВ» АРЕСТОВАН В СОСТОЯНИИ
АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ**

В пятницу вечером автор бестселлеров был арестован за управление автомобилем в нетрезвом виде. Он мчался со скоростью сто пятьдесят километров в час по дороге, где скорость ограничена семьдесятю.

Вместо того чтобы признать свою вину, Том Бойд повел себя с офицерами полиции вызывающе, угрожая разрушить их карьеру. На него надели наручники и поместили в камеру вытрезвителя. Власти говорят, что у него было более 1,6 грамма алкоголя в крови, тогда как разрешенная доза в Калифорнии составляет 0,8 грамма.

Тома Бойда отпустили несколько часов спустя, он принес свои извинения в коммюнике, распространенном его агентом Мило Ломбардо:

«Я повел себя как последний безумец и своим безответственным поведением мог подвергнуть опасности не только мою жизнь».

* * *

(«Паблишер Уикли» – 20 октября 2009 года)

**ВЫХОД ПОСЛЕДНЕГО ТОМА «ТРИЛОГИИ АНГЕЛОВ»
ОТКЛАДЫВАЕТСЯ**

Издательство «Даблдэй» только что объявило о том, что выход нового романа Тома Бойда переносится на следующее лето. Поэтому читателям придется запастись терпением еще на восемь месяцев, по прошествии которых они узнают развязку успешной саги.

Это опоздание может быть связано с недавними неприятностями в жизни автора, с которыми он столкнулся после тяжело переживаемого им любовного разрыва, как будто погрузившего его в глубокое отчаяние.

Эту версию опровергает его агент Мило Ломбардо: «Том ни в коем случае не страдает от синдрома чистого листа! Он работает целыми днями, чтобы предложить своим читателям самый лучший роман. Все могут это понять».

Но едва ли поклонники Бойда отнесутся к этому именно так! В течение недели офис издателя был завален письмами протеста. В интернете даже выставили на голосование петицию, чтобы потребовать от Тома Бойда выполнения обязательств!

* * *

От: yunjibuym@yahoo.com

Тема: Послание из Южной Кореи

Дата: 21 декабря 2009

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Уважаемый мистер Бойд! Я не буду рассказывать вам мою жизнь. Просто признаюсь вам, что недавно я прошел курс лечения в психиатрической клинике от сильной депрессии. Я много раз пытался закончить мои дни. Во время лечения одна

медсестера убедила меня открыть одну из ваших книг. С вашим творчеством я уже был знаком заочно: сложно не заметить обложки ваших романов в метро, в автобусах или на террасах кафе. Я думал, что ваши истории написаны не для меня. И ошибался. Разумеется, жизнь не такая, как в книге, но я нашел в ваших сюжетах и персонажах ту маленькую искорку, без которой я был ничем.

Примите мою искреннюю благодарность,

Юнджин Буим

* * *

(Onl!ne – 23 декабря 2009 года)

ПИСАТЕЛЬ ТОМ БОЙД АРЕСТОВАН В ПАРИЖЕ

Автор бестселлеров был арестован во Франции в аэропорту Шарля де Голля в прошлый понедельник после того, как он подрался в кафе с официантом, отказавшимся обслуживать изрядно перебравшего клиента. Бойда заключили под стражу. В результате проведенного расследования прокурор Республики сообщил, что объявит о своем решении перед коррекционным трибуналом в Бобиньи в конце января.

* * *

От: mirka.bregovic@gmail.com

Тема: Ваша самая преданная читательница в Сербии!

Дата: 25 декабря 2009

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Уважаемый мистер Бойд. Впервые обращаюсь к тому, с кем знакома исключительно посредством прочтения им написанных книг! Я преподаю литературу в маленькой деревушке на юге Сербии, где нет ни библиотеки, ни книжного магазина. В этот праздничный день, 25 декабря, позвольте мне пожелать вам счастливого Рождества. На заснеженную сельскую местность

спускается ночь. Я надеюсь, что когда-нибудь вы посетите нашу страну, и почему бы вам тогда не заглянуть в мою деревню Рикановица?!

Спасибо за все эти мечты.

С дружеским приветом

Мирка.

P.S.: И еще мне хотелось сказать вам, что я не верю ни единому слову из того, что пишут в газетах и в интернете о вашей личной жизни.

* * *

(«Нью-Йорк Пост» – 2 марта 2010)

ТОМ БОЙД В ОПАСНОСТИ?

Позавчера вечером в двадцать три часа по пока неизвестной причине успешный писатель поссорился с клиентом в шикарном баре «Фриз» в Беверли-Хиллз. Спор между двумя мужчинами перерос в потасовку. Быстро прибывшая на место полиция арестовала молодого писателя, обнаружив при нем десять граммов кристаллического метадона.

Обвиненный в хранении наркотиков, он был выпущен на свободу под залог, но вскоре должен предстать перед Верховным судом Лос-Анджелеса.

Держим пари, что на этот раз ему потребуется хороший адвокат, чтобы избежать тюрьмы...

* * *

От: eddy93@free.fr

Тема: Хороший человек

Дата: 3 марта 2010

Кому: thomas.boyd2@gmail.com

Представляюсь: меня зовут Эдди, мне 19 лет, и я готовлюсь к экзаменам на сертификат профессиональной пригодности кондитера в Стэне в пригороде Парижа. Я полностью прогулял годы обучения в коллеже и лицее из-за моих приятелей и

выраженной зависимости от гашиша.

Но вот уже год, как в моей жизни появилась девушка – она супер, и чтобы ее не потерять, я решил прекратить вести себя как тупица. Я снова начал учиться, и вместе с ней я не только зазубриваю, но и понимаю то, о чем читаю. Среди книг, которые она заставляет меня читать, ваши мои любимые: они вытаскивают из меня самое лучшее.

Сейчас я с нетерпением жду вашу следующую историю. Но мне не нравится то, что о вас рассказывает пресса. В ваших романах мои любимые персонажи как раз те, кто умеет оставаться верным своим ценностям. Так что если во всем этом есть хоть капля правды, следите за собой, мистер Бойд. Не потеряйтесь в выпивке или в таком дерьме, как наркотики.

И не становитесь, в свою очередь, мерзавцем.

Со всем моим уважением, Эдди.

1. Дом на берегу океана

Случается, что женщина встречается с негодяем и решает сделать из него святого. Иногда ей это удается. Случается, что женщина встречает святого и решает сделать из него негодяя. Это ей удается всегда.

Чезаре Павезе^[1]

– Том, открой мне!

Крик, подхваченный ветром, остался без ответа.

– Том! Это я, Мило. Я знаю, что ты здесь. Выходи из своего логова, черт возьми!

Малибу. Округ Лос-Анджелес, штат Калифорния. Дом на пляже

Уже больше пяти минут Мило Ломбардо без остановки колотил по деревянным ставням, выходявшим на террасу дома его лучшего друга.

– Том, открывай! Или я выломаю дверь! Ты знаешь, что я на это способен!

Мило был в модной приталенной рубашке, отлично сшитом костюме и солнечных очках, но выглядел неважно.

Сначала он решил, что время залечит раны Тома, однако кризис, который тот переживал, не только не проходил, а становился все хуже. Последние полгода Том Бойд вообще не выходил из дома, предпочитая забаррикадироваться в своей золоченой клетке и не отвечать ни на звонки мобильного, ни на сигнал домофона.

– Том, я в который раз прошу тебя:пусти меня!

Каждый вечер Мило приезжал и принимался барабанить в дверь шикарной резиденции, но дело заканчивалось жалобами соседей и обязательным появлением службы безопасности, которая охраняла покой богатейших обитателей анклава «Колония Малибу».

Но в этот раз медлить было нельзя. Нужно было действовать, пока не стало слишком поздно.

– Отлично, ты сам этого хотел! – с угрозой произнес Мило, сбросил пиджак, вооружился фомкой из титана, которую ему одолжила Кароль, их подруга детства, работавшая теперь детективом в полицейском управлении

Лос-Анджелеса.

Мило оглянулся. пляж с мелким песком дремал под лучами золотистого солнца начала осени. Сгрудившиеся, словно сардины, роскошные виллы стояли вдоль моря, объединенные общим желанием не пустить на берег непрошенных гостей. Многие деловые люди, медийные персоны и звезды шоу-бизнеса выбрали для проживания это место. Не говоря уже о звездах кино: Том Хэнкс, Шон Пенн, Ди Каприо, Дженнифер Энистон – все они имели здесь дома.

Ослепленный сиянием, Мило прищурился. В пятидесяти метрах от него перед хижинкой на сваях адонис в купальном костюме, выполнявший обязанности спасателя, приложил к глазам бинокль и, казалось, был загипнотизирован силуэтами сёрфингисток, поднимающихся и опускающихся на мощных волнах Тихого океана.

Решив, что путь свободен, Мило принялся за работу.

Он сунул согнутый конец металлического рычага в одну из прорезей рамы, нажал изо всех сил, и деревянные планки ставень разлетелись в щепки.

«Есть ли все-таки у людей право защищать своих друзей от самих себя?» – спрашивал он себя, входя в дом.

Но этот приступ совестливости продлился не дольше секунды: если не считать Кароль, у Мило всегда был только один друг в этом мире, и он был готов сделать что угодно, только бы тот забыл о своей печали и вновь почувствовал вкус к жизни.

* * *

– Том?

На погруженном в полумрак первом этаже царила подозрительная тишина, запах плесени смешивался с запахом затхлости. Груды посуды высились в кухонной раковине, гостиная выглядела разгромленной, как после ограбления: мебель перевернута, на полу валялась одежда, тарелки и разбитые стаканы. Мило переступил через коробки от пиццы, упаковки китайской еды, «трупы» пивных бутылок и открыл все окна, чтобы прогнать мрак и проветрить комнаты.

В выстроенном в форме буквы Г двухуровневом коттедже был подземный бассейн. Несмотря на беспорядок, дом излучал умиротворение: светлая мебель из клена, очень светлый паркет и обильный естественный свет. В обстановке – одновременно винтажной и дизайнерской – искусно

сочетались предметы современной и традиционной мебели, типичной для того времени, когда Малибу был всего лишь пляжем для сёрфингистов, а не золоченым логовом миллиардеров.

На скрючившегося в позе эмбриона на диване Тома было страшно смотреть: всклокоченный, бледный, с бородой Робинзона Крузо, он не был похож на изысканные фотографии, украшавшие обложки его романов.

– Подъем! – протрубил Мило.

Он подошел к дивану. Низкий столик был завален смятыми или сложенными рецептами. Доктор София Шнабель, «психиатр звезд», работавшая в кабинете в Беверли-Хиллз, снабжала добрую часть местной реактивной публики более или менее легальными психотропными препаратами.

– Том, проснись! – крикнул Мило, бросаясь к изголовью друга.

Он тщательно рассмотрел этикетки упаковок с лекарствами, разбросанными по полу и столу. Адская смесь анальгетиков, транквилизаторов, антидепрессантов и снотворных. Смертоносный коктейль XXI века.

– Черт побери!

Охваченный паникой, боясь отравления лекарствами, Мило схватил Тома за плечи, чтобы вырвать его из искусственного сна.

Он тряс его словно грушу, и в конце концов тот открыл глаза.

– Какого черта тебе у меня понадобилось? – пробормотал Том.

2. Два друга

Я говорил вечные фразы, которые повторяют, когда пытаются помочь разбитому сердцу, но слова этому не помогают. (...) Ничего из того, что можно сказать, никогда не сделает счастливым того, кто чувствует себя в черном дерьме, потому что он потерял ту, которую любит.

Ричард Бротиган^[2]

– Какого черта тебе у меня понадобилось? – пробормотал я.
– Ты меня беспокоишь, Том! Уже несколько месяцев ты не выходишь отсюда и глушишь себя успокоительным.

– Это моя проблема! – заявил я, принимая сидячее положение.
– Нет, Том, твои проблемы – это мои проблемы. Мне казалось, что это и есть дружба. Разве не так?

Сидя на канаве, прикрыв лицо руками, я пожал плечами, наполовину пристыженный, наполовину отчаявшийся.

– В любом случае, – продолжал Мило, – не рассчитывай, что я позволю женщине довести тебя до такого состояния!

– Ты мне не отец! – ответил я, с трудом поднимаясь на ноги.

У меня закружилась голова, я едва устоял на ногах и вынужден был опереться на спинку канавы.

– Это так, но если мы с Кароль тебе не поможем, кто это сделает?

Я повернулся к нему спиной, не попытавшись ответить. В трусах я прошел через гостиную в кухню, чтобы налить стакан воды. В моем фарватере Мило отыскал большой мешок для мусора и открыл холодильник, чтобы разобраться с продуктами.

– Если у тебя нет намерения покончить с собой с помощью просроченного йогурта, то я бы посоветовал тебе выбросить всю молочку, – сказал он, нюхая баночку творога с подозрительным запахом.

– Я не заставляю тебя его есть.

– А этот виноград? Ты уверен, что Обама уже был президентом, когда ты его купил?

Затем Мило принялся наводить подобие порядка в гостиной, подбирая самый объемный мусор, упаковки и пустые бутылки.

– Почему ты это хранишь? – с упреком спросил он, указывая на цифровую рамку с диорамой фотографий Авроры.

– Потому что я У СЕБЯ ДОМА, а У СЕБЯ ДОМА я не обязан перед тобой отчитываться.

– Возможно, но эта женщина разбила тебя на тысячу кусков. Ты не считаешь, что пора спустить ее с пьедестала?

– Послушай, Мило, тебе Аврора никогда не нравилась...

– Это правда, она мне совершенно не нравится. И, скажу откровенно, я всегда знал, что в конце концов она тебя бросит.

– Ах вот как? Могу я узнать, почему?

Слова, которые он долго хранил в сердце, со злобой вырвались из его рта:

– Потому что Аврора не такая, как мы! Потому что она родилась с серебряной ложкой во рту. Потому что для нее жизнь всегда была игрой, тогда как для нас она всегда была боем...

– Если бы все было так просто... Ты ее не знаешь!

– Прекрати ей поклоняться! Посмотри, что она с тобой сделала!

– Разумеется, с тобой такого произойти не могло! Если не считать твоих девиц, в твоей жизни никогда не было любви!

Помимо нашего желания мы заговорили громче, и теперь каждая реплика звучала как оплеуха.

– Но то, что ты испытываешь, не имеет ничего общего с любовью! – вышел из себя Мило. – Это другое: конденсат страдания и разрушительной страсти.

– Я хотя бы рискую. Тогда как ты...

– Это я-то не рискую? Я прыгнул с парашютом с Эмпайр-стейт-билдинг. Это видео разошлось по интернету...

– И что это тебе принесло кроме большого штрафа?

Как будто не услышав меня, Мило перечислил:

– Съехал на лыжах с Белой горы в Перу, спустился на параплане с Эвереста... Я вхожу в число тех немногих людей в мире, кто поднялся на гору Чогори...

– Если речь идет об игре в камикадзе, то да, в этом ты мастер. Но я-то говорю о риске любить – этот точно тебе не по зубам. Ты никогда не отваживался даже с...

– ПРЕКРАТИ! – рявкнул он и схватил меня за ворот футболки, чтобы помешать закончить фразу.

Мило замер в этой позе на несколько секунд, сжав кулаки и злобно глядя на меня, пока он не осознал ситуацию: друг пришел мне помочь, но

был всего в двух шагах от того, чтобы врезать мне кулаком по физиономии...

– Прости, – сказал он, разжимая пальцы.

Я пожал плечами и вышел на просторную террасу, выходящую на океан. В доме, скрытом от посторонних взглядов, был прямой выход на пляж. Туда вела принадлежащая только мне лестница, на ступенях которой стояли терракотовые кашпо с умирающими растениями. Уже несколько месяцев у меня не было сил их поливать.

Я взял старые очки от солнца «Рейбан Вайфарер», забытые на столе из яванского тика, чтобы защитить глаза от слепящего сияния, и рухнул в качалку.

Мило зарулил в кухню и присоединился ко мне с двумя чашками кофе, протянул мне одну.

– Ладно, довольно этого ребячества. Давай поговорим серьезно, – предложил он, присаживаясь на стол.

Устремив взгляд на волны, я не оказывал никакого сопротивления. В это мгновение мне хотелось только одного: чтобы Мило побыстрее рассказал мне то, ради чего он пришел, и отвалил, чтобы я мог пойти выблевать мою тоску в раковину, а потом снова проглотить пригоршню пилюль, которые унесут меня далеко от реальности.

– Сколько мы с тобой знакомы, Том? Двадцать пять лет?

– Около того, – сказал я, делая глоток кофе.

– Еще когда мы были подростками, ты всегда был голосом разума, – начал Мило. – Ты не дал мне наделать немало глупостей. Без тебя я бы уже давно сидел в тюрьме, а может быть, уже умер. Без тебя Кароль никогда бы не стала полицейским. Без тебя я не смог бы купить дом для моей матери. Короче, я знаю, что всем обязан тебе.

Смущенный, я отмахнулся от его аргументов:

– Если ты пришел для того, чтобы нести весь этот вздор...

– Это не вздор! Мы сумели устоять, Том: перед наркотиками, перед насилием банд; смогли перемолоть испорченное детство...

На этот раз аргумент попал в цель, и я вздрогнул. Несмотря на успех и подъем по социальной лестнице, во мне все еще жил пятнадцатилетний подросток, который так и не уехал из квартала Макартур-парк, с его наркодилерами и лестничными клетками, полными криков. А еще там всюду был страх.

Я повернул голову и посмотрел на океан. Прозрачная вода сверкала тысячей оттенков от бирюзового до ультрамаринового. Лишь несколько волн, гармоничных и регулярных, волновали Тихий океан. Его спокойствие

резко контрастировало с нашей полной перипетий юностью.

– Мы чистые, – продолжал Мило. – Мы заработали деньги честным путем. Мы не носим под пиджаком оружие. На наших рубашках нет ни капли крови, как нет и следов кокаина на наших банкнотах...

– Не понимаю, как все это связано с...

– У нас есть все, чтобы быть счастливыми, Том! Здоровье, молодость, увлекательная работа. Ты не можешь все искорежить из-за женщины. Это слишком глупо! Она тебя не заслуживает. Побереги свою печаль до тех дней, когда настоящее несчастье постучит в нашу дверь.

– Аврора была женщиной моей жизни! Как ты этого не понимаешь? Почему ты не уважаешь мою боль?

Мило вздохнул:

– Что ж, если ты хочешь, я скажу. Если бы она действительно была женщиной твоей жизни, то это она сегодня была бы здесь, с тобой, чтобы помешать тебе погрузиться в разрушительный бред.

Он одним глотком выпил свой эспрессо и констатировал:

– Ты сделал все, чтобы ее вернуть: умолял, пытался заставить ее ревновать, потом ты прошел через унижение перед всем человечеством. Пойми же, все кончено: она не вернется. Аврора перевернула страницу, и тебе следовало бы сделать то же самое.

– У меня не получается, – признался я.

Мило как будто задумался на мгновение, и на его лице появилось одновременно озадаченное и загадочное выражение.

– Что ж, я полагаю, что у тебя просто не осталось выбора.

– Как это?

– Прими душ и оденься.

– Для чего?

– Съедем говяжьи ребра в «Спаго».

– Я не слишком голоден.

– А я веду тебя туда не ради еды.

– А ради чего тогда?

– Для поднятия тонуса – поверь, он тебе понадобится, когда я наконец скажу тебе то, что должен.

3. Съеденный человек

*Нет, Джеф, ты не один,
Но перестань плакать
Вот так перед всеми,
Потому что она почти старуха,
Потому что она крашеная блондинка
И – снова бросила тебя (...)
Я знаю, что у тебя болит сердце,
Но это надо вынести, Джеф.*

Жак Брель ^[3]

– Почему перед моим домом припаркован танк? – спросил я, указывая на импозантный спортивный автомобиль, чьи чудовищные колеса давили на тротуар Колония-роуд.

– Это не танк, – оскорбился Мило, – это «Бугатти Вейрон», модель «Черная кровь», один из самых мощных болидов в мире.

Малибу. Солнце начала второй половины дня. В деревьях шумит ветер

– Ты *опять* купил машину! Ты что их, коллекционируешь?

– Это не машина, старик. Это произведение искусства!

– Я называю это «ловушкой для телок». Неужели еще находятся девушки, с которыми проходит этот трюк с тачкой?

– А ты думаешь, что мне нужны уловки, чтобы подцепить классную девчонку?

Я скривился. Никогда не мог понять увлечения моих братьев-мужчин купе, родстерами и прочими автомобилями с откидным верхом...

– Идем, посмотрим на зверя! – предложил Мило. Его глаза засверкали.

Чтобы не разочаровывать друга, я заставил себя обойти машину. Поджарый, близкий по форме к эллипсу, «Бугатти» походил на кокон, а немногочисленные наросты на нем сверкали на солнце и спорили с черным, как ночь, кузовом: хромированная решетка радиатора, металлизированные зеркала заднего вида, сверкающие диски колес, за которыми горели голубым пламенем дисковые тормоза.

- Хочешь взглянуть на двигатель?
- Еще бы, – вздохнул я.
- Ты знал, что таких машин всего пятнадцать штук в мире?
- Нет, но я счастлив это слышать.
- Он разгоняется до ста километров в час за две секунды, а максимальная скорость почти четыреста километров в час.
- О, да, несомненное преимущество во времена дорогого бензина, полицейских радаров, расставленных через каждые сто метров, и тотальной заботы об экологии планеты!
- На этот раз Мило не сумел скрыть своего разочарования:
- Ты настоящий брюзга, Том! Человек, совершенно не способный ценить легкость бытия и получать удовольствие от жизни!
- Такой человек необходим, чтобы уравновесить наш дуэт, – парировал я. – Так как ты уже выбрал роль беззаботного весельчака, я взял ту, что оставалась.
- Давай, садись.
- За руль?
- Нет.
- Почему?
- Потому что у тебя отобрали права, и тебе это отлично известно...

* * *

Автомобиль выехал из тенистых аллей Малибу-колони и помчался по Пасифик-коуст-хайвей, проходящей вдоль берега. «Бугатти» скользил по дороге легко. В его салоне, затянутом патинированной кожей с оранжевыми отблесками, было тепло. Я чувствовал себя абсолютно защищенным, словно драгоценность в уютном ларце, поэтому закрыл глаза, убаюканный старым соулом Отиса Реддинга^[4], звучащим по радио.

Я осознал, что это спокойствие, мнимое и хрупкое, обеспечили мне несколько таблеток транквилизаторов, которые я успел сунуть под язык после душа. Но моменты передышки бывали настолько редкими, что я уже научился их ценить.

С тех пор как Аврора бросила меня, мое сердце источила болезнь, похожая на рак. Она надолго поселилась в нем, словно крыса в кладовке с продуктами. Печаль – каннибал и хищник – пожирала меня, пока не оставила пустым: без единой эмоции и воли. Первые недели страх перед депрессией держал меня настороже, заставляя бороться против

подавленности и горечи. Но и он покинул меня, а вместе с ним ушли достоинство и желания, даже простое желание сохранить внешние приличия. Эта внутренняя проказа грызла меня без остановки, смывая краски жизни, вытягивая все соки, гася каждую искорку. При малейшем намеке на то, что я готов снова контролировать мое существование, язва превращалась в гадюку, вливая в меня при каждом укусе порцию яда, который коварно проникал в мой мозг в виде болезненных воспоминаний: нежная кожа Авроры слегка дрожит, ее свежий аромат опьяняет, ресницы трепещут, золотистые песчинки отражаются в ее глазах...

Потом и сами воспоминания притупились. Я оглушал себя лекарствами, и все стало размытым. Я плыл по течению, проводя все дни на диване, запершись в темноте, в доспехах медикаментов, сраженный тяжелым искусственным сном, который в плохие дни заканчивался кошмарами, населенными грызунами с острыми мордами и морщинистыми хвостами. Я просыпался в поту, напряженный и трясущийся, охваченный единственным желанием снова убежать от реальности с помощью новой дозы антидепрессантов, еще более оглушающей, чем предыдущая.

В этом коматозном тумане протекали дни и месяцы, которых я не замечал, бессмысленные и пустые. Но реальность не отступала: моя боль оставалась все такой же тяжелой, и за год я не написал ни строчки. Мой мозг застыл. Слова бежали от меня, желание меня покинуло, воображение истощилось.

* * *

Рядом с пляжем Санта-Моника Мило свернул на межштатную магистраль номер десять в направлении Сакраменто.

– Ты видел результаты бейсбольного матча? – наигранно-весело спросил он, протягивая мне свой айфон, в котором был открыт спортивный сайт. «Ангелы» победили «Янки»!

Я рассеянно глянул на экран.

– Мило!

– Что?

– Смотри на дорогу, а не на меня.

Я знал, что мои мучения ставят моего друга в тупик. Он столкнулся с тем, чего никак не мог понять: с моим умственным пробуксовыванием и той внутренней неуравновешенностью, которые мы все носим в себе, но которых, как он ошибочно считал, я был лишен.

Свернув направо, чтобы подняться к Вествуду, мы въехали в «Золотой треугольник»^[5]. Известно, что здесь нет ни больниц, ни кладбищ – только чистейшие улицы с бутиками с заоблачными ценами, посещать которые нужно было по предварительной записи, как врача. С точки зрения демографии Беверли-Хиллз – уникальное место: здесь никогда никто не рождался и не умирал...

– Надеюсь, ты голоден, – сказал Мило, вылетая на Кэнон-драйв.

Мощные тормоза остановили «Бугатти» перед шикарным рестораном.

Протянув ключи служащему парковки, Мило, опережая меня на шаг, уверенно пошел в ресторан, где явно был постоянным клиентом.

Некогда плохой парень из Макартур-парка воспринимал возможность зайти позавтракать в «Спаго» как социальный реванш и делал это, не бронируя столик заранее, тогда как простому смертному пришлось бы озаботиться заранее, недели за три.

Метрдотель провел нас в изысканное патио, где лучшие столики принимали знаменитостей делового мира или шоу-бизнеса. Садясь, Мило незаметно сделал мне знак: в нескольких метрах от нас Джек Николсон и Майкл Дуглас заканчивали свой дижестив, тогда как за другим столиком актриса из комедийного сериала, героиня наших буйных подростковых сексуальных фантазий, жевала лист салата.

Я сел, безразличный к этому «престижному» окружению. Последние два года моя реализованная американская мечта позволила мне познакомиться с некоторыми из моих былых идолов. На частных вечеринках в клубах или на огромных, словно дворцы, виллах я смог пообщаться с актерами, певцами и писателями, которые заставляли меня мечтать, когда я был моложе. Но эти встречи обернулись полным разочарованием и утратой иллюзий. Не стоило проникать за кулисы «фабрики грез». В «настоящей» жизни герои моей юности часто оказывались развратниками, занятыми вечной охотой на «молодые таланты», которые они употребляли, почти сразу же бросали, пресытившись, и пускались на поиски свежего мяса. И еще одно разочарование: некоторые актрисы, на экране полные очарования и остроумия, в обычной жизни лавировали между кокаином, анорексией, ботоксом и липосакцией.

Но какое я имел право судить их? Разве сам я не стал одним из тех типов, которых презирал? Жертва той же изоляции, того же пристрастия к лекарствам и того же универсального эгоцентризма, которые в моменты просветления вызывали у меня отвращение к самому себе.

– Наслаждайся! – с энтузиазмом воскликнул Мило, указывая на

канапе, которые нам только что принесли вместе с аперитивом.

Я едва надкусил кусочек хлеба с тонким кусочком мраморного мягкого мяса.

– Это японская мраморная говядина Кобе, – объяснил Мило. – Представляешь, в Японии коров массируют саке, чтобы жир проникал в мышцы?

Я нахмурился, а он продолжал:

– Чтобы их побаловать, в корм добавляют пиво, а для расслабления включают классическую музыку. Вполне вероятно, что стейк, лежащий у тебя на тарелке, слушал игру Авроры. Возможно даже, он в нее влюбился. Видишь, у вас есть кое-что общее!

Я понимал, что друг изо всех сил старается меня развеселить, но даже юмор меня покинул.

– Мило, ты начинаешь меня утомлять. Может быть, ты, наконец, объяснишь, что такого важного ты хотел мне сообщить?

Он проглотил последнее канапе, не дав возможности своим вкусовым рецепторам раскрыться, а себе – распробовать мясо, вынул из портфеля крошечный ноутбук и открыл его на столе.

– Хорошо. Считай, что с этой минуты с тобой говорит не твой друг, а твой агент.

Это была его ритуальная фраза, с которой начиналась каждая наша так называемая «деловая» встреча. Мило был главной пружиной нашего маленького предприятия. Прижав к уху телефон, он жил на скорости сто километров в час, находясь на постоянной связи с издателями, зарубежными агентами и журналистами, в вечном поиске удачной идеи для продвижения книг своего единственного клиента: меня. Я не знал, как он уговорил «Даблдэй» опубликовать мой первый роман. В суровом мире книгоиздания Мило учился своему ремеслу на ходу, не имея ни специального образования, ни образования вообще, чтобы стать одним из лучших только потому, что он верил в меня больше, чем я верил в себя сам.

Мило искренне считал, что всем обязан мне, но я-то знал, что это *он* сделал из меня звезду, позволив мне после первой же книги войти в магический круг авторов бестселлеров. После первого успеха я получил предложения от самых известных литературных агентов, но я их все отклонил.

Потому что у моего друга Мило было редкое качество, которое я ставил превыше всего: верность.

Во всяком случае, так я думал до того утра, когда услышал его

откровения.

4-

Изнанка

Миру вокруг настолько не хватает надежды, что мне в два раза драгоценнее – мир внутри.

Эмили Бронте^[6]

– Начнем с хороших новостей. Продажи двух первых томов остаются все такими же высокими.

Мило повернул экран компьютера ко мне: красные и зеленые кривые устремлялись к потолку графика.

– Международный рынок принял эстафету от американского. И «Трилогия ангелов» сейчас становится феноменом планетарного масштаба. Всего лишь за шесть месяцев ты получил более пятидесяти тысяч писем от читателей! Ты можешь такое представить?

Я повернул голову и поднял глаза. Я ничего не представлял. Воздушные облака парили в отравленном воздухе Лос-Анджелеса. Мне не хватало Авроры. Зачем мне этот успех, если мне не с кем его разделить?

– Еще одна хорошая новость. Съемки фильма начинаются в следующем месяце. Кира Найтли и Эдриен Броуди подтвердили свое согласие, и влиятельные лица в «Коламбии» в восторге. Они только что уговорили поработать с ними главного художника «Гарри Поттера» и рассчитывают на выход фильма в июле следующего года на трех тысячах экранов. Я присутствовал на нескольких кастингах: это было великолепно. Тебе следовало пойти...

Официантка как раз принесла заказанные нами блюда – тальятелле с крабами для него и омлет с лисичками для меня, – когда на столике завибрировал телефон Мило.

Он бросил взгляд на высветившийся номер, сдвинул брови, помедлил секунду, прежде чем ответить, потом встал из-за стола, чтобы уединиться под небольшим витражом, соединявшим патио с остальным рестораном.

Разговор оказался коротким. До меня долетали обрывки фраз, прерываемых шумом зала. Я догадывался, что беседа была оживленной, с взаимными упреками и упоминанием проблем, которые оставались для меня непонятными.

– Это из издательства «Даблдэй», – объяснил мне Мило, снова усаживаясь за столик. – Звонили по поводу того, о чем я хотел с тобой поговорить. Ничего особо серьезного, всего лишь проблема с печатью люксового варианта твоего последнего романа.

Я дорожил этим изданием, которое мне хотелось видеть изысканным: готическая обложка из искусственной кожи, акварельные рисунки основных персонажей, еще не издававшиеся предисловие и послесловие.

– Какого рода проблема?

– Чтобы удовлетворить спрос, они в спешке выпустили тираж. Надавили на типографию, и что-то пошло не так. Результат: у них на руках сто тысяч бракованных экземпляров. Их пустят под нож, но, к сожалению, некоторые экземпляры уже отправили в книжные магазины. Они составят письмо, чтобы вернуть книги.

Мило достал из портфеля книгу и протянул мне. Даже при быстром перелистывании страниц брак бросался в глаза, потому что из пятисот страниц романа напечатанной оказалась только половина. История резко обрывалась на странице 266 на незаконченной фразе:

«Билли вытерла глаза, почерневшие от потеков туши.

– Пожалуйста, Джек, не уходи так.

Но мужчина уже надел пальто. Он открыл дверь, даже не взглянув на любовницу.

– Умоляю тебя! – закричала она, падая»

И на этом все. Не было даже точки. Книга заканчивалась на слове «падая», а дальше – более двухсот пустых страниц.

Зная свои романы наизусть, я легко вспомнил предложение целиком:

...

«Умоляю тебя! – закричала она, падая на колени».

– Ладно, плевать на это, – отрезал Мило, берясь за вилку. – Пусть они сами разбираются в этом дерьме и улаживают дело. Самое важное, Том, это...

Я знал, что он скажет, еще до того, как он успел закончить фразу:

– Самое важное, Том, это... твой будущий роман.

Мой будущий роман...

Мило проглотил большую порцию пасты и снова застучал по клавишам своего ноутбука.

– Все только этого и ждут. Взгляни-ка на это!

На экране открылась страничка онлайн-продаж сайта [amazon.com](https://www.amazon.com).

Только по предварительным заказам мой «будущий роман» уже занимал первое место, как раз перед четвертым томом «Миллениума»^[7].

– Что ты об этом думаешь?

Я водил курсором по экрану:

– Думал, что Стик Ларссон умер, и четвертый том никогда не будет опубликован.

– Сейчас я говорю о *твоем* романе, Том.

Я снова посмотрел на экран, загипнотизированный продажами того, что еще не существовало и, возможно, никогда не будет существовать. Выход моей книги был анонсирован на десятое декабря этого года. До этой даты оставалось чуть больше трех месяцев. Книга, из которой я не написал ни строчки, и в моей голове существовал лишь пространный проект синопсиса.

– Послушай, Мило...

Но мой друг не был настроен давать мне слово:

– На этот раз я тебе обещаю рекламу, достойную Дэна Брауна. Только не живущий на Земле человек будет не в курсе даты выхода твоего романа в свет.

Увлеченного собственным энтузиазмом Мило было трудно остановить:

– Я уже поднял волну на Facebook, в Twitter и на дискуссионных форумах, где твои поклонники соперничают с твоими хулителями.

– Мило...

– Только в США и в Англии издательство «Даблдэй» запланировало выпустить первый тираж в количестве четырех миллионов экземпляров. Большие плакаты предвосхищали фантастическую неделю. Как и с «Гарри Поттером», книжные магазины откроются в полночь!

– Мило...

– А тебе нужно немного выйти из тени: я могу договориться о твоём интервью на эн-би-си...

– Мило!

– Все только это и обсуждают, Том! Никто из писателей не хочет, чтобы его книга вышла одновременно с твоей, включая Стивена Кинга. Он перенес выход своего карманного издания на январь, чтобы ты не отобрал у него читателей!

Чтобы заставить его замолчать, я грохнул кулаком по столу:

– ПРЕКРАТИ НЕСТИ ЭТОТ БРЕД!

Зазвенели бокалы, посетители подскочили на своих местах, бросая осуждающие взгляды в нашу сторону.

– Не будет никакого *нового* романа, Мило. Во всяком случае, в

ближайшие годы. У меня ничего не получается, и тебе это отлично известно. Я пуст, не способен написать ни единой строчки, и, более того, я больше этого не хочу.

– Но ты хотя бы попытайся! Работа – лучшее лекарство. И потом, писательство – это твоя жизнь. И СПОСОБ вытащить тебя из этого ступора!

– Не думай, что я не пробовал: раз двадцать садился за компьютер, но один его вид вызывает у меня отвращение.

– Ты мог бы купить другой компьютер или писать от руки в школьных тетрадях, как делал это раньше.

– Да, а еще мог бы попробовать написать на пергаменте или на восковых табличках, но... Это ничего не изменило бы.

Мило, казалось, потерял терпение:

– Раньше ты мог работать везде! Я видел, как ты писал на террасе «Старбакса», на неудобных креслах в самолете. Ты писал, опираясь спиной на ограду баскетбольной площадки, а вокруг вопили зрители. Я даже видел, как ты печатал целые главы на мобильном телефоне, дожидаясь автобуса под дождем.

– Что ж, с этим покончено.

– Миллионы людей ждут продолжения твоей истории. Ты обязан это сделать ради твоих читателей!

– Это всего лишь книга, Мило, а не вакцина от ВИЧ!

Он открыл было рот, чтобы возразить, но его лицо вдруг застыло, как будто он только что понял: у него никакого другого средства заставить меня передумать, кроме...

Кроме как сказать мне правду...

– Том, у нас *настоящая* проблема, – начал он.

– О чем это ты?

– О контрактах.

– Да о каких еще контрактах?

– О тех, которые мы подписали с издательством «Даблдэй» и с твоими зарубежными издателями. Они выплатили нам огромные авансы с условием, что ты уложишься в срок.

– Но я никогда ничего не обещал.

– Зато я обещал от твоего имени. И эти контракты ты, возможно, не читал, но ты их подписал...

Я налил себе стакан воды. Мне не нравился оборот, который принимал наш разговор. Много лет назад мы распределили роли: Мило управляет бизнесом, я управляю игрой моего воображения. До этого момента эта

сделка меня всегда устраивала.

– Издатели уже много раз переносили дату выхода книги. Если ты не закончишь книгу в декабре, нам грозят серьезные штрафы.

– Тебе нужно всего лишь вернуть им аванс.

– Это не так просто.

– Почему?

– Потому что мы его уже потратили, Том.

– Каким образом?

Мило с досадой покачал головой:

– Ты хочешь, чтобы я напомнил тебе, сколько стоил твой дом? Или то кольцо с бриллиантами, которое ты подарил Авроре и которое она тебе так и не вернула?

Какая наглость!

– Подожди, что это ты мне рассказываешь? Я отлично знаю, сколько я заработал и сколько я могу позволить себе потратить!

Мило опустил голову. На его лбу выступили капельки пота. Губы сжались, и его лицо, несколькими минутами раньше оживленное энтузиазмом, вдруг стало мрачным и расстроенным.

– Я... Я все потерял, Том.

– Что ты потерял?

– Твои деньги и мои.

– Что за бред?

– Я почти все деньги вложил в фонд, который, как оказалось, замешан в деле Мейдоффа^[8].

– Надеюсь, ты шутишь.

Но нет, мой друг не шутил.

– Все попали в эту ловушку, – расстроенно сказал он. – Крупные банки, адвокаты, политики, артисты, Спилберг, Малкович и даже Эли Визель^[9]!

– И сколько же у меня остается, если не считать дома?

– Твой дом заложен уже в течение трех месяцев, Том. И если уж быть до конца честным, то тебе нечем заплатить даже налог на недвижимость.

– Но... твоя машина? Она должна стоять больше миллиона долларов...

– Скажи два и не ошибешься. Но вот уже месяц я вынужден ставить «Бугатти» в гараж соседки, чтобы его не конфисковали!

Я долго молчал в оцепенении, пока меня вдруг не осенило:

– Я тебе не верю! Ты только что выдумал всю эту историю, чтобы

заставить меня приняться за работу, верно?

– К несчастью, нет.

Теперь я взялся за телефон и набрал номер финансового совета, сотрудники которого занимались уплатой моих налогов, поэтому имели доступ ко всем моим счетам. Мой обычный собеседник подтвердил мне, что мои банковские авуары равны нулю, о чем, как я понял, он предупреждал меня на протяжении нескольких недель, посылая мне заказные письма и оставляя сообщения на автоответчике.

Сколько же времени я не забирал почту и не отвечал по телефону?

Когда я пришел в себя, то не испытал ни паники, ни даже желания броситься на Мило и разбить ему нос. Я почувствовал только лишь огромную усталость.

– Послушай, Том, мы уже выходили из куда более сложных ситуаций, – решил произнести он.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что ты сделал?

– Но ты можешь все исправить, – заверил Мило. – Если тебе удастся закончить роман в срок, мы сможем быстро подняться.

– Как, по-твоему, я успею написать пятьсот страниц меньше чем за три месяца?

– Мне известно, что несколько глав уже готовы.

Я обхватил голову руками. Нет, Мило решительно не осознавал, как тяжело было мне ощущать собственное бессилие.

– Целый час я объяснял тебе, что пуст, что мой мозг заржавел, он сухой как галька. Проблема с деньгами ситуацию не исправит. Все кончено!

Мило продолжал настаивать:

– Ты мне всегда говорил, что для твоего душевного равновесия и психического здоровья тебе просто необходимо писать книги.

– Что ж, как видишь, я ошибался. Меня лишило разума не то, что я перестал писать, а то, что я потерял любовь.

– Но ты хотя бы осознаешь, что разрушаешь себя ради того, чего не существует?

– Это любовь не существует?

– Любовь определенно существует. Но ты придерживаешься идиотской теории о родственных душах. Якобы существует идеальная совместимость между мужчиной и женщиной, которым суждено встретиться...

– Так, значит, только идиоты верят в то, что есть человек, который может сделать тебя счастливым, с которым тебе хотелось бы состариться вместе?

– Разумеется, нет. Но ты-то веришь в другое: в идею о том, что на Земле есть только один человек, созданный для тебя. Что-то вроде части тебя, которой недостает с самого начала и отметину которой ты хранишь в плоти и в душе.

– Напоминаю тебе, что именно это сказал Аристофан в «Пиру» Платона!

– Возможно, но этот твой Аристо-как-его-там и его Планктон ничего не написали о том, что именно Аврора – недостающая часть тебя. Поверь мне: расстанься с этой иллюзией. Мифология, возможно, уместна в твоих романах, но в реальности все действует совершенно по-другому.

– Да, ты прав, в реальности мой лучший друг не довольствуется тем, что разорил меня. Он еще позволяет себе давать мне советы! – огрызнулся я, выходя из-за стола.

Мило тоже встал, вид у него был несчастный. Я чувствовал, что в эту минуту он способен на все, только бы влить в мои вены дозу творчества.

– Итак, ты не собираешься писать роман?

– Не собираюсь. И с этим тебе ничего не удастся сделать. Написать книгу – это не то же самое, что собрать автомобиль или стиральную машину, – крикнул я ему, покидая зал.

Когда я вышел из ресторана, служащий протянул мне ключи от «Бугатти». Я сел за руль авто, включил двигатель, потом первую передачу. От кожаных сидений исходил дурманящий аромат мандарина, а приборная доска из лакированного дерева, украшенная отполированным алюминием, наводила на мысли о космическом корабле.

Ускорение прижало меня к креслу. Шины оставили следы резины на асфальте, а я в зеркале заднего вида увидел Мило. Он бежал за мной, изрыгая ругательства.

5-

Обрывки рая

Ад существует, и теперь я знаю: ужас его в том, что сделан он из обрывков рая.

Алек Ковен^[10]

– Возвращаю тебе твой *инструмент*, можешь отдать его владельцу, – объявил Мило, протягивая Кароль титановую фомку, которую она ему одолжила.

– Его владелец – штат Калифорния, – ответила молодая женщина-полицейский, убирая металлический рычаг в багажник своей машины.

Санта-Моника. 7 часов вечера

– Спасибо, что заехала за мной.

– Где твоя машина?

– Том одолжил ее у меня.

– У Тома нет прав!

– Понимаешь, он на меня разозлился, – понурившись, признался Мило.

– Ты рассказал ему правду? – встревожилась Кароль.

– Да, но это не заставило его снова взяться за работу.

– Я тебя об этом предупреждала.

Кароль заперла машину, и они бок о бок начали спускаться по подвесному мосту к пляжу.

– Но разве ты сама не считаешь безумием желание разрушить себя из-за неудавшейся любви? – занервничал Мило.

Женщина печально посмотрела на него:

– Может быть, это и безумие, но такое постоянно случается. Мне это кажется трогательным и в высшей степени человеческим.

Мило пожал плечами и пропустил ее немного вперед.

Высокого роста, с матовой кожей, волосами цвета воронова крыла и прозрачными, словно вода, глазами Кароль Альварес несла себя с достоинством принцессы майя.

Она родилась в Эль-Сальвадоре и в Штаты приехала в девять лет.

Мило и Том знали ее с детства. Их семьи – или то, что от них осталось, – жили в одном старом доме в квартале Макартур-парк, испанском Гарлеме Лос-Анджелеса, излюбленном месте героинщиков и охотников свести счеты при помощи автоматического оружия.

Все трое делили одну и ту же нищету, жили в окружении давно не отремонтированных домов, ходили по засыпанным мусором тротуарам мимо магазинов с продавленными и исписанными граффити железными жалюзи.

– Посидим немного? – предложила Кароль, раскладывая полотенце.

Мило уселся рядом с ней на белом песке. Мелкие волны лизали кромку берега, оставляя серебристую пену, кусающую босые ноги гуляющих.

Переполненный в летние месяцы пляж этим осенним вечером был намного спокойнее. Знаменитый деревянный пирс Санта-Моники более века неизменно принимал жителей Лос-Анджелеса, приезжавших сюда после рабочего дня, чтобы отдохнуть от стресса и городской суеты.

Кароль закатала рукава рубашки, сняла обувь, закрыла глаза и подставила лицо ветру и ласковому осеннему солнцу. Мило смотрел на нее с причиняющей боль нежностью.

Как и его самого, жизнь не пощадила Кароль. Ей едва исполнилось пятнадцать, когда ее отчим получил пулю в голову во время налета на его продуктовую лавку во время злополучных бунтов, охвативших бедные кварталы города в тысяча девятьсот девяносто втором году. После этой драмы она играла в прятки с социальными службами, чтобы не попасть в приемную семью, предпочитая скрываться у Черной Мамы, бывшей проститутки, копии Тины Тернер, с которой потеряли девственность половина парней Макартур-парка. Кароль кое-как продолжала учебу и подрабатывала: официантка в «Пицца-хат», продавщица дешевой бижутерии, администратор на заштатных конгрессах. При этом она с первого раза поступила в школу полиции, в двадцать два года уже работала в Департаменте полиции Лос-Анджелеса и преодолела первые ступени карьерной лестницы с удивительной быстротой. Сначала офицер, затем детектив и вот уже несколько дней – сержант.

– Ты давно говорила с Томом по телефону?

– Я отправляю ему по два сообщения в день, – ответила Кароль, открывая глаза, – но в лучшем случае получаю лаконичные ответы. – Она сурово посмотрела на Мило: – Что мы сейчас можем для него сделать?

– Прежде всего, не позволить ему убить себя, – ответил он, доставая из карманов пузырьки со снотворными и транквилизаторами, которые ему удалось тайком взять.

– Ты понимаешь, что во всем происходящем есть и доля твоей вины?
– Я виноват в том, что Аврора его бросила? – удивился Мило.
– Ты отлично знаешь, о чем я говорю.
– Значит, я виноват в том, что случился мировой финансовый кризис? Это я виноват, что Мейдофф украл пятьдесят миллиардов долларов? И потом, ответь мне честно: ты-то что думала об этой женщине?

Кароль бессильно пожала плечами:

– Я ничего не знаю, но уверена в том, что она не для него.

Вдали на дамбе вовсю веселилась ярмарка. Крики детей смешивались с запахами сахарной ваты и яблок на палочке в красной карамели. Парк аттракционов с колесом обозрения и американскими горками был выстроен прямо на воде рядом с островом Санта-Каталина, который был виден сквозь легкую дымку.

Мило вздохнул:

– Боюсь, никто так никогда и не узнает, чем закончилась «Трилогия ангелов».

– Я знаю, – спокойно ответила Кароль.

– Ты знаешь конец истории?

– Том мне рассказал.

– Правда? Когда?

Взгляд Кароль затуманился.

– Давно, – расплывчато сказала она.

Мило нахмурился. К удивлению добавилось некоторое разочарование. Он считал, что знает о жизни Кароль все. Они виделись практически каждый день, она была его лучшим другом, его единственной настоящей семьей и – хотя он отказывался это признавать – единственной женщиной, к которой он испытывал романтические чувства.

Он посмотрел на пляж, но мысли его были далеко. Как будто в телесериале, несколько смельчаков скользили по волнам на сёрфах, тогда как спасательницы с телами богинь наблюдали за океаном со своих деревянных вышек. Мило смотрел на них, но не видел, потому что не сводил глаз с Кароль.

Их соединяла сильная привязанность, уходящая корнями в детство, скрещенная со стыдливостью и уважением. Хотя он ни разу не осмелился выразить свои чувства, Мило никогда не выпускал Кароль из виду и беспокоился за нее из-за опасной профессии. Она об этом не подозревала, но вечерами Мило случалось сесть в машину и отправиться ночевать на парковку перед ее многоквартирным домом просто потому, что он

чувствовал себя увереннее, находясь рядом с ней. Правда была в том, что больше всего на свете Мило боялся потерять Кароль: пусть он и сам до конца не понимал, что именно он вкладывал в этот глагол: боязнь, что она попадет под поезд? Что ее подстрелят, когда она будет арестовывать преступника? Или – и это куда больше похоже на истину – что ему придется смириться, увидев, как она расцветает в объятиях другого мужчины?

Кароль надела солнечные очки и расстегнула еще одну пуговицу на рубашке. Несмотря на жару, Мило устоял перед желанием закатать рукава сорочки. На его руках в верхней части были татуировки в виде каббалистических знаков, нестираемые свидетельства его давней принадлежности к знаменитой «МС-13» или «Мара Сальватруча» («Бродячие муравьи»), крайне жестокой банде, царившей в квартале Макатур-парк, в которую он от нечего делать вступил в возрасте двенадцати лет. Рожденный матерью-ирландкой от отца-мексиканца, Мило считался «чикано» среди членов этого клана, созданного молодыми иммигрантами из Сальвадора, которые подвергли его ритуалу посвящения под названием «медведка». Это было испытание для новичков – групповое изнасилование для девочек и избиение в течение тринадцати минут для мальчиков. Абсурдный акт, который должен был доказать мужество, стойкость и верность новичка, но иногда заканчивался кровью.

Несмотря на свой юный возраст, Мило его «пережил» и больше двух лет угонял автомобили, рэкетировал торговцев и перепродавал огнестрельное оружие для «Бродячих муравьев». К пятнадцати годам он превратился в подобие дикого зверя, чья жизнь управлялась только насилием и страхом. Попавший в ловушку спирали, по которой он скатывался все ниже, представляя свое будущее за решеткой или в могиле, Мило удалось вырваться исключительно благодаря уму Тома и нежности Кароль, которые вытащили его из этого ада, опровергнув принцип, что из «Бродячих муравьев» невозможно выйти даже под страхом смерти.

Заходящее солнце метало свои последние стрелы. Мило несколько раз моргнул, чтобы защититься от света и чтобы прогнать воспоминания и боль прошлого.

– Давай поедим морепродуктов? Я приглашаю, – предложил, прыжком поднимаясь на ноги.

– Учитывая, сколько у тебя осталось денег на банковском счете, в этот раз приглашаю я, – сказала Кароль.

– Мы отметим твоё продвижение по службе. – Мило протянул руку, помог Кароль встать.

Они побрели с пляжа, прошли несколько метров вдоль велосипедной дорожки, которая соединяла Венис-бич и Санта-Монику, потом свернули на широкий тротуар на Третьей улице, обсаженной пальмами, где расположились многочисленные художественные галереи и модные рестораны.

Они устроились на террасе пивного ресторана «Анизетт», где в меню, написанном по-французски, фигурировали блюда с экзотическими названиями: *frisée aux lardons, entrecôte aux échalotes ou pommes dauphinoises*^[11].

Мило настоял на том, чтобы они попробовали аперитив под названием *pastis*^[12], который ему подали на калифорнийский манер в большом стакане с кубиками льда.

Несмотря на жонглеров, музыкантов и глотателей огня, развлекавших прохожих на улице, обед прошел мрачно. Кароль была печальна, Мило мучился под грузом вины. Разговор вертелся вокруг Тома и Авроры.

– Ты знаешь, *почему* он пишет? – вдруг спросил Мило в разгар трапезы, неожиданно осознав, что он не знает главного в психологии своего друга.

– О чем ты?

– Я знаю, что Том всегда любил читать, но писать – это совсем другое. Подростком ты его знала лучше, чем я. Что его заставило придумать свою первую историю?

– Понятия не имею, – поспешила ответить Кароль.

Но она солгала.

* * *

Малибу. 8 часов вечера

Поездив по городу, я припарковал «Бугатти», которому грозила конфискация, возле дома, уже мне не принадлежавшего, как я только что выяснил. Несколькими часами раньше я был на дне ямы, но с состоянием в десять миллионов долларов. Теперь я просто был на дне ямы...

Измученный, запыхавшийся, хотя и не пробежал ни метра, я рухнул на диван, устремив взгляд на переплетение балок, поддерживавших нерезкий склон потолка.

У меня болела голова, спина разламывалась, ладони были мокрыми, желудок скрутило узлом. Сердце колотилось, поднимая грудную клетку.

Внутри я был пуст, меня сжирал ожог, добравшийся до моей кожи.

Многие годы я по ночам писал, вкладывая в создание романа все эмоции и энергию. Затем я начал давать пресс-конференции и подписывать книги во всех уголках земного шара, создал благотворительную организацию, чтобы дети из моего старого квартала могли изучать искусство. Во время нескольких концертов я даже сыграл на ударных с моими «идолами»: «Рок Боттом Римейндерс»^[13].

Теперь я потерял вкус ко всему: к людям, книгам, музыке и даже к лучам солнца, опускавшегося за океан.

Совершив усилие, чтобы встать, я вышел на террасу и облокотился на ограждение. Ниже, на пляже, напоминая о периоде «Бич Бойз», старый желтый «Крайслер» с отделкой из лакированного дерева гордо нес на заднем стекле девиз города: *Malibu, where the mountain meets the sea*^[14].

Я смотрел на пылающую кайму на горизонте, освещавшую небо, пока не ослеп и пока волны не поглотили ее. Это зрелище, некогда завораживавшее меня, больше не вызывало у меня никакого восхищения. Я ничего не чувствовал, как будто мой запас эмоций иссяк.

Единственное, что могло бы меня спасти, – это новая встреча с Авророй, ее гибкое, как лиана, тело, мраморная кожа, серебряные глаза, исходящий от нее аромат песка. Но я знал, что этого не будет. Знал, что проиграл сражение, и из этого сражения я вышел с единственным желанием: сжигать свои нейроны с помощью метадона или любой другой дряни, которую я мог достать.

Мне нужно было поспать. Вернувшись в гостиную, я нервно начал искать лекарства, но вскоре догадался, что их унес Мило. Бросив кухню, принялся рыться в мешках с мусором. Ничего. Охваченный паникой, я побежал на второй этаж, открыл все шкафы, чтобы отыскать сумку для поездок. В маленьком карманчике меня ждали начатая упаковка снотворного и несколько капсул с транквилизаторами, сохранившиеся после последнего рекламного тура в Дубай, где я подписывал книги для читателей в большом книжном магазине в торгово-развлекательном центре «Молл оф зэ Эмирейтс».

Почти против воли я высыпал все капсулы в ладонь и несколько мгновений смотрел на десяток белых и голубых «куколок», которые как будто дразнили меня:

«Куда тебе, слабак!»

Никогда еще я не был так близко от пустоты. В моей голове сталкивались страшные картины: мое тело на веревке, газовый шланг во рту, ствол револьвера у виска. Рано или поздно моя жизнь обязательно закончится именно так. Разве я сам этого не знал в глубине души?

«Куда тебе!»

Я проглотил пригоршню капсул как избавление. Мне было трудно их проглотить, но глоток минеральной воды протолкнул все.

Доплелся до спальни и рухнул на кровать.

Пространство было пустым и холодным, ограниченным лишь стеной из сверкающих стеклянных квадратов бирюзового цвета, достаточно прозрачных, чтобы пропускать солнечный свет.

Я свернулся клубочком на матрасе, раздавленный страшными мыслями.

С белой стены на меня с состраданием смотрели любовники Марка Шагала, как будто они сожалели о том, что не могут облегчить мои страдания. Перед приобретением дома (который больше не был моим) или кольца для Авроры (которая больше не была моей Авророй) покупка картины русского художника стала моим первым безумием. Лаконично названное «Голубые любовники» полотно Шагала датировалось 1914 годом. Я влюбился в них с первого взгляда. На картине любовники обнимались, соединенные чувством загадочным, страстью искренней и утоленной. Для меня она символизировала выздоровление двух раненых существ, пришитых друг к другу, чтобы у них остался один шрам на двоих.

Я медленно падал в состояние глубокого сна, и мне показалось, я постепенно отключаюсь от боли мира. Мое тело исчезало, сознание покидало меня, жизнь уходила из меня...

6. Когда я тебя встретил

Нужно иметь внутри себя хаос, чтобы родить танцующую звезду.

Фридрих Ницше

**ВСПЫШКА.
ЖЕНСКИЙ КРИК.
ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ!**

Из кошмара меня вырвал звон разбившегося стекла. Я резко открыл глаза. В комнате царила темнота, дождь колотил в стекло.

Я с трудом сел в постели. В горле пересохло. Я чувствовал жар и обливался потом. Дышал я с трудом, но все-таки был жив.

Я посмотрел на радиобудильник:

03:16

С первого этажа доносился какой-то шум, и я ясно слышал, как ставни бьются о стену.

Я попробовал включить лампу в изголовье, но, как это часто случается, гроза нарушила электроснабжение в Малибу.

С превеликим трудом я встал. Меня тошнило, голова была тяжелой. Сердце колотилось о ребра, как будто я пробежал марафонскую дистанцию.

Голова закружилась, и мне пришлось опереться о стену, чтобы не упасть. Снотворное меня, конечно, не убило, но превратило в развалину, и я никак не мог прийти в себя. Больше всего меня беспокоили глаза: их как будто порезали, и они горели так, что мне тяжело было держать их открытыми.

Мучаясь от мигрени, я заставил себя спуститься на несколько ступеней, держась за перила. При каждом шаге мне казалось, что желудок выворачивает наизнанку, и меня вот-вот стошнит посреди лестницы.

На улице бушевала гроза. Под вспышками молний дом выглядел как маяк посреди бури.

Добравшись до подножия лестницы, я констатировал ущерб. Ветер

ворвался через высокую стеклянную дверь, оставшуюся открытой настежь, перевернул по пути хрустальную вазу, и та разбилась. Ливень начал уже затапливать гостиную.

Проклятье!

Я поспешил закрыть стеклянную дверь и поплелся на кухню, чтобы отыскать коробок спичек. Только вернувшись назад, я вдруг почувствовал чужое присутствие и услышал дыхание.

Я резко обернулся и...

* * *

Женский силуэт, тонкий и изящный, китайской тенью проступил на фоне голубого света ночи за окном.

Я подскочил и шире раскрыл глаза. Видел я не много, но различил, что молодая женщина была голой, одной рукой она прикрывала низ живота, другой – грудь.

Этого мне только не хватало!

– Кто вы? – спросил я, подходя ближе и рассматривая ее с головы до ног.

– Эй! Вы бесцеремонны! – воскликнула она, хватая с дивана шерстяной шотландский плед и заворачиваясь в него.

– Что значит, я *бесцеремонный*? Все с ног на голову! Напоминаю вам, что *вы* в моем доме!

– Возможно, но это не повод для...

– Кто вы? – повторил я свой вопрос.

– Думала, что вы меня узнаете.

Я плохо различал ее, но ее голос, в любом случае, был мне незнаком, и у меня не было ни малейшего желания играть с ней в угадайку. Я чиркнул спичкой о коробок и зажег фитиль старого масляного фонаря, который отыскал на блошином рынке в Пасадене.

Мягкий свет залил комнату, и я, наконец, увидел незваную гостью. Это была молодая женщина лет двадцати пяти со светлыми глазами, одновременно испуганными и строптивыми, и шевелюрой цвета меда, с которой стекала вода.

– Не понимаю, как я мог бы вас узнать. Мы с вами никогда не встречались.

Она насмешливо хмыкнула, но я отказывался играть в ее игру.

– Ладно, хватит, мисс! Что вы здесь делаете?

– Это я, Билли! – сказала она таким тоном, будто это было очевидно, и натянула плед на плечи.

Я заметил, что она дрожит и губы у нее трясутся. Ничего удивительного: она промокла, а в гостиной царил ледяной холод.

– Не знаю никакой Билли, – ответил я, направляясь к большому шкафу из орехового дерева, который служил мне чуланом.

Отодвинув дверцу в сторону и порывшись в спортивной сумке, я нашел пляжную простыню с гавайским рисунком.

– Держите! – крикнул я ей, бросая полотенце с другого конца комнаты.

Она поймала его на лету, вытерла волосы и лицо, с вызовом глядя на меня.

– Билли Донелли, – уточнила она, ожидая моей реакции.

Не понимая до конца смысла ее слов, я долго стоял без движения. Билли Донелли была второстепенным персонажем моих романов: девушка трогательная, но несколько жалкая, она работала медсестрой в государственной больнице Бостона. Я знал, что многие читательницы узнавали в этой девушке себя: эдакая «девушка-соседка» с чередой неудачных любовных историй.

Опешив, я сделал несколько шагов навстречу девушке и направил на нее фонарь: изящная стройность, динамичная и чувственная, как у Билли, ее же сияющие волосы, чуть угловатое лицо с несколькими едва заметными веснушками.

Но кто эта девушка? Одержимая поклонница? Читательница, отождествляющая себя с моим персонажем? Почитательница, которая несколько не в себе?

– Вы мне не верите, так? – спросила она, устраиваясь на табурете у барной стойки в кухне, вылавливая из корзины с фруктами яблоко и вонзая в него зубы.

Я поставил фонарь на деревянную рабочую поверхность. Несмотря на острую боль, пронзавшую мой мозг, я решил сохранять спокойствие. Навязчивые поклонники знаменитостей в Лос-Анджелесе не могли удивить никого. Я знал, что как-то утром Стивен Кинг обнаружил в своей ванной комнате вооруженного ножом мужчину. Начинающий сценарист однажды пробрался к Спилбергу, чтобы заставить его прочитать сценарий. А сумасшедший поклонник Мадонны угрожал перерезать ей горло, если она откажется выйти за него замуж...

Долгое время эта участь обходила меня стороной. Я не появлялся на телевидении, отказывался от большинства интервью и, несмотря на настояния Мило, никогда не появлялся на сцене, чтобы продвигать мои

книги. Даже гордился тем, что мои читатели ценят мои истории и моих персонажей больше, чем мою скромную персону. Но мои отношения с Авророй попали в прессу и помимо моей воли перевели меня из категории писателей в менее почетную категорию «публичных людей».

– Эй! Алло! Есть кто-нибудь на другом конце провода? – окликнула меня Билли, размахивая руками. – Можно подумать, что вас сейчас удар хватит с этими вашими глазами, похожими на яйца ласточки!

Та самая «образная» речь, как у Билли...

– Все, достаточно, сейчас вы что-нибудь на себя наденете и благоразумно отправитесь к себе домой.

– Полагаю, что мне будет трудно вернуться домой...

– Почему?

– Потому что мой дом в ваших книгах. Для гения литературы вы, на мой взгляд, слишком тормозите на старте.

Я вздохнул, не поддаваясь отчаянию, и постарался ее урезонить:

– Мисс, Билли Донелли – это выдуманный персонаж...

– До этого момента я с вами согласна.

«Это уже неплохо».

– Но сегодня ночью в этом доме мы с вами в реальности.

– Ясное дело.

«Хорошо, продвигаемся понемногу».

– Итак, если бы вы были персонажем книги, вас бы здесь не было.

– А вот и нет!

«А все так славно начиналось».

– Объясните мне, как это вышло, но только быстро, потому что я очень хочу спать.

– Я упала.

– Откуда упала?

– Из книги. Выпала из вашей истории!

Я смотрел на нее, не веря своим ушам, не понимая ни единого слова из ее рассуждений.

– Вот, выпала из строчки посреди незаконченной фразы, – добавила она, указывая на лежащую на столе книгу, ту самую, которую Мило отдал мне за завтраком.

Девушка встала, принесла мне ее и открыла на странице 266. Второй раз за день я пробежал глазами абзац, в котором история резко обрывалась:

«Билли вытерла глаза, почерневшие от потеков туши.

– Пожалуйста, Джек, не уходи так.

Но мужчина уже надел пальто. Он открыл дверь, даже не взглянув на любовницу.

– Умоляю тебя! – закричала она, падая».

– Вы видите, здесь написано: «...закричала она, падая». Вот я и упала к вам.

Я шалел все больше и больше. Почему такого рода ситуации сваливаются (удачно я слово подобрал) всегда на меня? Чем я это заслужил? Я, конечно, немного сдвинутый, но не до такой же степени! Я же принял всего несколько капсул снотворного, а не ЛСД! Как бы там ни было, но девушка, вполне вероятно, существовала только в моей голове. Она вполне могла быть досадным симптомом передозировки лекарств, от которых у меня начался бред.

Я попытался уцепиться за эту идею, стараясь убедить себя, что все происходящее всего лишь головокружительная галлюцинация, оккупировавшая мой мозг. И все же не удержался от замечания:

– Вы совершенно сумасшедшая, и это еще эвфемизм. Вам об этом уже говорили, верно?

– А вам бы лучше пойти и лечь спать. Потому что у вас вместо головы задница. И это не эвфемизм.

– Да, я собираюсь пойти и лечь спать, потому что не намерен терять время с девушкой, у которой голова не варит!

– Мне надоели ваши оскорбления!

– А мне надоело возиться с безумной девицей, упавшей с луны, чтобы появиться в моем доме голышом в три ночи!

Я вытер капельки пота со лба. Мне снова стало трудно дышать, от волнения спазмы скрутили мышцы моей шеи.

Мобильный телефон оставался в моем кармане, поэтому я достал его, чтобы набрать номер поста охраны, который следил за порядком в Малибу.

– Конечно, давайте, выкиньте меня на улицу! – крикнула она. – Это же куда проще, чем помочь человеку!

Я не должен был вступать в ее игру. Разумеется, кое-что в ней не оставило меня равнодушным: мордашка из японского комикса манга, смеющаяся свежесть, мальчишество, которое смягчали глаза-лагуны и бесконечные ноги. Но порола такую чушь, что я не понимал, чем ей помочь.

Я набрал номер и стал ждать.

Первый гудок.

Лицо у меня горело, голова становилась все тяжелее и тяжелее. Потом

что-то случилось со зрением: предметы стали двоиться.

Второй гудок.

Мне нужно было плеснуть водой в лицо, мне нужно было...

Но все вокруг меня потеряло реальные очертания, заколыхалось. Я услышал третий гудок, донесшийся откуда-то издалека, а потом потерял сознание и упал на пол.

7. Билли при свете луны

Музы – это привидения, и им иногда случается выходить на сцену без приглашения.

Стивен Кинг

Дождь все так же лил, не переставая, оставляя огромные капли на стеклах, дрожавших под порывами ветра. Включилось электричество, хотя огоньки ламп все еще иногда мигали.

Малибу. 4 часа утра

Укрытый покрывалом Том крепко спал на диване.

Билли включила радиаторы отопления и надела его купальный халат, который был ей слишком велик. Волосы замотаны полотенцем, в руке чашка чая, она прошла по дому, открывая шкафы и ящики, проводя тщательный осмотр содержимого, от платяных шкафов до холодильника.

Если не считать беспорядка, царившего в гостиной и в кухне, ей понравился богемный и рок-н-рольный стиль интерьера: доска для сёрфинга из лакированного дерева, подвешенная к потолку, лампа из коралла, подзорная труба из никелированной латуни, музыкальный автомат того времени...

Она провела полчаса, просматривая книги на полках книжного шкафа, выхватывая то одну, то другую, повинувшись своему вдохновению. На письменном столе стоял ноутбук Тома. Билли включила его без всякого стеснения, но ее остановил пароль. Она попробовала несколько слов из мира литературы, но ни одно из них не позволило ей проникнуть в тайны компьютера.

В ящиках она нашла десятки писем от читателей, присланных Тому из всех уголков земного шара. В некоторых конвертах были рисунки, в других – фотографии, засушенные цветы, амулеты, медальоны на удачу... Больше часа Билли внимательно читала все эти письма и с удивлением констатировала, что в большинстве из них шла речь о ней.

Деловой корреспонденции тоже было много, но Том даже не сделал попытки ее открыть: счета, банковские выписки, приглашения на премьеры, копии журнальных статей, присланных пресс-службой издательства «Даблдэй». Без долгих колебаний она распечатала

большинство конвертов, просмотрела список расходов писателя, погрузилась в отчет, который пресса дала о его разрыве с Авророй.

Читая, она часто посматривала в сторону дивана, чтобы удостовериться, что Том по-прежнему спит. Дважды она вставала и поправляла на нем покрывало, как сделала бы это для больного ребенка.

Билли долго рассматривала диораму фотографий Авроры в цифровой рамке, стоявшей на каминной полке. Пианистка излучала необыкновенную легкость и грацию. Что-то в ней такое было: сильное и чистое. Перед этими снимками Билли не удержалась от наивного вопроса: почему некоторым женщинам столько достается при рождении – красота, образование, богатство, таланты, – а другим так мало?

Потом она устроилась в амбразуре окна и стала смотреть на дождь, стучавший по стеклам. Она видела свое отражение в стекле, и оно ей не понравилось. Собственная внешность вызывала у нее сомнения. Лицо угловатое, лоб слишком широкий. Расхлябанная фигура делает ее похожей на стрекозу. Нет, она не считала себя очень красивой со своей маленькой грудью, узкими бедрами, неловкой походкой высокой и тощей девицы и веснушками, которые она ненавидела. Хотя, разумеется, у нее были длинные до бесконечности ноги... Это ее «смертельное оружие в игре обольщения», если повторить выражение, использованное в романах Тома. Эти ноги сводили с ума многих мужчин, хотя и не самых истинных джентльменов среди них. Она выбросила эти мысли из головы и, спасаясь от «врага в зеркале», покинула свой наблюдательный пост, чтобы пройти по второму этажу.

В гардеробной гостевой спальни она нашла безупречно сложенную одежду. Эти вещи явно забыла Аврора, они свидетельствовали о внезапности ее разрыва с Томом. Билли осмотрела эту пещеру Али-бабы, глаза ее блеснули, как у маленькой девочки. В гардеробе было несколько вещей из модной классики: пиджак от Бальмена, бежевый тренч «Берберри», сумка «Биркин» – настоящая! – джинсы «Нотифай»...

В ящике для обуви с поднимающейся дверкой она нашла настоящий священный Грааль – лодочки от Кристиана Лабутена. Чудо: они оказались ей по ноге! Она не утерпела и примерила их перед зеркалом со светлыми джинсами и атласным топом, подарив себе четверть часа превращения из Золушки в принцессу.

Билли закончила знакомство с домом посещением спальни Тома и удивилась тому, что эта комната купалась в голубом свете, хотя ни одна лампа не была включена. Она повернулась к картине, висевшей на стене, и, как зачарованная, смотрела на нежное объятие влюбленных.

В полотне Шагала было нечто нереальное, и оно, казалось, светится в ночи.

8-

Укравшая жизнь

Мир не сделает тебе подарка, поверь мне. Если хочешь иметь полноценную жизнь, укради ее сам.

Лу Андреас-Саломе [\[15\]](#)

Теплая волна пробежала по моему телу и коснулась лица. Я чувствовал себя защищенным, мне было хорошо в тепле. Я немного посопровтивлялся желанию открыть глаза, чтобы продлить этот амниотический сон в ватном коконе. Потом мне показалось, что вдали звучит песня, вернее, припев песни в стиле регги, ноты которого смешивались с запахом, пришедшим из детства: оладьи с бананами и яблоки в карамели.

Моя мигрень испарилась. Наглое солнце заливало своим светом всю комнату. Прикрывая глаза рукой, чтобы оно меня не слепило, я повернул голову к террасе. Музыка лилась из моего маленького радиоприемника, поставленного на сервировочный столик из полированного тикового дерева.

Вокруг стола происходило какое-то движение, против света порхали прозрачные полы платья с разрезом до верхушки бедра. Я принял вертикальное положение и сел, опираясь спиной на спинку дивана. Мне было знакомо это розовое, цвета плоти платье с тонкими бретельками! Я узнал тело, которое угадывалось под просвечивающей на солнце материей!

– Аврора... – прошептал я.

Легкий воздушный силуэт приблизился, закрывая солнце и...

Нет, это была не Аврора, это была та самая ночная сумасшедшая, которая принимала себя за персонаж моего романа!

Я прыжком сорвался с дивана, но тут же вернулся обратно, сообразив, что я голый, словно червяк.

Эта придурочная меня раздела!

Я поискал глазами одежду или хотя бы трусы, но на расстоянии вытянутой руки ничего не было.

Нет, так не пойдет!

Я схватил покрывало, обернул его вокруг талии и поспешил на террасу.

Ветер разогнал облака. Небо очистилось и сияло притягательной голубизной. В летнем платье «клон» Билли суетился вокруг стола, как летала бы пчела в лучах солнца.

– Что вы здесь до сих пор делаете? – разъярился я.

– Странный способ сказать мне «спасибо» за то, что я приготовила завтрак!

Не считая маленьких блинчиков, она поставила на стол два стакана с грейпфрутовым соком и сварила кофе.

– И потом, по какому праву вы меня разделите?

– Это была моя очередь! Вы ночью не постеснялись рассмотреть меня с ног до головы...

– Но вы в моем доме!

– Бросьте! Не станете же вы раздувать целую историю из-за того, что я видела вашего «дружка»!

– «Дружка»?!

– Ну да, вашего «Иисусика», вашу «маленькую зверушку»...

Моего «Иисусика»! Мою маленькую «зверушку»! Я поплотнее закутался в покрывало.

– Обратите внимание, что я употребила прилагательное «маленькую» ласкательно, поскольку с размером у вас все в полном порядке...

– Хватит шуток! – оборвал я ее. – К тому же, если вы хотите подольститься ко мне...

Она протянула мне чашку кофе:

– Вы когда-нибудь говорите спокойно?

– И по какому праву вы надели это платье?

– Вы не находите, что оно мне очень идет? Это платье вашей бывшей подружки, да? Я не могу представить, что вы переодеваетесь в женщину...

Я рухнул на стул и потер глаза, чтобы прийти в себя. Этой ночью я наивно надеялся, что девушка окажется всего лишь галлюцинацией, но я, к несчастью, ошибся. Это была женщина, настоящая женщина, да к тому же еще первостатейная стерва.

– Пейте ваш кофе, пока он не остыл.

– Спасибо, не хочу.

– У вас вид восставшего из могилы покойника, и вы не хотите кофе?

– Я не хочу *ваш* кофе, а это совсем другое.

– Почему?

– Потому что я не знаю, чего вы напихали в мою чашку.

– Не думаете же вы, в самом деле, что я пытаюсь вас отравить?

– Я знаю сумасшедших вашего сорта...

– Ах, «сумасшедших моего сорта»!

– Точно: нимфоманки с бредовой идеей, чтобы их любил актер или писатель, которым они восхищаются.

– Я нимфоманка?! Старина, вы действительно принимаете желаемое за действительное. И если вы полагаете, что я вами восхищаюсь, то вы попали пальцем в небо!

Я потер виски, глядя на то, как солнце победно поднимается над линией горизонта. Шейные позвонки болели, головная боль мгновенно вернулась, решив на этот раз терзать мой затылок.

– На мой взгляд, шутка слишком затянулась. Вы вернетесь к себе и не станете вынуждать меня вызывать полицию, договорились?

– Послушайте, я понимаю, что вы отказываетесь принимать правду, но...

– Но?

– ...я действительно Билли Донелли. Я действительно персонаж романа, и, поверьте, ситуация пугает меня так же, как и вас.

Ошеломленный, я все-таки отпил глоток кофе, а потом после недолгого колебания допил чашку до конца. Возможно, напиток был отравлен, но, судя по всему, яд не обладал мгновенным действием.

И все же я держался настороже. Ребенком я видел телепередачу, в которой убийца Джона Леннона оправдывал свое преступление желанием получить часть славы своей жертвы. Я не был бывшим битлом, а эта женщина куда симпатичнее Марка Дэвида Чепмена. Но я знал, что многие *сталкеры*^[16] были психопатами и переходили к действиям импульсивно и резко. Я постарался говорить как можно убедительнее, чтобы попытаться еще раз урезонить ее:

– Послушайте, я думаю, что вы слегка... не в себе. Такое бывает. Всем нам случается действовать неадекватно. Возможно, вы недавно пережили потерю близкого человека или лишились работы? Возможно, вас бросил ваш приятель? Или вы чувствуете себя отвергнутой и полной недовольства? Если это ваш случай, я знаю психолога, который мог бы...

Она прервала мою речь, помахав перед моим носом рецептами, выписанными доктором Софией Шнабель:

– Насколько я поняла, это вам нужен психотерапевт, разве нет?

– Вы рылись в моих вещах!

– Точно, – подтвердила она, наливая мне еще одну чашку кофе.

Ее поведение выводило меня из себя. Что я должен был делать в подобной ситуации? Вызвать полицейских или врача? Слова девушки заставили меня предположить, что в прошлом она попадала либо в

полицию, либо в психиатрическую лечебницу. Самое простое было бы выставить ее за дверь, применив грубую силу, но если бы я до нее дотронулся, эта зараза вполне способна сделать вид, будто я хотел ею воспользоваться. Такой риск мне был ни к чему.

– Вы провели ночь не у себя дома, – констатировал я, предпринимая последнюю попытку. – О вас наверняка беспокоятся ваши родственники или друзья. Если вы хотите кого-либо предупредить, вы можете воспользоваться моим телефоном.

– Поверить не могу! Прежде всего, обо мне никто не беспокоится, и это печально, готова признать. Что же касается вашего телефона, его вам только что отключили, – метко парировала она, возвращаясь в гостиную.

Я увидел, как Билли направляется к большому рабочему столу, который я использовал вместо бюро. С улыбкой она извлекла из кучи пакет счетов.

– Ничего удивительного, – заметила моя незваная гостья. – Вы уже несколько месяцев не платите абонентскую плату!

Это было уже чересчур. Импульсивно я бросился на нее и толкнул так, чтобы она упала в мои объятия. И пусть меня обвинят в агрессии, тем хуже. Лучше это, чем слушать ее хотя бы еще одну минуту. Я крепко держал Билли одной рукой под коленями, другой за поясницу. Она отбивалась изо всех сил, но я не отпускал ее и вытащил на террасу, где и поставил без особой нежности на пол как можно дальше от двери. Потом я поспешил вернуться в гостиную и закрыл за собой стеклянную дверь.

Вот так-то!

Добрые старые методы, только они и помогают.

Почему я выдерживал эту неприятную компанию так долго? Не так уж сложно было от нее избавиться, в конце концов! Согласен, в своих романах я писал противоположное, но иногда не так и плохо, если сила побеждает слова...

Я смотрел на молодую женщину, «запертую снаружи», с довольной улыбкой. Она ответила на мою радость непристойным жестом.

Наконец-то я один!

Покой был мне необходим. Транквилизаторы у меня закончились, поэтому я взял мой айпод и на манер друида, готовящего успокаивающий отвар, состряпал для себя плейлист из произведений Майлза Дэвиса, Джона Колтрейна и Филипа Гласса^[17]. Я включил звук, и комнату заполнили первые звуки «Kind of Blue», самой красивой джазовой композиции в мире. Этот диск нравился даже тем, кто не любил джаз.

В кухне я сделал себе новый кофе, потом вернулся в гостиную,

надеясь, что моя странная гостя уже исчезла с террасы.

Но этого не произошло.

Явно в плохом настроении – еще один эвфемизм – она крушила то, в чем подавала завтрак. Кофейник, тарелки, чашки, стеклянный поднос – все, что могло разбиться, было сброшено на терракотовые плитки. Потом она забарабанила в стеклянную дверь, а затем изо всех сил метнула в нее садовый стул. Но тот лишь отскочил от непробиваемого стекла.

– Я БИЛЛИ! – прокричала она несколько раз. Тройной стеклопакет приглушил звук, и я скорее догадался, чем услышал ее слова. Это буйство не могло не встревожить соседей, так что вскоре появится служба охраны Малибу и избавит меня от докучливой девицы.

Наконец, она села у двери, опустила голову на руки и казалась сломленной и отрешенной. Тронутый таким отчаянием, я смотрел на нее не мигая, осознавая, что ее слова произвели на меня не то чтобы завоораживающее впечатление, но заставили задуматься.

Она подняла голову, и между прядями золотистых волос я увидел в ее глазах цвета незабудок калейдоскоп эмоций, от самой нежной до самой хаотичной.

Я медленно подошел к стеклянной двери и тоже сел, сцепившись с ней взглядами, пытаясь понять правду, если не найти объяснение. И только тут я заметил, как будто от боли задрожали веки Билли. Я отодвинулся и увидел, что ее платье все запятнано кровью! Потом я заметил в ее руке нож для хлеба и понял, что она сама ранила себя. Я встал, чтобы помочь ей, но на этот раз девушка сама заблокировала дверь снаружи, подперев ручку столом.

«Почему?» – спросил я ее взглядом.

Она посмотрела на меня с вызовом и вместо ответа несколько раз хлопнула по стеклу ладонью левой руки, из которой лилась кровь. Наконец, она остановила израненную руку, и я увидел три цифры, вырезанные в ее коже:

Татуировка на плече

Написанные кровью цифры плясали перед моими глазами:

В нормальное время моим первым порывом было бы набрать 911 и вызвать помощь, но что-то удерживало меня от поспешных действий. Из ран обильно текла кровь, но они не выглядели фатальными. О чем мне говорил этот жест? Почему эта женщина именно так разрезала себе руку?

Потому что она сумасшедшая...

Это понятно, а что еще?

Потому что я ей не поверил.

Какая связь между числом 144 и тем, что она мне рассказала?

Она снова со всей силы хлопнула по стеклу ладонью, и я увидел, что ее палец указывает на лежащую на столе книгу.

Мой роман, история, персонажи, вымысел...

Это же очевидно:

Страница 144.

Я схватил книгу, торопливо перелистал ее до нужной страницы. Это было начало главы:

На другой день после того, как она впервые занималась любовью с Джеком, Билли отправилась в тату-салон в Бостоне. Игла бегала по ее плечу, выталкивая чернила под кожу, мелкими штрихами нанося надпись вязью. Знак, который использовали члены древнего индейского племени, чтобы оценить суть любовного чувства: *немного тебя вошло в меня навсегда и отравило меня словно яд*. Телесный эпитаф, который она намеревалась отныне носить как помощь, чтобы встретиться с болью жизни.

Я поднял голову к моей «посетительнице». Она сжалась в комок, положила голову на колени и смотрела на меня потухшим взглядом. Неужели я ошибся? Действительно ли мне следовало что-то понять из этой мизансцены? Я неуверенно приблизился к стеклянной двери. Взгляд молодой женщины снова загорелся. Она поднесла руку к шее, чтобы скинуть бретельку платья.

На уровне лопатки я увидел узор, так хорошо мне известный. Индейский символ, который использовали яномами^[18], чтобы описать любовное чувство: *немного тебя вошло в меня навсегда и отравило меня словно яд...*

10. Бумажная девушка

Разум писателей населен и даже захвачен их персонажами, как разум суеверной крестьянки Иисусом-Марией-Иосифом или разум безумца дьяволом.

Нэнси Хьюстон^[19]

В доме буря сменилась затишьем. Согласившись вернуться в гостиную, молодая женщина сначала зашла в ванную. Тем временем я готовил чай и мысленно составлял список того, что есть в моей аптечке.

Малибу. 9 часов утра

Она присоединилась ко мне за столом в кухне. Билли приняла душ, надела мой купальный халат и остановила кровотечение, прижав полотенце к ранам.

– У меня есть аптечка первой помощи, – сказал я, – но она не слишком большая.

В сумке с красным крестом она все же нашла дезинфицирующее средство и тщательно обработала рану.

– Зачем вы это сделали?

– Затем что вы не желали меня слушать, черт возьми!

У меня на глазах она раздвинула края порезов, чтобы оценить их глубину.

– Давайте отвезу вас в больницу. Вам надо наложить швы.

– Я сама наложу себе швы. Не забывайте, я же медсестра. Мне потребуется только хирургическая нить и стерильная игла.

– Черт! Я забыл внести их в список покупок, когда в последний раз ездил по магазинам.

– И пластыря у вас тоже нет?

– Послушайте, это дом на пляже, а не отделение «скорой помощи».

– Но, может быть, найдется шелковая нитка или конский волос? Вполне подходящий вариант. Нет, у вас есть кое-что получше! Я точно помню, что видела волшебное средство вон там, в...

Она встала с табурета, не закончив фразу, и, как будто была у себя дома, начала рыться в ящиках моего бюро.

– Вот оно! – торжествующе объявила она, возвращаясь к столу с

тубиком «Суперклея» в здоровой руке.

Билли открутила крышку маленького тубика с надписью «только для керамики и фарфора» и выдавила полоску клея на рану.

– Подождите! Вы уверены в том, что делаете? Мы же не в фильме!

– Нет, но я героиня романа, – лукаво ответила она. – Не волнуйтесь, именно для этого его и придумали.

Девушка соединила края раны и подержала сомкнутыми несколько секунд, чтобы клей успел подействовать.

– Готово! – с гордостью воскликнула она, демонстрируя искусно обработанную рану.

Билли откусила от тартинки, которую я намазал для нее маслом, и отпила глоток чая. За чашкой я видел ее большие глаза, которые пытались читать мои мысли.

– Вы стали намного любезнее, но вы мне по-прежнему не верите, так? – догадалась она, вытирая губы рукавом.

– Татуировка – это еще не доказательство, – осторожно заметил я.

– Но мои порезы доказательство, верно?

– Доказательство того, что вы агрессивны и импульсивны, это да!

– Тогда задавайте мне вопросы!

Я покачал головой, отказываясь:

– Я писатель, а не полицейский или журналист.

– Легкое ремесло, согласны?

Я выбросил содержимое моей чашки в раковину. Зачем я мучаю себя чаем, если я его терпеть не могу?

– Послушайте, я предлагаю вам сделку...

Я не закончил фразу, размышляя о том, что именно ей предложить.

– Да?

– Я подвергну вас испытанию, задав серию вопросов о жизни Билли. Но если вы хотя бы один раз ответите неверно, вы уйдете и не станете пререкаться.

– Обещаю.

– Итак, мы договорились: при первой же ошибке вы убираетесь из этого дома, иначе я немедленно вызову полицию. И на этот раз вы можете изрезать себя на куски мясницким ножом, я оставлю вас истекать кровью на террасе!

– Вы всегда так милы или ради меня стараетесь?

– Мы поняли друг друга?

– Ок, вываливайте ваши вопросы.

– Фамилия, имя, дата и место рождения?

– Билли Донелли, родилась одиннадцатого августа тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года в Милуоки недалеко от озера Мичиган.

– Имя вашей матери?

– Валерия Стэнвик.

– Профессия вашего отца?

– Он был рабочим у Миллера, второго крупнейшего производителя пива в стране.

Она отвечала с лету, без малейших колебаний.

– Ваша лучшая подруга?

– К моему величайшему сожалению, у меня нет настоящих подруг. Только приятельницы.

– Первый сексуальный контакт?

Она задумалась, мрачно глядя на меня и ясно давая понять, что ее замешательство связано исключительно с содержанием моего вопроса.

– В шестнадцать лет, во Франции, во время лингвистической поездки на Лазурный берег. Его звали Тео.

По мере того как она отвечала, меня охватывало беспокойство, и по ее довольной улыбке я видел, что она отмечает для себя каждый верный ответ. Одно оставалось несомненным: девушка знала мои романы наизусть.

– Ваш любимый напиток?

– Кока-кола. Настоящая. Ни легкая, ни без калорий.

– Любимый фильм?

– «Вечное сияние чистого разума». Потрясающий фильм о том, как больно любить. Такой поэтичный и печальный. Вы его видели?

Она встала, вытянулась во весь рост и пересела на диван. И я вновь поразился ее сходству с Билли: те же сияющие белокурые волосы, та же естественная красота без аффектации, те же насмешливые интонации, тот же тембр голоса, который я описывал в моих книгах как «провоцирующий и насмешливый, то уверенный, то детский».

– Качество, которое вы ищете в мужчине?

– Это вопросник Пруста, что ли?

– Просто похоже.

– Честно говоря, я люблю, чтобы *мужчина был мужчиной*. Не слишком ценю парней, которые во что бы то ни стало хотят вытащить наружу свою женскую часть. Вы понимаете?

Я с сомнением покачал головой и собрался задать следующий вопрос, когда она спросила меня:

– А вы? Какую черту вы предпочитаете в женщине?

– Фантазию, я думаю. Юмор – это квинтэссенция ума, согласны?

Она указала на цифровую фоторамку, в которой сменяли друг друга фотографии Авроры.

– Но не похоже, чтобы ваша пианистка была такой уж шутницей.

– Давайте вернемся к нашему тесту, – предложил я, садясь рядом с ней на диван.

– Вы задаете вопросы, и это вас возбуждает, я права? Вы наслаждаетесь вашей минутной властью! – сыронизировала она.

Но я не позволил ей отвлечь меня и продолжил допрос:

– Если бы вам пришлось изменить одну черту в вашем облике?

– Мне бы хотелось иметь больше форм и мяса.

А я сел в лужу. Она не ошиблась ни разу. Либо эта женщина была сумасшедшей и отождествляла себя с персонажем Билли, удивительным образом копируя ее, либо она *на самом деле* Билли, и тогда безумец я.

– Ну как? – поддразнила она меня.

– Ваши ответы доказывают лишь то, что вы хорошо изучили мои романы, – сказал я, стараясь хоть как-то скрыть мое изумление.

– В таком случае задайте мне другие вопросы.

Именно это я и собирался сделать. Провоцируя ее, я отправил книгу в хромированное помойное ведро, открыл маленький переносной компьютер, легкий словно воздух, и напечатал пароль. Честно говоря, я знал намного больше о моих персонажах, чем изложил в моих романах. Чтобы прочувствовать своих «героев», я взял в привычку писать для каждого из них подробную биографию страниц на двадцать. Туда я включал максимум информации, начиная с даты рождения и заканчивая любимой песней, не забыв имя первой учительницы. Три четверти этих «сведений» не попадали в финальный вариант книги, но это упражнение было частью невидимой работы, с которой начиналась загадочная алхимия написания книги. С опытом я в конце концов убедил себя, что такая биография придавала достоверности моим персонажам или хотя бы делала их живыми, чем, вероятно, и объяснялся тот факт, что читатели узнавали в них себя.

– Вы действительно хотите продолжить? – спросил я, открывая файл, посвященный Билли.

Молодая женщина вытащила из одного из ящиков низкого стола маленькую серебристую зажигалку и старую начатую пачку сигарет «Данхилл» – о ее существовании я сам не подозревал, – ее, должно быть, оставила одна из женщин, с которыми я встречался до Авроры. Билли закурила и сделала это стильно.

– Жду не дождусь.

Я посмотрел на экран и наугад выбрал сведения.

– Любимая рок-группа?
– Гмм... «Нирвана», – начала она было, но тут же спохватилась: – Нет!
«Ред Хот»!

– Не слишком оригинально.
– Но это верный ответ, так?

Да, она ответила правильно. Несомненно, ей просто повезло. В наши дни все любили группу «Ред Хот Чили Пепперс».

– Любимое блюдо?
– Если меня об этом спрашивает приятельница с работы, я отвечаю: «Салат «Цезарь»», чтобы не сойти за обжору, но больше всего на свете я люблю большую жирную порцию рыбы с чипсами!

На этот раз не о каком везении речи быть не могло. Я почувствовал, что на лбу выступили капельки пота. Никто, даже Мило, никогда не читал «секретные» биографии моих персонажей. Они были только на моем компьютере, и вход был надежно защищен. Отказываясь признавать очевидное, я задал следующий вопрос:

– Ваша любимая позиция в сексе?
– Идите к черту.

Билли встала с дивана и затушила сигарету, сунув ее под кран.

Отсутствие ответа придало мне уверенности:

– Количество партнеров в вашей жизни? На этот раз отвечайте! У вас даже не будет права на джокер, тем более что вы его уже использовали.

Она бросила на меня взгляд, в котором не было ни следа доброжелательности.

– И вы такой же, как все! Только это вас и интересует...
– Я никогда не делал вид, что я другой. Итак, сколько?
– Вы в любом случае уже знаете: с десятков...
– Назовите точную цифру.
– Я не стану их считать в вашем присутствии!
– На это уйдет слишком много времени?
– На что вы намекаете? На то, что я шлюха?
– Я этого не говорил.
– Нет, но очень громко подумали.

Нечувствительный к ее стыдливости, я продолжал то, что все больше становилось похожим на пытку.

– Так сколько?
– Шестнадцать, кажется.
– И из этих «шестнадцати, кажется» скольких вы любили?

Она вздохнула:

– Двоих. Первого и последнего: Тео и Джека.
– Девственника и похотливого павиана. Вы предпочитаете крайности.
Женщина с презрением посмотрела на меня:
– Вау, вот он класс! Вы настоящий джентльмен.
Вида я не подал, но мне пришлось признать, что на каждый вопрос она ответила правильно.

Дзинь!

Кто-то позвонил в дверь, но я не собирался открывать.
– Вы закончили с вашими похабными вопросами? – с вызовом поинтересовалась Билли.
Я задал вопрос-ловушку:
– Ваша настольная книга?
Она смущенно пожала плечами:
– Не знаю. Я мало читаю, у меня нет на это времени.
– Отличный предлог!
– Если вы находите меня слишком глупой, то сердиться вы можете исключительно на себя! Напоминаю вам, что я создана вашим воображением. Это вы меня придумали!

Дзинь! Дзинь!

Посетитель за дверью терзал звонок, но он устанет раньше, чем я.
Раздраженный ситуацией в целом и обескураженный каждым ее правильным ответом, я завелся, не осознавая, что мой допрос превращался в преследование.
– Ваше самое большое сожаление?
– Что у меня до сих пор нет ребенка.
– В какой момент жизни вы были наиболее счастливы?
– Когда я в последний раз проснулась в объятиях Джека.
– Когда вы в последний раз плакали?
– Я забыла.
– Настаиваю, отвечайте!
– Не знаю, я плачу по любому пустяку.
– Назовите последний раз, когда это было важно.
– Полгода назад, когда мне пришлось усыпить моего пса. Его звали Аргос. Это в вашем досье не отмечено?

Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Мне следовало удовлетвориться этими ответами. Я получил больше доказательств, чем мне было нужно, но все происходящее настолько сбивало меня с толку... Эта маленькая игра перенесла меня в другое измерение, в другую реальность, которую мой разум отказывался признавать. В смятении я обратил свой гнев против Билли:

- Чего вы больше всего боитесь?
- Будущего.
- Вы можете вспомнить худший день вашей жизни?
- Пожалуйста, не спрашивайте меня об этом.
- Это будет последним вопросом.
- Прошу вас...

Я крепко схватил ее за руку:

– Отвечайте!

– ОТПУСТИТЕ МЕНЯ, вы делаете мне больно! – закричала она, отбиваясь.

– **ТОМ!** – крикнул голос из-за двери.

Билли высвободилась из моей руки. Ее лицо побелело, в глазах загорелся огонь страдания.

– **ТОМ! ОТКРОЙ ЖЕ МНЕ, ЧЕРТ ПОБЕРИ! НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ СЮДА С БУЛЬДОЗЕРОМ!**

Это, разумеется, был Мило...

Билли укрылась на террасе. Мне очень хотелось пойти и утешить ее после того, как я причинил ей боль, ведь я был уверен, что она не изображала гнев и печаль. Но я был настолько выбит из колеи, что перспективу поделить этой девушкой с кем-то еще я воспринял с огромным облегчением.

11. Девочка из Макартур-парка

Друзья – это ангелы, которые поднимают нас, когда наши крылья больше не могут вспомнить, как летать.

Неизвестный

– Ты едва не встретился с бульдозером! – заверил меня Мило, вваливаясь в гостиную. – О-ля-ля! Тебе не лучше. Ты выглядишь так, словно надышался бикарбоната.

– Что тебе нужно?

– Я приехал забрать мою машину, если тебя это не слишком смущает! Хочу прокатиться на ней в последний раз, прежде чем ее заберут приставы...

Малибу. 10 часов утра

– Здравствуй, Том, – поприветствовала меня Кароль, тоже вошедшая в гостиную.

Она была в форме. Я бросил взгляд на улицу и увидел, что перед моим домом припаркован полицейский автомобиль.

– Ты приехала, чтобы арестовать меня? – пошутил я, крепко обнимая ее.

– Да у тебя кровь идет! – воскликнула она.

Я нахмурился, потом заметил пятна крови на моей сорочке: сувенир, оставленный разрезанной рукой Билли.

– Не пугайся, это не моя кровь.

– Этим ты решил меня успокоить? К тому же кровь совсем свежая, – подозрительным тоном сказала Кароль.

– Подождите. Вы не можете представить, что со мной случилось! Вчера ночью...

– Чье это платье? – прервал меня Мило, поднимая шелковую тунику, перепачканную кровью.

– Авроры, но...

– Авроры? Только не говори мне, что ты...

– Нет! Оно было не на ней. Это была другая женщина.

– Ага, значит, ты встречаешься с другой женщиной! – воскликнул

Мило. – Это хороший знак! Я ее знаю?

– В каком-то смысле да.

Кароль и Мило обменялись изумленными взглядами и спросили хором:

– Кто она?

– Загляните на террасу. Вы очень удивитесь.

Они поспешно прошли через гостиную и высунули головы в открытую дверь. Последовали десять секунд тишины, пока Мило не констатировал:

– Там никого нет, парень.

Удивленный, я вышел к ним на террасу, где дул освежающий бриз.

Стол и стулья были перевернуты, плитки усеяны множеством мелких осколков стекла, кругом лужицы кофе, бананового компота и кленового сиропа, но никаких следов Билли.

– Армия проводила у тебя ядерные испытания? – поинтересовалась Кароль.

– Точно, здесь хуже, чем в Кабуле, – поддержал ее Мило.

Я прикрыл глаза от слепящего солнца и посмотрел на горизонт. Гроза, бушевавшая накануне, вернула пляжу дикий вид. Волны с клочьями пены вынесли на берег несколько стволов деревьев, коричневые водоросли, старую доску для сёрфинга и даже остов велосипеда. Но мне следовало принять очевидное: Билли исчезла.

Повинуясь профессиональному рефлексу, Кароль присела на корточки около стеклянной двери, с тревогой разглядывая пятна крови, которые начинали высыхать на стекле.

– Что произошло, Том? Ты с кем-то подрался?

– Нет! Просто...

– Я считаю, что на этот раз ты обязан объясниться. – Мило опять не дал мне договорить.

– Но, идиот несчастный, ты бы уже давно получил все объяснения, если бы позволил мне договорить!

– Так договаривай же, наконец! Кто разгромил террасу? Чья кровь на платье? Папы римского? Махатмы Ганди? Мэрилин Монро?

– Билли Донелли.

– Билли Донелли? Но это же персонаж твоих романов!

– Вот именно.

– Ты получаешь удовольствие, издеваясь надо мной? – вскипел Мило. – А я еще из-за него волнуюсь! Если бы нужно было, я бы помог тебе закопать труп среди ночи, а ты, ты только и делаешь, что принимаешь меня за...

Кароль выпрямилась и тоном матери, ругающей детей, прервала нашу перепалку, повторяя жесты арбитра на боксерском ринге:

– Время вышло, парни! Дешевых шуток более чем достаточно! Сейчас мы сядем за стол и спокойно во всем разберемся, согласны?

* * *

Так мы и сделали.

Более четверти часа, не упуская ни одной детали, я рассказывал им мою невероятную историю, начиная со странной встречи с Билли посреди ночи и заканчивая допросом, который я устроил ей этим утром, убедившим меня в том, что она именно та, за кого себя выдает.

– Итак, если я правильно понял, – подвел черту Мило, – одна из героинь твоего романа выпала из плохо напечатанной фразы и оказалась в твоём доме. Так как она была голая, то надела платье, принадлежащее твоей бывшей подружке, а потом приготовила тебе на завтрак оладьи с бананом. Чтобы отблагодарить девушку, ты запер её на террасе. Пока ты слушал Майлза Дэвиса, она вскрыла себе вены, перепачкала все вокруг кровью, а потом заклеила раны суперклеем «только для керамики и фарфора». Потом вы с ней выкурили трубку мира, сыграв в «правду». Она назвала тебя сексуальным маньяком, ты её – шлюхой. Затем она произнесла волшебную фразу и исчезла как раз в тот момент, когда мы звонили в дверь. Я ничего не перепутал?

– Забудь. – Я вздохнул. – Я так и знал, что ты все повернешь против меня.

– Один последний вопрос: каким «табаком» вы набивали вашу трубку мира?

– Хватит! – остановила его Кароль.

Мило с тревогой посмотрел на меня:

– Тебе необходима консультация твоего психолога.

– Об этом не может быть и речи, я очень хорошо себя чувствую.

– Послушай, я знаю, что я в ответе за наш финансовый крах. Я знаю, что мне не следовало давить на тебя, заставляя написать следующую книгу к конкретному сроку. Но сейчас ты меня пугаешь, Том. Ты теряешь рассудок.

– Налицо все признаки выгорания, – смягчила вердикт Кароль, – профессиональный кризис. Три года ты работал без остановки: писал по ночам, встречался с читателями, выступал на конференциях,

путешествовал, продвигая книги и подписывая их читателям. Никто бы не выдержал такой нагрузки, Том. Твой разрыв с Авророй стал последней каплей, переполнившей чашу. Ты просто нуждаешься в отдыхе.

– Прекратите разговаривать со мной как с ребенком.

– Тебе нужно снова начать сеансы с психотерапевтом, – повторил Мило. – Она рассказывала нам о лечении сном, который...

– Как это «она вам рассказывала»? Вы разговаривали с доктором Шнабель, не предупредив меня?

– Мы на твоей стороне, Том, а не против тебя, – попытался успокоить меня Мило.

– Но разве ты не можешь выпустить меня из виду хотя бы на три минуты? Ты не мог бы иногда заниматься *своей* жизнью, а не всегда только моей?

Задетый этой репликой, Мило покачал головой, открыл рот, явно хотел что-то сказать, но его лицо посерьезнело, и он передумал. Вместо этого он взял сигарету «Данхилл» из оставшейся лежать на столе пачки и вышел на пляж, чтобы покурить в одиночестве.

* * *

Мы остались вдвоем с Кароль. Она тоже закурила, выдохнула облачко дыма и передала сигарету мне, как мы делали в десять лет, когда тайком курили, прячась за тощими пальмами Макартур-парка. Считая, что она уже не на службе, Кароль распустила волосы цвета черного дерева, и они упали на голубую форменную рубашку. Ее светлые глаза контрастировали с угольно-черными прядями. Порой в выражении ее лица, лица взрослой женщины, проскальзывали неуловимые нотки, которые напоминали мне ту девочку-подростка, которой она некогда была. Нас связывали не просто симпатия или нежность. И это не было обычной дружбой. Это была неизменная привязанность, которая может появиться только в детстве и продолжается всю жизнь, чаще в горе, чем в радости.

Как каждый раз, когда мы оказывались наедине, хаос нашей юности возвращался и бил меня в лицо с силой бумеранга: та топь, которой был наш горизонт, удушливость той грязной помойки, пленниками которой мы были, душераздирающие воспоминания о наших разговорах после школы на баскетбольной площадке, огороженной сеткой...

И у меня снова возникло мощное ощущение, что нам все еще двенадцать лет. Что миллионы книг, которые я продал, преступники,

которых она задержала, были частью ролей, которые мы оба играли, но, по сути, мы так никогда по-настоящему и не ушли *оттуда*.

В конце концов, не случайно ни у одного из нас не было детей. Мы были слишком заняты, сражаясь с нашими собственными невротами, чтобы у нас возникло желание передать жизнь. О нынешней Кароль я почти ничего не знал. В последнее время мы с ней реже виделись, а когда встречались, тщательно избегали разговоров о главном. Возможно, потому, что мы наивно надеялись: если не говорить о прошлом, то оно исчезнет. Но все было не так просто. Чтобы забыть свое детство, Мило «работал» клоуном двадцать четыре часа в сутки. Я пачкал сотни страниц, пил коктейли из лекарств и нюхал кристаллический метадон.

– Ты знаешь, я не люблю пафосные декларации, Том... – начала Кароль, нервно вертя в пальцах маленькую ложечку. Теперь, когда Мило не было в комнате, ее лицо стало грустным и встревоженным, избавившись от необходимости «делать вид». – ...мы с тобой повязаны на всю жизнь, и до смерти, – продолжала она. – Я бы отдала за тебя почку или даже обе, если бы это было нужно.

– Этого я от тебя не требую.

– Сколько себя помню, именно ты всегда находил решения для трудных задачек. Сегодня это должна была бы сделать я, но я не в силах тебе помочь.

– Не мучай себя этим. У меня все в порядке.

– Это не так. Но мне бы хотелось, чтобы ты знал одно: благодаря тебе мы с Мило смогли проделать весь этот путь.

Я пожал плечами, так как уже не был уверен, что мы на самом деле *проделали весь этот путь*. Разумеется, мы жили в более приятных местах, и страх больше не выкручивал нам внутренности, как прежде, но с высоты птичьего полета Макартур-парк был всего лишь в нескольких километрах от наших теперешних жилищ.

– В любом случае, каждое утро моя первая мысль о тебе, Том. Если ты пойдешь на дно, мы утонем вместе с тобой. Если ты сдашься, думаю, моя жизнь потеряет всякий смысл.

Я открыл рот, чтобы попросить ее перестать говорить глупости, но у меня вырвались совсем другие слова:

– Ты счастлива, Кароль?

Она посмотрела на меня так, будто я сморозил глупость, поскольку для нее вопрос выживания окончательно вытеснил вопрос счастья.

– Эта история с персонажем романа, – снова заговорила Кароль, – она не выдерживает никакой критики, согласен?

– Все выглядит притянутым за уши, – признал я.

– Послушай, я не знаю, что конкретно сделать, чтобы тебя поддержать. Могу предложить только свою дружбу и любовь. Может быть, тебе все-таки стоит попробовать лечение сном, а?

Я с нежностью посмотрел на нее, одновременно тронутый ее вниманием и твердо решивший избежать любого лечения, и возразил:

– В любом случае, мне теперь нечем за это заплатить!

Она отмела этот аргумент:

– Ты помнишь тот день, когда получил свои первые авторские? Сумма была настолько огромной, что ты настоял на том, чтобы поделиться деньгами со мной. Я, разумеется, отказалась, но ты все-таки нашел способ узнать мои банковские реквизиты, чтобы перевести деньги на мой счет. Ты помнишь мое лицо, когда я получила выписку по счету с указанием о поступлении трехсот тысяч долларов?

Вспомнив этот эпизод, Кароль немного повеселела, и в ее затуманенных глазах зажглись звездочки.

Я засмеялся вместе с ней, воскрешая в памяти тот счастливый период, когда я искренне считал, что деньги решат все наши проблемы. На несколько секунд реальность стала легче, но эта вспышка не продлилась долго, и в глазах Кароль остались лишь слезы отчаяния, когда она обратилась ко мне:

– Соглашайся, прошу тебя. Этот курс лечения я оплачу.

Ее лицо снова исказилось, и я снова увидел перед собой измученную маленькую девочку, которую знал с детства. Чтобы облегчить ее боль, я пообещал пройти этот курс.

12. Детоксикация

Смерть придет, и у нее будут твои глаза...

*Название стихотворения, найденного на
прикроватном столике Чезаре Павезе^[20]
после его самоубийства*

Мило вел «Бугатти» медленно, что было совершенно на него не похоже. В машине царило нервное молчание.

– Ладно тебе, не делай такое лицо. Я же не везу тебя в клинику Бетти Форд^[21]!

– Гм...

В моем доме мы снова ссорились в течение часа, занимаясь безуспешными поисками ключей от его машины. В первый раз в нашей жизни мы едва не бросились друг на друга с кулаками. Наконец, высказав друг другу неприятную правду, мы вызвали курьера, чтобы тот привез запасные ключи, которые Мило хранил в своем офисе.

Он включил радио, чтобы поднять настроение, но слова из песни Эми Уайнхаус^[22] только усилили напряжение:

^[23]

Я покорился судьбе, опустил стекло и смотрел, как мимо пробегают пальмы, выстроившиеся вдоль берега океана. Возможно, Мило был прав, и я скатывался в безумие и стал жертвой галлюцинаций. Я прекрасно все понимал: когда я писал книгу, я часто ходил по краю. В процессе создания книги я погружался в странное состояние: реальность мало-помалу уступала место вымыслу, и мои герои порой становились настолько реальными, что сопровождали меня всюду. Их страдания, сомнения, счастье становились моими и продолжали преследовать долгое время после того, как я поставил финальную точку в романе. Мои персонажи эскортом следовали за мной в моих снах и утром сидели со мной за завтраком. Они были со мной, когда я ходил за покупками, когда ужинал в ресторане, когда мочился и даже когда занимался любовью. Это было одновременно пьянящее и патетическое чувство, дурморящее и волнующее, но до этого времени мне удавалось сдерживать этот приятный бред в рамках разумного. В конечном итоге, если мои заблуждения часто подвергали меня

опасности, они еще никогда не доводили меня до грани безумия. Почему они сделали это сейчас, когда я в течение долгих месяцев не написал ни единой строчки?

– Ах да! Я принес тебе вот это, – обратился ко мне Мило, бросая мне на колени маленькую трубочку из оранжевой пластмассы.

Я поймал ее на лету.

Мой транквилизатор...

Я открыл крышку и посмотрел на белые капсулы, которые как будто дразнили меня со дна тубы.

Зачем возвращать их мне после всех усилий очистить мой организм от них?

– Резкое прекращение приема было не слишком удачной идеей, – объяснил Мило, чтобы оправдать свой жест.

Мое сердце забилося быстрее, тревога усилилась. Я чувствовал себя одиноким, у меня болело все тело, как у наркомана во время ломки. Как можно было так страдать, не имея физических ран?

В голове звучали аккорды старой песни Лу Рид^[24]: *I'm waiting for my man*. Я жду моего парня, я жду моего дилера. Странно все же, что этот дилер – мой лучший друг.

– Лечение сном полностью тебя восстановит, – успокоил меня Мило. – Десять дней ты будешь спать, как младенец!

Он вложил в свой голос всю радость, на которую был способен, но я видел, что он и сам в это не верит.

Я сжал тубу в руке с такой силой, что пластик был готов вот-вот разлететься на куски. Я знал, что мне достаточно положить под язык одну капсулу и дать ей растаять, и я почти мгновенно почувствую себя лучше. Я даже мог принять три или четыре, чтобы одурманить себя. На меня они здорово действовали. «Вам повезло, – заверила меня доктор Шнабель, – некоторые люди страдают от очень неприятных побочных эффектов».

Из бравады я положил тубу в карман, не выпив ни одной капсулы.

– Если лечение сном тебе не поможет, попробуем что-нибудь другое, – заверил меня Мило. – Мне рассказывали об одном типе в Нью-Йорке по имени Коннор Маккой. Судя по всему, он творит чудеса с помощью гипноза.

Гипноз, искусственный сон, флаконы с лекарствами... Я начал уставать от этого бегства от реальности, пусть даже она была лишь страданием. Я не хотел десятидневного забвения под действием нейролептиков. Не хотел отсутствия ответственности, которое оно предполагало. Пора посмотреть реальности в лицо, пусть даже это будет

стоять мне жизни.

Меня давно завораживала связь между творчеством и психическим расстройством. Камиль Клодель, Мопассан, Нерваль, Арто постепенно погрузились в безумие. Вирджиния Вульф утопилась в реке. Чезаре Павезе прикончил себя барбитуратами в номере отеля. Николя де Сталь выбросился из окна. Джон Кеннеди Тул сунул шланг от выхлопной трубы в салон своей машины... И это не говоря о Хемингуэе, выстрелившем себе в голову из карабина. То же самое с Куртом Кобейном: бледный рассвет в пригороде Сиэтла, пуля в голову и вместо прощания нацарапанная записка, адресованная вымышленному другу детства: «Лучше ярко сгореть, чем медленно угасать».

В конце концов, решение ничем не хуже других...

Каждый из этих творцов выбрал свой метод, но результат был одинаковым: капитуляция. Если искусство существует потому, что реальности недостаточно, возможно, наступает момент, когда и искусства уже недостаточно, и оно передает эстафету безумию и смерти. И пусть даже у меня не было их таланта, я разделял с ними часть их неврозов.

* * *

Мило поставил автомобиль на обсаженной деревьями парковке возле современного здания, в котором соединялись розовый мрамор и стекло. Клиника доктора Софии Шнабель.

– Мы твои союзники, а не твои враги, – снова заверила меня Кароль, догоняя нас на ступенях входа.

Мы втроем вошли в здание. От администратора я с удивлением узнал, что еще накануне я был записан на прием, а моя госпитализация запланирована.

Смирившись, я последовал за своими друзьями в лифт, не задавая вопросов. Прозрачная капсула вознесла нас на последний – третий – этаж, где секретарша провела нас в огромный кабинет, сообщив, что доктор сейчас к нам выйдет.

Комната была светлой и просторной, организованной вокруг большого письменного стола и углового дивана из белой кожи.

– Неплохое креслице! – присвистнул Мило, усаживаясь в одно из кресел в форме ладони.

Буддийские скульптуры заполняли пространство, создавая атмосферу безмятежности, наверняка способствующую тому, чтобы некоторые

пациенты разговорились: бронзовый бюст Сиддхартхи, Колесо закона из керамики, дуэт газелей и мраморный фонтан...

Я наблюдал за Мило, который пытался сострить или пошутить, как делал это обычно. Обстановка кабинета со всеми этими статуями давала повод для десятка шуток, но у него ничего не получалось. Тут я понял, что он скрывает от меня нечто весьма серьезное.

Я попытался найти поддержку со стороны Кароль, но она избегала моего взгляда, делая вид, что ее заинтересовали университетские дипломы, которые София Шнабель развесила по стенам.

После убийства Итана Уайтакера Шнабель стала модным «психотерапевтом звезд». К ней на консультацию приходили некоторые небожители Голливуда: актеры, певцы, продюсеры, медийные звезды, политические деятели, «сыновья таких-то» и «сыновья сыновей таких-то».

Доктор Шнабель вела еще и передачу на телевидении, в которой мужчина или женщина «из народа» могли выставить напоказ частичку своей личной жизни и послушать несколько минут *консультацию звезды* (так называлась передача). Звезда рассказывала о своем несчастном детстве, о своих пагубных привычках, супружеских изменах, сексуальных наклонностях и сексуальных фантазиях об играх втроем.

Одни служители индустрии развлечений боготворили Софию Шнабель. Другие – ее боялись. Поговаривали, что после двадцати лет практики ее архивы могли сравниться с архивами Эдгара Гувера^[25]. Это были тысячи часов записей сеансов психоанализа, на которых открывались самые страшные и непристойные секреты всего Голливуда. Конфиденциальная информация, обычно являющаяся медицинской тайной, но если бы она стала достоянием гласности, то взорвала бы истеблишмент индустрии развлечений. Головы полетели бы и в мире политиков и юристов.

Недавнее дело только усилило власть Софии. Несколькими месяцами раньше одна из ее пациенток, Стефани Харрисон – вдова миллиардера Ричарда Харрисона, основателя сети супермаркетов «Зеленый крест» – умерла в возрасте тридцати двух лет от передозировки лекарств. Во время вскрытия в ее организме были обнаружены следы антидепрессантов, транквилизаторов и средств для похудения. Все банально. Вот только дозы лекарств были действительно слишком большими. На телевидении брат погибшей обвинил Шнабель в том, что она довела его сестру до морга. Он нанял армию адвокатов и частных детективов. Последние обыскали квартиру покойной и обнаружили более пятидесяти рецептов. Они были

выписаны на пять разных псевдонимов, но все собственноручно выписала... София Шнабель. Для психиатра дело повернулось очень неприятной стороной. Все еще под впечатлением от смерти Майкла Джексона, общественность начала осознавать существование огромной сети врачей, готовых поставлять рецепты своим самым состоятельным пациентам. Стремясь ограничить ее власть, штат Калифорния подал жалобу против Софии Шнабель за необоснованно выписанные рецепты, а потом неожиданно ее отозвал. Совершенно необъяснимое поведение, так как в распоряжении прокурора были все необходимые для обвинения улики. Этот инцидент, который многие оправдывали отсутствием политической смелости у магистрата, перевел Софию Шнабель в разряд неприкасаемых.

Чтобы попасть в избранный круг пациентов этого психиатра, требовалась рекомендация постоянного клиента. Шнабель принадлежала к числу «нужных знакомств», которые представители элиты передавали друг другу по тому же принципу, как: *Где достать лучший кокаин? Какому трейдеру позвонить, чтобы максимально выгодно разместить средства на бирже? Как достать места в ложах, чтобы посмотреть игру «Лейкерс»^[26]? По какому номеру позвонить, чтобы выйти в свет с девушкой по вызову, которая не будет похожа на девушку по вызову (для мужчин) или К какому пластическому хирургу обратиться, чтобы изменить грудь, но при этом чтобы никто не заподозрил, что я ее переделала (для женщин)?*

Я был обязан своим попаданием в круг избранных одной канадской актрисе из успешного телесериала, которую Мило попытался закадрить, но своего не добился, а Шнабель вылечила от сильной агорафобии. Девушка, которую я считал поверхностной, оказалась тонким и образованным человеком. Она познакомила меня с очарованием фильмов Джона Кассаветиса^[27] и с полотнами Роберта Римана^[28].

Между мной и Софией Шнабель настоящего контакта так и не получилось. Очень быстро наши консультации свелись к простой выдаче лекарств, что в конечном итоге устраивало нас обоих: ее – потому, что наши консультации по полному тарифу не занимали более пяти минут, а меня – потому, что она никогда не отказывалась выписать мне всю ту дрянь, которую я у нее требовал.

– Добрый день, мисс. Здравствуйте, господа.

Доктор Шнабель вошла в кабинет и поприветствовала нас. На ее лице, как всегда, сияла доброжелательная улыбка, одета она была, как это часто бывало, в слишком обтягивающий пиджак из блестящей кожи, который она не застегивала, открывая топ с низким декольте. Некоторые называли это началом стиля...

Как обычно, мне потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к внушительной массе ее волос. Шнабель была уверена, что укротила ее с помощью невообразимого перманента, выглядевшего так, словно ей пришили на голову еще теплую шкуру кудрявой болонки.

По тому как она к ним обратилась, я понял, что Шнабель уже встречалась с Мило и Кароль. Меня исключили из разговора, как будто они были моими родителями и уже приняли решение, повлиять на которое у меня не было возможности.

Но больше всего меня тревожило то, какой холодной и отстраненной стала Кароль, хотя всего лишь часом раньше в разговоре со мной она была такой эмоциональной. Теперь ей явно было неловко, она колебалась, очевидно, принужденная принять участие в операции, которую она не одобряла. Мило внешне был настроен более решительно, но я видел, что его уверенность была лишь фасадом.

Слушая двусмысленную речь Софии Шнабель, я понял одно: ни о каком лечении сном речь никогда не шла. Меня ожидало множество исследований, которым она намеревалась меня подвергнуть, а после них – помещение в психиатрическую лечебницу! Мило пытался взять надо мной опекунство, чтобы избежать финансовой ответственности! Я достаточно хорошо знал закон, чтобы понимать: в Калифорнии врач может потребовать принудительного помещения своего пациента в психиатрическую клинику на семьдесят два часа, если он сочтет, что этот пациент достаточно нестабилен и представляет опасность для общества. Я догадывался, что признать меня таковым будет не слишком сложно.

На протяжении этого года я не раз имел дело с силами правопорядка, и мои юридические неприятности были далеки от завершения. Я был отпущен под залог по обвинению в незаконном хранении психотропных препаратов. Моя встреча с Билли, о которой Мило как раз в деталях рассказывал психиатру, окончательно перевела меня в разряд больных с психозом, страдающих галлюцинациями.

Казалось, меня уже нечем удивить, но тут я услышал, как Кароль упомянула пятна крови на моей рубашке и на стеклянных дверях террасы.

– Это ваша кровь, господин Бойд? – спросила меня психиатр.

Я не стал ей ничего объяснять: она бы мне не поверила. В любом случае, Шнабель уже составила обо мне мнение, и я вполне мог представить, как она диктует свой вердикт эксперта секретарше:

«Пациент нанес себе или пытался нанести другому человеку серьезные телесные повреждения. Его суждения, явно измененные, делают его неспособным понимать необходимость лечения, что оправдывает меру принудительного помещения в психиатрическую больницу...»

– Если позволите, давайте проведем несколько исследований.

Нет, я не хотел никаких исследований или искусственного сна, я больше не хотел никаких лекарств! Я встал с кресла, чтобы избежать этого разговора.

Я сделал несколько шагов вдоль перегородки из матового стекла, у которой стояла скульптура, представлявшая Колесо закона, украшенное язычками пламени и цветочными узорами. Высотой примерно с метр, буддийская эмблема демонстрировала свои восемь лучей, которые должны были указывать путь к освобождению от страданий. Так поворачивалось колесо Дхармы: идти по дороге к тому, «что должно быть», исследовать тропинку, чтобы найти «верное действие».

Внезапно мне стало совершенно ясно, что следует сделать: я поднял скульптуру и изо всех сил метнул ее в большое окно. Стекло разлетелось на мириады мелких осколков.

* * *

Я помню крик Кароль.

Помню занавески с атласным блеском, развевающиеся на ветру.

Помню зияющую брешь, в которую ворвался порыв воздуха, поднявший какие-то бумаги и опрокинувший вазу.

Помню призыв неба.

Помню, как полетел в пустоту, не задумавшись ни на минуту.

Помню свое парящее тело.

Помню печаль во взоре маленькой девочки из Макартур-парка.

13. Беглецы

Многие спрашивают меня, когда же я, наконец, сниму фильм с реальными людьми. Но что такое реальность?

Тим Бёртон

– Вы не слишком торопились! – укорил меня голос.
Но он принадлежал не ангелу и уж тем более не святому Петру.
Это был голос Билли Донелли!

Парковка клиники. Полдень

Пролетев три этажа, я, обмотанный шторой, оказался на крыше старого помятого «Доджа», припаркованного как раз под окном кабинета Софии Шнабель. У меня было сломано ребро, болели колено, шея и щиколотка, но я не умер.

– Мне не хочется вас торопить, – снова заговорила Билли, – но если мы быстро не уберемся отсюда, на этот раз, боюсь, они наденут на вас смирительную рубашку.

Она снова позаимствовала вещи из гардероба Авроры, поэтому на ней была белая майка-жилет, линялые джинсы и пиджак в талию, украшенный серебряными кружевами.

– Вы же не собираетесь встретить Рождество на этой крыше! – настаивала она, помахивая связкой ключей на кольце со значком «Бугатти».

– Так это вы украли ключи Мило! – констатировал я, спускаясь с «Доджа».

– Кому мы скажем «спасибо»?

Это могло показаться совершенно невероятным, но я отделался несколькими незначительными повреждениями. Правда, ступив на землю, я не смог сдержать крик боли. Из-за вывихнутой щиколотки я не мог сделать ни шагу.

– **ВОН ОН!** – закричал Мило, выбегая на парковку и посылая за мной в погоню трех санитаров с ростом и мышцами игроков в регби.

Билли села за руль «Бугатти», я устроился на пассажирском сиденье.

Она нажала на газ и направилась к выезду с парковки в тот самый момент, когда автоматические ворота опускались. Билли уверенно развернулась на усыпанной гравием площадке.

– Выедем с другой стороны.

– **ВЕРНИСЬ, ТОМ!** – взмолилась Кароль, когда мы пролетали мимо нее.

Три колосса попытались преградить нам путь, но Билли с видимым удовольствием прибавила скорость.

– Признайтесь хотя бы, что вы рады меня видеть! – бросила она мне с торжествующим видом, когда автомобиль разнес в щепки шлагбаум и вынес нас на свободу.

14. Who's that girl?^[29]

Борись! Снова зажги погасший огонь.

Дилан Томас^[30]

– И куда мы теперь направимся? – поинтересовался я, обеими руками вцепившись в ремень безопасности.

Свернув на бульвар Пико, «Бугатти» понесся по Пасифик-коуст-хайвей.

Вообразившая себя Айртоном Сенной^[31], Билли вела машину агрессивно: резко тормозила, так же резко газовала и входила в повороты, не сбрасывая скорость.

– Это не машина, а ракета! – только и ответила она.

Моя голова была прижата к подголовнику, и мне казалось, что я во взлетающем самолете. Я смотрел, как Билли с необычайной ловкостью меняет скорость. Она явно наслаждалась процессом.

– Шумноватая машина, верно?

– *Шумноватая!* Вы шутите, что ли? Музыка мотора «Бугатти» – это же Моцарт!

Она как будто не услышала моего первого вопроса, поэтому я раздраженно спросил снова:

– Так куда мы едем?

– В Мексику.

– А?

– Я собрала для вас дорожную сумку и положила туалетные принадлежности.

– Но так нельзя! Никуда я не поеду!

Раздосадованный оборотом, какой принимало это дело, я попросил Билли отвезти меня к врачу, чтобы тот занялся моей щиколоткой, но она проигнорировала мою просьбу.

– Остановитесь! – приказал я, хватая ее за руку.

– Вы делаете мне больно!

– Немедленно остановите эту машину!

Билли резко затормозила, вильнув к краю дороги. «Бугатти» подпрыгнул и застыл в облаке пыли.

– Что это еще за история с Мексикой?

Мы оба вышли из машины и орали друг на друга на зеленом газоне у дороги.

– Я везу вас туда, куда вам не хватило храбрости уехать!

– Вот как? Могу ли я узнать, на что вы намекаете?

Я вынужден был кричать, чтобы перекрыть шум шоссе, от чего боль в ребрах становилась еще сильнее.

– Вы должны найти Аврору! – рявкнула Билли в тот момент, когда большегрузный автомобиль пронесся мимо «Бугатти», едва не задев его, оглушая нас ревом клаксона.

Я смотрел на нее совершенно ошарашенный.

– Не понимаю, какое отношение к нашей дискуссии имеет Аврора, а?

Воздух был маслянистым и грязным. За металлическим забором вдалеке виднелись взлетные полосы и башни контроля международного аэропорта Лос-Анджелеса.

Билли открыла багажник и отдала мне номер журнала «Пипл». На обложке несколько тем спорили за первенство: угроза разрыва в семействе Питта и Джоли, похождения Пита Догерти, фото из Мексики, где отдыхали чемпион «Формулы-1» Рафаэль Баррос и его новая невеста... Аврора Валанкур.

Словно желая причинить себе боль, я открыл еженедельник на указанных страницах и увидел снимки гламурной пары, сделанные в райском месте. Между крутыми скалами на фоне белого песка и бирюзовой воды Аврора сияла красотой и безмятежностью в объятиях своего идадьго.

У меня все поплыло перед глазами. Остолбеневший, я пытался читать статью, но у меня ничего не получалось. Только выделенные в тексте фразы болезненно отпечатались в моем мозгу:

Аврора: «Наша история началась недавно, но я знаю, что Рафаэль – это тот мужчина, которого я ждала».

Рафаэль: «Наше счастье будет полным, когда Аврора подарит мне ребенка».

Я с отвращением отшвырнул паршивый журнал и, несмотря на отсутствие прав, сел за руль, захлопнул дверцу и развернулся, чтобы ехать обратно в город.

– Эй! Вы же не бросите меня на обочине дороги! – закричала Билли,

замахав руками и встав перед капотом.

Я подождал, пока она сядет, и понял, что она не намерена дать мне ни минуты передышки.

– Понимаю вашу боль... – начала Билли.

– Оставьте вашу жалость при себе, вы ровным счетом ничего не понимаете.

Я вел машину и старался упорядочить мысли. Мне необходимо было обдумать все то, что произошло со мной с утра. Я должен был...

– И куда, собственно, вы направляетесь?

– Домой.

– Но у вас больше нет дома! Впрочем, у меня дома тоже нет.

– Я найду адвоката, – пробормотал я. – Найду средство, чтобы вернуть себе дом и все те деньги, которые я потерял по вине Мило.

– Из этого ничего не выйдет, – отрезала Билли, качая головой.

– Заткнитесь! И занимайтесь своими делами.

– Но это и мои дела тоже! Напоминаю вам, что оказалась здесь по вашей вине из-за проклятой, плохо отпечатанной книги!

Остановившись на красный сигнал светофора, я порылся в кармане и с облегчением нашел тубу с капсулами транквилизатора. У меня было сломано ребро, щиколотку жгло огнем, а сердце было разбито. Поэтому я не испытал никакого чувства вины, отправив под язык три капсулы сразу.

– Это намного легче, чем... – В голосе Билли слышались упрек и разочарование.

Именно в эту минуту мне захотелось выпотрошить ее, но я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

– Если сидеть сложа руки и объедаться лекарствами, то вы никогда ее не вернете, эту вашу подружку!

– Вы ничего не знаете о моих отношениях с Авророй. К вашему сведению, я уже все перепробовал, чтобы ее вернуть.

– Возможно, вы действовали неловко, или момент был неподходящий. Может быть, вы считаете, что знаете женщин, но на самом деле ничего в них не смыслите. Мне кажется, я могла бы вам помочь...

– Если вы действительно хотите мне помочь, помолчите хотя бы одну минуту. Одну!

– Вам не терпится от меня избавиться? Что ж, садитесь за работу. Чем быстрее вы закончите ваш роман, тем быстрее я вернусь в мир вымысла!

Довольная своей репликой, она сложила руки на груди в ожидании моей реакции. Но ее не последовало.

– Послушайте, – увлеченно продолжала Билли, – я предлагаю вам

сделку. Мы едем в Мексику, я вам помогаю вернуть Аврору, а вы пишете третий том вашей трилогии, потому что это единственный способ отправить меня туда, откуда я пришла.

Я массировал веки, обескураженный этим фантастическим предложением.

– Кстати, я захватила с собой ваш компьютер, он в багажнике, – уточнила Билли, как будто эта деталь могла как-то повлиять на мое решение.

– Все не так-то просто, – начал объяснять я. – Нельзя приказать человеку написать роман. Это своего рода алхимия. И потом, мне потребуется не меньше шести месяцев упорной работы, чтобы закончить эту книгу. Это долгий и тяжелый труд, для которого у меня нет ни сил, ни желания.

Она передразнила меня:

– «Нельзя приказать написать роман! Это своего рода алхимия...» – Помолчала немного и взорвалась: – Черт побери, когда вы наконец прекратите жалеть себя?! Если вы не положите этому конец, то плохо кончите. Намного легче разрушать себя потихоньку, чем набраться храбрости и снова взяться за дело, верно?

Туше.

Я не ответил, но принял ее аргумент. Она была не так уж и не права. Впрочем, совсем недавно, в кабинете психиатра, когда я швырнул статую, чтобы разбить окно, во мне словно что-то прорвалось. Это был бунт, желание вернуть контроль над своей жизнью. Правда, приходилось признать, что оно исчезло так же быстро, как и появилось.

Но теперь я чувствовал, что Билли клокочет от возмущения, готовая взорваться и высказать мне в лицо всю правду:

– Если вы не вступите в настоящий бой с самим собой, вы знаете, что произойдет?

– Нет, но я рассчитываю, что вы мне скажете.

– Вы будете принимать все больше лекарств и наркотиков. Каждый раз вы будете опускаться все ниже, все сильнее будет ваше отвращение к себе. А так как у вас больше нет ни гроша, вы закончите свои дни на улице, где однажды утром вас найдут мертвым со все еще торчащим из вены шприцем.

– Очаровательно...

– И еще вы должны знать, что если не начнете действовать незамедлительно, то больше никогда в жизни у вас не будет энергии, чтобы написать хотя бы одну строчку.

Положив обе руки на руль, я уставился на дорогу с отсутствующим видом. Разумеется, она была права! Но, вполне вероятно, было уже слишком поздно что-либо менять. Я, несомненно, уже был готов пойти на дно, выпустив на волю все самое разрушительное, что во мне было.

Билли посмотрела на меня тяжелым взглядом:

– И все эти прекрасные ценности, которые вы проповедуете в ваших книгах: сопротивляйтесь несчастьям, используйте второй шанс, мобилизуйте внутренние резервы, чтобы встать после удара судьбы... Это куда легче написать, чем применить на практике, так?

Ее голос неожиданно дрогнул, как будто надломился от избытка эмоций, усталости и страха.

– А я? На меня вам наплевать?! Я все потеряла в этой истории: у меня больше нет семьи, нет работы, нет крыши над головой, и я нахожусь в реальности, где единственный человек, способный мне помочь, предпочитает сидеть и жалеть самого себя.

Удивленный ее отчаянием, я повернул голову и посмотрел на нее, немного смущенный, не слишком хорошо понимая, что ей ответить. Ее лицо светилось, бриллиантовые искорки сверкали в ее глазах.

Я посмотрел в зеркало заднего вида, нажал на газ, чтобы обогнать длинную вереницу автомобилей, потом снова развернулся и направился на юг.

– Куда мы едем? – спросила Билли, вытирая одинокую слезу.

– В Мексику, чтобы вернуть мою жизнь и изменить – вашу.

15. Договор

Никаких фокусов, никаких спецэффектов. Слова, брошенные на бумагу, создали его, и теперь только слова на бумаге смогут нас от него избавить.

Стивен Кинг

Мы остановились на заправке сразу после Торранс-бич. Не знаю, стояли ли у «Бугатти» двигатель ракеты, но бензина он поглощал столько же!

Пасифик-коуст-хайвей. Саут-Бэй, Лос-Анджелес. 2 часа пополудни

На заправке было много машин. Чтобы не ждать слишком долго, я подъехал к автоматической колонке. Выйдя из машины, я едва не закричал: щиколотка болела все сильнее и сильнее, она начала распухать. Я вставил карточку, набрал номер, соответствующий моему месту жительства, и мою фамилию... На экране большими буквами высветилось сообщение:

***ВАША КАРТА НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ПРОИЗВЕСТИ ЗАПРАВКУ
ГОРЮЧИМ***

Я забрал из автомата платиновую карту, потер ее о рукав рубашки и повторил операцию, впрочем, с тем же результатом...

Проклятье...

Я порылся в бумажнике, но нашел только жалкую бумажку в 20 долларов. Раздраженный, я нагнулся к окошку со стороны пассажирского сиденья:

– Моя карта не работает!

– Это логично, вы не согласны? У вас нет ни гроша. Это же не волшебная карточка!

– А у вас случайно не найдется немного денег?

– Где бы я могла их спрятать? – спокойно поинтересовалась Билли. – Я приземлилась на вашей террасе голая, как червяк!

– Спасибо за поддержку! – проворчал я и захромал к кассе.

Внутри магазина клубился народ. Звучала мелодия «Девушка из

Ипанемы» в волшебной интерпретации Стэна Гетца^[32] и Жуана Жилберту^[33]. Шедевр, но, к несчастью, заезженный сорока годами исполнения в лифтах, супермаркетах или таких местах, как это.

– Отличная тачка! – присвистнул кто-то в очереди.

Через большие окна многие посетители и служащие с любопытством рассматривали «Бугатти». Очень быстро вокруг меня собралась толпа. Я объяснил возникшую проблему типу за кассой, и он терпеливо выслушал меня. Стоит сказать, что выглядел я прилично и приехал на автомобиле ценой в два миллиона долларов, пусть даже у меня не было денег, чтобы залить десять литров бензина в его бензобак. Потом посыпались вопросы, на которые я не знал ответов: правда ли, что требовалось внести 300 000 долларов залога при заказе? Надо ли задействовать секретный ключ, чтобы разогнаться до 400 км/час? Действительно ли одна только коробка передач стоит 150 000 долларов?

Оплатив счет, один из клиентов – элегантный мужчина лет пятидесяти с сидящими волосами и в белой рубашке с воротником-стойкой – в шутку предложил купить мои часы, чтобы я мог заправить машину. Он предложил мне за них 50 долларов. Потом ставки серьезно выросли: служащий предложил мне за них сначала 100 долларов, потом 150, а менеджер магазина поднял цену до 200...

Часы мне подарил Мило, и они нравились мне своей простотой: сдержанный металлический корпус, бело-серый циферблат, ремешок из черной кожи аллигатора, но я так же плохо разбирался в часах, как и в автомобилях. Эти часы показывали мне время, и большего я от них не требовал.

Вся очередь включилась в игру, и мне предложили уже триста пятьдесят долларов. Именно этот момент выбрал мужчина в рубашке с воротником-стойкой, чтобы вытащить из бумажника пухлую пачку банкнот. Он отсчитал десять купюр по сто долларов и положил их на прилавок:

– Даю тысячу долларов, если вы немедленно продаете мне часы, – с некоторой торжественностью произнес он.

Я колебался. Эти последние три минуты я дольше рассматривал мои часы, чем предыдущие два года, в течение которых они были у меня. Их непристойное название – «ИВС Шафхаузен» – ничего мне не говорило, но я не был знатоком в этом вопросе. Я мог прочитать наизусть целые страницы Дороти Паркер, но я едва ли смог бы вспомнить больше двух марок часов.

– Договорились, – наконец сказал я, расстегивая ремешок.

Я забрал тысячу долларов, отдал двести из них служащему, чтобы сразу оплатить полный бак. Я уже собрался уходить, но передумал и спросил, нет ли у него еще и бинта для моей щиколотки.

Вполне довольный сделкой, я вернулся в «Бугатти» и вставил «пистолет» в отверстие бензобака. Я увидел вдалеке мужчину, купившего мои часы. Он помахал мне рукой и выехал с заправки за рулем своего «Мерседеса» – купе.

– Как вам это удалось? – спросила Билли, опуская стекло.

– В любом случае не благодаря вам.

– Ладно вам, рассказывайте, тогда посмотрим.

– Система Д, – с гордостью ответил я, глядя на крутящиеся в автомате цифры.

Я достаточно раззадорил ее любопытство, чтобы она спросила:

– Ну а все же?

– Я продал часы.

– Вашего «Португальца»?

– Какого португальца?

– Ваши часы – это модель «Португалец» от ИВС.

– Счастлив узнать об этом.

– И за сколько же вы их продали?

– За тысячу долларов. Этого нам хватит на бензин до Мексики. И я даже могу угостить вас завтраком перед тем, как мы снова тронемся в путь.

Билли пожала плечами:

– Бросьте, скажите, наконец, правду.

– Но это правда. Тысяча долларов, – повторил я, вешая пистолет на место.

Она схватилась за голову:

– Они стоят минимум сорок тысяч!

На мгновение мне показалось, что она шутит – часы не могли столько стоить, ведь так? – но увидев ее растерянное лицо, я вынужден был признать, что меня просто надули на большой дороге...

* * *

Полчаса спустя. Придорожный фастфуд после Хантингтон-бич

Я вытер лицо влажным полотенцем, забинтовал щиколотку и вышел из туалета, чтобы присоединиться к сидевшей за столиком Билли.

Взгромоздившись на табурет, она приканчивала «банановый сплит»,

который заказала после двух чизбургеров и большой порции картофеля фри. Как ей удавалось сохранить фигуру, поглощая столько еды?

– Ммм, это вкусно, фотите попробовать? – предложила она с полным ртом.

Я отклонил ее предложение и лишь вытер салфеткой взбитые сливки с кончика ее носа.

Она мне улыбнулась и развернула перед собой большую дорожную карту, чтобы обсудить детали нашей экспедиции.

– Что ж, все просто: если верить журналу, Аврора и ее дружок все еще отдыхают. До конца недели они будут в гостинице класса «люкс» в Кабо-Сан-Лукас.

Я уже слышал разговоры об этом месте, которое благодаря своим мощным волнам считалось раем для сёрфингистов.

– Это совсем не близко! – констатировал я, наливая себе еще чашку кофе. – Может быть, вы предпочитаете добраться на самолете?

Она бросила на меня мрачный взгляд:

– Чтобы лететь самолетом, нужны деньги, а чтобы иметь деньги, не стоит продавать за гроши свое единственное богатство!

– Мы могли бы продать машину.

– Прекратите болтать глупости и сконцентрируйтесь хоть немного! В любом случае у меня нет паспорта, и вам это известно.

Билли провела пальцем по воображаемому маршруту:

– Сейчас мы примерно в двухстах километрах от Сан-Диего. Я предлагаю вам объезжать автострады и платные трассы, чтобы не тратить слишком много денег. Если вы пустите меня за руль, то меньше чем через четыре часа мы будем у мексиканской границы.

– Почему это я должен пустить вас за руль?

– У меня лучше получается, согласны? Машины явно не для вас. Вам лучше удаются все эти интеллектуальные штучки, чем механика. И потом, с вашей щиколоткой...

– Гм...

– У вас обиженный вид. Надеюсь, для вас не оскорбительна мысль о том, что машину поведет женщина? Вы наверняка уже переросли стадию примитивного мачо!

– Все, больше ни слова! Вы поведете машину до Сан-Диего, но потом мы поменяемся местами, так как дорога дальняя.

Билли, казалось, довольствовалась таким распределением обязанностей и продолжала излагать свой план:

– Если все пройдет хорошо, мы пересечем границу в Тихуане. Вечером

будем ехать до того момента, пока не найдем в Мексике симпатичный маленький мотель.

Симпатичный маленький мотель... Как будто мы едем отдыхать!

– А завтра мы встанем рано и сразу в путь. Кабо-Сан-Лукас находится в тысяче двухстах километрах от Тихуаны. Мы можем проехать их днем и вечером уже будем в отеле, где живет ваша Дульсинея.

В таком изложении все казалось так просто.

У меня в кармане завибрировал телефон. Мне всегда могли позвонить, даже если сам я позвонить не мог. Высветился номер Мило. Последний час он оставлял мне сообщения каждые десять минут, но я стирал их, не прослушивая.

– Итак, мы договорились. Я вам помогаю соединиться с вашей девушкой, а вы взамен пишете этот чертов третий том! – подвела черту Билли.

– Почему вы думаете, что у меня еще есть шанс с Авророй? Она переживает большую любовь с этим своим пилотом «Формулы-1».

– А вот это мое дело. Ваше дело писать. Но никаких шуток, договорились? Настоящий роман! И следуя спецификации, которую я составляю для меня.

– Вот еще новость: спецификация!

– Во-первых, – начала Билли и написала большую цифру **1)** на бумажной скатерти, – я хочу, чтобы вы перестали делать из меня козла отпущения ваших книжек! Вы что, ради смеха пропускаете через мою постель всех лузеров земного шара? Или вы возбуждаетесь, когда заставляете меня знакомиться с женатыми типами, вторые половины которых утратили былую загадочность, и они видят во мне лишь подружку на один вечер, чтобы подстегнуть свое либидо? Возможно, мое невезение успокаивает ваших читателей, но меня это изматывает, и мне от этого больно.

Эта неожиданная атака лишила меня дара речи. Согласен, я не щадил Билли в моих историях, но для меня это не имело никаких последствий. Она была вымышленным персонажем, чистой абстракцией, существовавшей исключительно в моем воображении и в воображении читателей. Героиня, чье материальное существование сводилось всего лишь к нескольким строчкам, напечатанным на листках бумаги. И вот теперь создание восстало против своего создателя!

– Потом, – продолжала Билли, тщательно выводя **2)** на бумажной скатерти, – мне надоело искушать дьявола. Я люблю мою работу, но я тружусь в отделении онкологии. Я посмотрелась на то, как люди страдают

и умирают каждый день. Я как губка впитываю все отчаяние пациентов. И потом, я влезла в долги, чтобы заплатить за учебу! Не знаю, в курсе ли вы, сколько получают медсестры, но это не золотые горы!

– Что же я могу сделать, чтобы вам угодить?

– Хочу, чтобы меня перевели в педиатрию, хочу видеть жизнь чаще, чем смерть... Я уже два года прошу об этом, но эта мегера Корнелия Скиннер систематически отказывает мне в переводе под предлогом нехватки кадров. И потом...

– И потом что?

– ...чтобы немного поправить дела, я была бы не против получить небольшое наследство...

– Это уж слишком!

– А вам-то что от этого? Для вас это легко! Вам достаточно написать одну строчку. Хотите, чтобы я вам подсказала? Смотрите: «Билли как единственная наследница получила пятьсот тысяч долларов от дяди».

– Ага! Если я правильно понимаю, вы готовы к тому, чтобы я умертвил вашего дядю!

– Нет! Не моего настоящего дядю! Какого-нибудь двоюродного дедушку, которого я никогда в жизни не видела, короче, как в фильмах, вот так!

Довольная собой, она аккуратно записала фразу.

– Ну что, вы, наконец, закончили ваш список пожеланий Санта-Клаусу? В таком случае мы можем ехать дальше.

– Еще одно, – остановила меня Билли, – самое важное.

Она написала на скатерти 3) и имя:

<i>Джек</i>

– Вот, – многозначительно объяснила она. – Я хочу, чтобы Джек ушел от жены и переехал жить ко мне.

Джек был ее любовником. Женатый человек, красивый эгоистичный мужчина, отец двух маленьких мальчиков, с которым она поддерживала разрушительные и страстные отношения на протяжении двух лет. Самовлюбленный извращенец, ревнивый собственник держал ее в своей власти фальшивыми клятвами в безумной любви и унижениями, низводящими ее до уровня любовницы, которую целуют или бросают в зависимости от настроения.

Я сокрушенно покачал головой:

– У Джека член вместо мозгов.

Я даже не успел заметить, как взлетела ее рука. Билли с размаху отвесила мне оплеуху, от которой я едва не свалился с табурета.

Все посетители и служащие ресторана повернулись к нашему столику, ожидая моей реакции.

«Как она может защищать этого мерзавца?» – прозвучал в моей голове голос гнева. «Так она же влюблена в него!» – ответил голос здравого смысла.

– Я не позволяю вам судить мою эмоциональную жизнь, ведь я не сужу вашу, – сказала Билли, с вызовом глядя на меня. – Я помогаю вам вернуть Аврору, а вы пишете для меня жизнь, в которой я смогу каждое утро просыпаться рядом с Джеком. Договорились?

Она подписала импровизированный контракт, который наскребала на скатерти, затем аккуратно вырезала квадрат бумаги и протянула мне ручку.

– Договорились, – ответил я, потирая щеку.

В свою очередь парафировал документ и оставил несколько долларов на столике, прежде чем мы вышли из фастфуда.

– Вы дорого заплатите мне за эту пощечину, – пообещал я, расстреливая ее взглядом.

– Поживем – увидим, – смело парировала она, садясь за руль.

16. Ограничение скорости

Это в получасе отсюда. Я буду там через десять минут.

*Реплика из фильма «Криминальное чтиво»
Квентина Тарантино*

– Вы мчитесь слишком быстро!

Мы были в пути уже три часа.

Сто километров дорога шла по берегу океана: Ньюпорт-бич, Лагуна-бич, Сан-Клементе, но шоссе было настолько забито машинами, что после Оушенсайда мы свернули на трассу семьдесят восемь, чтобы срезать через Эскондидо.

– Вы мчитесь слишком быстро! – повторил я, так как Билли на мои слова не отреагировала.

– Шутите! – запротестовала она. – Скорость всего лишь около ста двадцати.

– Но здесь ограничение до девяноста!

– И что? Эта штука ведь работает, так? – Билли указала на антирадар, который установил Мило.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но тут на приборной доске зажегся красный сигнал. В моторе что-то неприятно застучало, потом щелкнуло, и через несколько метров болид остановился. У меня появился повод излить бурливший во мне гнев:

– Решительно, идея вернуть Аврору была глупостью, я знал это заранее! Мы никогда не попадем в Мексику: у нас нет денег, нет стратегии, а теперь у нас больше нет машины!

– Ладно, не нервничайте, возможно, нам удастся ее починить, – успокоила меня Билли, открывая дверцу.

– Починить? Но это же «Бугатти», а не велосипед...

Ничуть не смутившись, Билли открыла капот и начала копошиться во внутренностях автомобиля. Я вышел следом за ней на шоссе, продолжая упрекать ее:

– ...Эти машины напичканы электроникой. Нужно двенадцать инженеров, чтобы разобраться с минимальной поломкой. С меня хватит: я возвращаюсь автостопом в Малибу.

– В любом случае, если вы хотели воспользоваться поломкой машины как предлогом – у вас ничего не вышло, – бросила она, закрывая капот.

– Это еще почему?

– Потому что я все починила.

– Вы издеваетесь надо мной?

Она повернула ключ зажигания, и мотор заурчал, готовый к работе.

– Пустяки: отключился один из радиаторов системы охлаждения, поэтому автоматически отключился четвертый турбопроцессор, включив аварийное реле центральной гидравлической системы.

– В самом деле, – ошеломленно произнес я, – совершеннейший пустяк.

Когда мы снова тронулись в путь, я не утерпел и спросил:

– Где вы этому научились?

– Вам следовало бы об этом знать.

У меня ушло несколько минут, чтобы прокрутить в голове родословные моих персонажей и найти ответ:

– У вас ведь два брата!

– Ну да, – ответила Билли, нажимая на газ. – Вы сделали их автомеханиками, и они передали мне частичку своей страсти!

* * *

– Вы едете слишком быстро!

– Опять вы за свое!

Двадцатью минутами позже

– А указатель поворота? Прежде чем срываться с места словно фурия, включают указатель поворота!

Билли насмешливо показала мне язык.

Мы только что проехали Ранчо Санта-Фе и собирались выехать на Национальную автостраду пятнадцать. Воздух был горячим, красивый свет приближающегося вечера окрашивал деревья и усиливал охру холмов. До мексиканской границы было уже недалеко.

– И раз уж мы об этом заговорили, – я указал на магнитола, – не хотели бы вы выключить мерзкую музыку, которую вы заставляете меня слушать уже несколько часов?

– Какой у вас отточенный стиль! В вас чувствуется писатель...

– Seriously, почему вы слушаете все это: ремиксы ремиксов, дебильный рэп, клонированных певиц R’n’B...

– Сжальтесь, у меня такое ощущение, что я слышу моего отца.

– А это что за ужас?

Билли подняла глаза к небу:

– Это «Блэк Айд Пиз»^[34] ужас?

– Вы хоть иногда слушаете настоящую музыку?

– Какая музыка для вас «настоящая»?

– Иоганн-Себастьян Бах, «Роллинг Стоунз», Майлз Дэвис, Боб Дилан...

– Вспомните еще видеокассеты, дедуля! – отрезала она, выключая радио.

Три минуты она молчала – для нее это был подвиг, достойный Книги рекордов Гиннесса, – а потом осведомилась:

– Вам сколько лет?

– Тридцать шесть. – Я нахмурился.

– На десять лет больше, чем мне, – констатировала Билли.

– Да, ну и что?

– Ну и ничего, – насвистывая, ответила она.

– Если вы намерены озвучить банальности о пропасти между поколениями, не стоит этого делать, малышка!

– Мой дедушка зовет меня «малышкой»...

Я снова включил радио и начал искать джазовую станцию.

– Все-таки странно слушать только музыку, созданную еще до вашего рождения, не согласны?

– Напомните-ка мне, сколько лет вашему любовнику Джеку.

– Ему сорок два, – признала она, – но он куда моднее вас.

– Ну да, как же! Каждое утро в ванной он принимает себя за Синатру и напевает «Мой путь» перед зеркалом, держа фен вместо микрофона.

Билли посмотрела на меня круглыми глазами.

– Да-да, – подтвердил я, – это привилегия писателя: я знаю все ваши секреты, даже самые постыдные. Кроме шуток, что вы находите в этом парне?

Она пожала плечами:

– Он засел в моем сердце. Это нельзя объяснить...

– Все-таки попробуйте!

Билли искренне ответила:

– С первого взгляда между нами что-то произошло: очевидность, какое-то животное влечение, мы узнали друг друга. Как будто мы уже были вместе до того, как стали вместе.

Бред... Паутина банальностей, и я, к несчастью, за нее в ответе.

– Но этот тип обманул вас: при первой встрече он специально снял обручальное кольцо, а потом ждал полгода, чтобы признаться вам, что он женат!

Ее лицо побледнело при напоминании об этом неприятном событии.

– И потом, между нами, Джек никогда не собирался расставаться с женой...

– Вот именно! Я рассчитываю на то, что вы это измените.

– Он все время унижает вас, а вы вместо того, чтобы его послать, почитаете его как бога!

Билли не стала отвечать мне и сосредоточилась на дороге, что привело к очередному увеличению скорости.

– Вы помните прошлую зиму? Джек вам пообещал, поклялся: на этот раз вы будете встречать Новый год вместе. Я знал, что вам важно было начать год с ним. Вы любили этот символ. Чтобы доставить Джеку удовольствие, вы сами занялись подготовкой. Вы зарезервировали очаровательное маленькое бунгало на Гавайях и оплатили перелет. Вот только накануне отъезда он вам объявил, что не смог освободиться. Все те же предлоги: жена, дети... А вы помните, что произошло потом?

Ожидая ответа, которого не последовало, я смотрел на спидометр. Он показывал 170 км/час.

– Вы все-таки слишком быстро едете...

Она сняла одну руку с руля и ткнула в мою сторону средним пальцем в знак враждебности в тот самый момент, когда вспышка радара сделала ее самое красноречивое фото за день.

Билли нажала на педаль тормоза, но дело было уже сделано.

Классический вариант: контроль на въезде в любую дыру, примерно за 800 м от какого угодно жилища...

Сирена и вращающийся фонарь.

Спрятавшийся за рощицей «форд» местного шерифа только что выехал из своего укрытия. Я оглянулся и увидел через заднее стекло яркие сверкающие огни, синий и красный, на автомобиле, который пустился за нами в погоню.

– Я не меньше ДЕСЯТИ РАЗ повторил вам, что вы едете слишком быстро.

– Если бы вы перестали злиться...

– Переложить ответственность за свои ошибки на другого – это слишком легко.

– Хотите, чтобы мы от него оторвались?

– Прекратите нести чушь и прижмитесь к обочине.

Билли включила сигнал поворота и неохотно послушалась, тогда как я продолжал ее отчитывать:

– Мы в полном дерьме: у вас нет прав, вы за рулем краденой машины и только что настолько превысили скорость, что в истории округа Сан-Диего о таком даже не слыхали.

– Да, согласна! Мне надоели ваши нравоучения! Ничего удивительного в том, что ваша подружка от вас сбежала!

Я агрессивно посмотрел на нее:

– Но... я не могу подобрать слова для вас! Вы одна... это десять казней египетских!

Я не стал слушать ее ответ, слишком занятый тем, что обдумывал последствия нашей встречи с полицией. Офицер из офиса шерифа потребует оставить «Бугатти», вызовет подкрепление, отвезет нас в участок и предупредит Мило, что автомобиль найден. Потом ситуация ухудшится, когда он выяснит, что у Билли нет ни удостоверения личности, ни водительских прав. Что уж тут говорить о моем статусе знаменитости, отпущенной под залог, который только усугубит ситуацию.

Патрульная машина остановилась в нескольких метрах позади нас. Билли выключила двигатель и ерзала на сиденье, как ребенок.

– Не выпендривайтесь. Сидите спокойно и положите руки на руль.

Она простодушно расстегнула еще одну пуговицу на топе, чтобы больше обнажить грудь, что совершенно вывело меня из себя:

– Вы что, думаете этим его умаслить? Вы не отдаете отчета в своих действиях! Вы только что феноменально превысили скорость: сто семьдесят километров в час при ограничении в девяносто километров в час. Вы немедленно предстанете перед судом и отправитесь в тюрьму на несколько недель!

Билли мгновенно побледнела и повернулась назад, с тревогой ожидая продолжения.

Как будто ему было мало вращающегося фонаря и яркого дневного света, офицер полиции направил на нас мощный фонарь.

– Во что он играет? – спросила встревоженная Билли.

– Он ввел наш номерной знак в свою базу данных и ждет результат.

– В Мексику мы попадем не скоро, так?

– Это наверняка.

Я выждал несколько секунд и вогнал гвоздь:

– И вы как никогда далеки от новой встречи с вашим Джеком.

Ответом мне была мертвая тишина, которая длилась добрую минуту, пока коп не соизволил выйти из своей машины.

В зеркале заднего вида я видел, как он приближается к нам словно спокойный хищник, наметивший верную жертву, и я почувствовал, как по телу разлилась желчь.

Вот и конец приключению...

В животе у меня образовалась пустота. Пустота внезапная и пожирающая, как будто чего-то не хватало. В общем-то, нормальная реакция: разве я не прожил самый странный и самый безумный день в моей жизни? Меньше чем за двадцать четыре часа я потерял все мое состояние. Самая вредная из моих героинь появилась абсолютно голая в моей гостиной. Я выбросился в окно, чтобы не оказаться в психиатрической больнице, пролетел три этажа и приземлился на крыше «Доджа». Продал, гордый собой, за тысячу долларов часы, стоившие сорок тысяч, и подписал странный контракт на бумажной скатерти в ресторане, получив перед этим оплеуху, едва не свернувшую мне шею.

Но мне стало лучше. Я снова чувствовал себя живым и прибодрившимся.

Я смотрел на Билли так, словно нам предстояло расстаться и никогда больше не иметь возможности поговорить с глазу на глаз. Как будто очарование должно было исчезнуть. И я впервые увидел сожаление и отчаяние в ее глазах.

– Простите меня за пощечину, – извинилась Билли. – Я перегнула палку.

– Гм...

– Да и с часами я была не права. Вы не могли знать их цену.

– ОК, извинения приняты.

– И про Аврору мне не следовало говорить...

– Все, хватит! Не переусердствуйте!

Полицейский медленно обошел вокруг нашего автомобиля, потом внимательно проверил номерной знак, явно растягивая удовольствие.

– Во всяком случае, мы сделали все это не напрасно! – сказал я, думая вслух.

Я начинал предчувствовать, что персонажи романа не созданы для реальной жизни. Я знал Билли, ее недостатки и тревоги, ее простодушие и уязвимость. В каком-то смысле я чувствовал себя в ответе за то, что с ней происходило, и не хотел, чтобы тюрьма сделала ее еще хуже. Она встретилась со мной взглядом, и я увидел, что она обрела надежду. Мы снова были в одной лодке. Мы снова были вместе.

Офицер постучал в стекло, требуя его опустить.

Билли послушно выполнила приказ.

Это был тип из разряда «ковбоев»: мужественный парень а-ля Джеф Бриджес, лицо загорелое, очки-«авиаторы», торс с пряжечками, среди которых терялась тяжелая позолоченная цепь.

Довольный тем, что он поймал в свои сети молодую и красивую женщину, офицер высокомерно проигнорировал меня:

– Мисс!

– Господин офицер!

– Вы знаете, с какой скоростью вы ехали?

– Кое-какие догадки на этот счет у меня есть: добрые сто семьдесят, я угадала?

– У вас была особая причина, чтобы ехать с такой скоростью?

– Я очень торопилась.

– Отличная у вас зверюга.

– Да, не то что ваша куча дерьма, – сказала Билли, указывая на полицейскую машину. – Едва ли она разгонится больше чем до ста двадцати или ста тридцати.

Лицо копа напряглось. Он понял, что ему есть смысл не отступить от законной процедуры.

– Ваши права и документы на машину.

– Я желаю тебе получить удовольствие... – спокойно начала Билли, заводя мотор.

Офицер положил руку на кобуру:

– Извольте немедленно заглушить двигатель...

– ...потому что в твоей таратайке тебе нас никогда не догнать.

17. Билли и Клайд

*Раньше или позже, мы будем убиты.
Мне наплевать на себя, но я боюсь за Бонни.
Плевать, если убьют меня.
Я, Бонни, боюсь лишь за Клайда Бэрроу...*

Серж Генсбур

– Нужно бросить машину!

«Бугатти» мчался по узкой дороге, обсаженной эвкалиптами. Шериф на первый взгляд отказался от погони, но можно было не сомневаться в том, что он поднял тревогу. Нам не повезло еще и в том, что из-за лагеря морпехов, находившегося в нескольких километрах отсюда, это место охраняли с особой тщательностью. Короче говоря, ситуация была аховая.

Неожиданно раздавшийся с неба гул еще больше усилил наше беспокойство.

– Это за нами, да? – встревожилась Билли.

Я опустил стекло и, высунув голову, увидел полицейский вертолет, круживший над лесом.

– Мне страшно.

– Историческое превышение скорости, оскорбление офицера полиции, бегство с места задержания: если офис шерифа решил играть по-крупному, мы сильно рискуем.

Билли свернула на первую же лесную дорогу и загнала «Бугатти» как можно дальше, чтобы замаскировать его.

– До границы всего километров сорок, – сказал я. – Попробуем найти другую машину в Сан-Диего.

Она открыла багажник с огромным количеством вещей.

– Это ваше, я туда кое-что положила, – объявила она, бросая мне старый чемодан «Самсонит» с твердым корпусом, который едва не сшиб меня с ног.

Ей самой пришлось делать выбор, и я видел, как она колеблется перед горой чемоданов, полных одежды и обуви, позаимствованных из гардероба Авроры.

– Мы не собираемся каждый вечер ходить на бал, – поторопил я ее.

Билли взяла большую сумку из холста с монограммами и серебристый чемоданчик с косметикой. Я собрался отойти от машины, когда она удержала меня за руку:

– Подождите, на заднем сиденье лежит подарок для вас.

Я поднял бровь, подозревая новый подвох, но все же бросил взгляд и обнаружил под пляжным полотенцем... картину Шагала!

– Просто я сказала себе, что вы наверняка ею дорожите.

Я с благодарностью посмотрел на Билли. Еще чуть-чуть, и я бы ее расцеловал.

Устроившиеся на заднем сиденье «Голубые любовники», казалось, страстно обнимались, как два школьника во время первого свидания в кинотеатре под открытым небом.

Как всегда, вид картины оказал на меня благотворное действие, передав мне немного спокойствия, но сердце мое чуть сжалось. Любовники были здесь, вечные, прижавшиеся друг к другу, и сила их притяжения действовала как исцеляющий бальзам.

– Первый раз вижу вас улыбающимся, – призналась мне Билли.

Я взял картину под мышку, и мы двинулись через лес.

* * *

Нагруженные, словно мулы, потеющие и задыхающиеся – особенно я, – мы преодолевали откос за откосом в надежде скрыться от вертолета. Тот явно нас не засек, но его гудение через равные промежутки времени парило над нами словно угроза.

– Все, больше не могу, – объявил я, высовывая язык. – Что вы положили в этот чемодан? У меня такое чувство, будто я тащу сейф!

– Спорт тоже не для вас, – констатировала Билли, поворачиваясь ко мне.

– Последнее время я, возможно, несколько заржавел, – согласился я, – но если бы вы спрыгнули с третьего этажа, как я, вы не были бы такой насмешливой.

Босиком, с лодочками в руке Билли грациозно пробиралась между стволами деревьев и зарослями.

Мы спустились по очередной крутой тропинке, которая привела нас к покрытой гудроном трассе. Это была не национальная автострада, но все же достаточно широкая дорога, чтобы машины по ней ехали в обоих направлениях.

– Как по-вашему, в какую нам сторону? – спросила Билли.

Я с облегчением выпустил ручку чемодана и оперся обеими ладонями о колени, чтобы перевести дух.

– Понятия не имею. У меня на лбу нет карт от Гугл.

– Мы могли бы попробовать остановить машину, – предложила она, проигнорировав мое замечание.

– С таким багажом нас никто не возьмет.

– Вас никто не возьмет, – поправила Билли, – но меня...

Она присела на корточки, порылась в своей сумке и извлекла на свет новый наряд. Без всякого стеснения она сняла джинсы и сменила их на белые мини-шорты, а вместо жакета надела маленький светло-голубой пиджачок с широкими квадратными плечами от Бальмена.

– Меньше чем через десять минут мы будем сидеть в машине, – заверила она меня, поправляя очки от солнца, и пошла вперед походкой манекенщицы.

И я снова поразился той двойственности, которую она носила в себе и которая в мгновение ока превращала ее из простодушной и шаловливой молодой женщины в высокомерную и провоцирующую женщину-вамп.

– Мисс Туризм на колесах опустошила бутики на Родео-драйв, – бросил я, идя за ней следом.

– Мисс Туризм на колесах на вас наплевать.

* * *

Прошло несколько минут. Мимо нас проехало машин двадцать, не больше. Ни одна не остановилась. Мы добрались до первого щита, указывающего расстояние до парка Сан-Диегито, потом миновали второй на развилке с указателем на Национальную автостраду номер пять. Мы оказались на хорошей дороге, вот только двигались не в том направлении.

– Нужно перейти на другую сторону и остановить машину, – сказала Билли.

– Не хотелось бы вас огорчать, но, кажется, ваше очарование тоже имеет границы, нет?

– Через пять минут ваша задница окажется на кожаных сиденьях, спорим?

– Как хотите.

– Сколько у вас осталось денег?

– Чуть больше семисот долларов.

– Через пять минут, – повторила Билли. – Засекайте время. Ах да, у вас же теперь нет часов...

– А что вы мне дадите, если я выиграю?

Она не ответила, мгновенно став серьезной:

– Том, наверное, придется продать вашу картину...

– Это не обсуждается!

– Но как тогда вы собираетесь купить автомобиль и оплатить наше проживание?

– Но кругом ничего нет! Такую картину продают на аукционе, а не на первой попавшейся заправке!

Она нахмурилась, задумалась на минуту, потом предложила:

– Тогда можно ее не продавать, а заложить.

– Заложить ее? Это полотно мастера, а не кольцо моей бабушки!

Билли пожала плечами в тот момент, когда мимо нас неторопливо проезжал старый пикап цвета ржавчины.

Он проехали вперед добрые десять метров, потом сдал назад.

– Выкладывайте денежки, – потребовала Билли с улыбкой.

Два мексиканца в пикапе – садовники, работавшие днем в парке и возвращавшиеся каждый вечер в Плайяс-де-Росарито, – предложили довезти нас до Сан-Диего. Тот, что был постарше, выглядел так же мужественно, как Бенисио дель Торо, но на тридцать лет старше и на тридцать килограммов тяжелее. Молодой отзывался на нежное имя Эстебан и...

– ...он прямо как сексуальный садовник из «Отчаянных домохозяек»! – возликовала Билли, которой он явно пришелся по вкусу.

– *Señora usted puede usar el asiento, pero el señor viajará en la cajuela*^[35].

– Что он сказал? – спросил я, предчувствуя плохую новость.

– Он сказал, что я могу сесть в кабину, ну а вам придется довольствоваться кузовом... – ответила Билли, радуясь тому, что сумела сыграть со мной такую злую шутку.

– А вы, между прочим, обещали мне кожаное сиденье! – запротестовал я, влезая в кузов и устраиваясь среди инструментов и мешков с травой.

* * *^[36]

Щедрый и насыщенный звук гитары Карлоса Сантаны вырывался из

открытого окна пикапа. Это была настоящая колымага: старый «Шевроле» 1950-х годов, который перекрашивали раз десять, а километраж уже исчерпал запас цифр на спидометре.

Сидя на вязанке соломы, я вытер пыль, скопившуюся на картине, и обратился напрямую к «Голубым любовникам».

– Послушайте, мне жаль, но нам придется расстаться на некоторое время.

Я обдумал то, что мне сказала Билли, и мне только что пришла в голову мысль. В прошлом году журнал «Вэнити Фэр» попросил меня написать рассказ для рождественского номера. Принцип заключался в том, чтобы *переписать* классический сюжет – ересь для некоторых, – и я решил написать новый вариант моего любимого романа Бальзака. С первых строк читатели следили за жизнью молодой наследницы, растратившей все свое состояние. Она обратилась к ростовщику, в лавке которого она нашла «шагреновую кожу», способную исполнять желания ее обладателя. Должен признать, что этот текст, хотя он и понравился читателям, был не из лучших моих произведений. Но подготовка, которой потребовала эта работа, позволила мне познакомиться с интереснейшим персонажем: Йошида Мицуко был самым влиятельным ростовщиком в Калифорнии.

Как и клиника доктора Софии Шнабель, маленький бизнес Мицуко был одним из нужных адресов, который передавали друг другу *сливки общества* из «Золотого треугольника». В Голливуде, как и в любом другом месте, нужда в наличных деньгах возникала иногда даже у самых обеспеченных, желающих срочно оплатить некоторые свои безумства. И среди двадцатки ростовщиков в Беверли-Хиллз именно Йошиде Мицуко отдавали предпочтение богатые и знаменитые клиенты. Благодаря поддержке «Вэнити Фэр» я смог встретиться с ним в его лавочке около Родео-драйв. Он гордо называл себя «ростовщиком звезд» и без колебаний развесил по стенам фотографии, на которых он позировал с известными людьми, не столько польщенными, сколько смущенными тем, что их застали именно в тот момент, когда фортуна от них отвернулась.

Как настоящая пещера Али-бабы, его склад был полон разнообразных сокровищ. Помню, я там видел рояль джазовой певицы, бейсбольную биту-фетиш капитана команды «Доджерс», большую бутылку шампанского «Дом Периньон» 1996 года, картину Магритта, «Роллс-ройс» одного рэпера, сделанный на заказ, «Харлей» эстрадного певца, несколько ящиков вина «Мутон-Ротшильд» 1945 года и, несмотря на запрет киноакадемии, маленького позолоченного «Оскара» легендарного актера, об имени которого умолчу.

Я заглянул в телефон. Звонить я по-прежнему не мог, но доступ к телефонной книге сохранялся, и я легко нашел номер Мицуко.

Я наклонился вперед и крикнул Билли:

– Вы не могли бы попросить у вашего нового приятеля разрешения воспользоваться его телефоном?

Несколько секунд она вела переговоры с «садовником», потом ответила:

– Эстебан согласен, но это будет стоить пятьдесят долларов.

Не тратя времени на уговоры, я протянул ему банкноту и получил взамен старенькую «Нокию» 1990-х годов. Я с тоской посмотрел на телефон: старый, тяжелый, потертый, без фотоаппарата и вай-фай, но он хотя бы работал.

Мицуко ответил после первого гудка.

– Это Том Бойд.

– Что я могу сделать для тебя, мой друг?

Он относился ко мне хорошо, хотя я не понимал толком, почему. В рассказе я создал не слишком приятный его образ, но это не вызвало у него неудовольствия. Более того, эта «художественная» реклама создала вокруг него некую ауру, за что он меня и поблагодарил, прислав оригинальное издание «Хладнокровного убийства», подписанное Трумэном Капоте.

Я вежливо осведомился о его делах, и Мицуко признался, что из-за рецессии и краха на бирже его дела никогда еще не шли так хорошо. Он открыл второй магазин в Сан-Франциско и собирался открыть третий в Санта-Барбаре.

– Ко мне приходят врачи, дантисты и адвокаты и прикатывают мне свои «Лексусы», приносят коллекции клюшек для гольфа или норковые манто своих жен, потому что им больше не удастся оплачивать счета. Но ты наверняка звонишь мне не просто так. Хочешь мне что-то предложить, я угадал?

Я рассказал ему о моем Шагале, но Мицуко проявил лишь вежливый интерес:

– Рынок искусства еще не вышел из кризиса. Зайди ко мне завтра, и я посмотрю, что смогу сделать.

Я объяснил, что не могу ждать до завтра, нахожусь в Сан-Диего, а наличные мне нужны через два часа.

– Полагаю, что телефон тебе тоже отрезали, – догадался он. – Я не узнал твой номер, Том. Учитывая количество сплетников в этом городе, все становится известно очень быстро...

– И что говорят?

– Что ты в яме и проводишь больше времени, поглощая таблетки, чем работая над новым романом.

Мое молчание было исчерпывающим ответом. Я слышал, как на другом конце провода он печатал на своем переносном компьютере, и догадался, что он проверяет котировки Шагала и суммы, которые были выручены за его полотна на последних аукционах.

– Что касается телефона, то я могу восстановить связь в течение часа, – неожиданно предложил Мицуко. – Твоя сеть ТТА, верно? Это обойдется тебе в две тысячи долларов.

Не успел я с ним попрощаться, как услышал звук электронной почты, отправленной с его компьютера. Если София держала людей за их секреты, то Мицуко держал их за бумажники.

– Что касается картины, то я предлагаю тебе тридцать тысяч долларов.

– Надеюсь, ты шутишь. Она стоит минимум в двадцать раз больше!

– С моей точки зрения, она будет стоять даже в сорок раз больше на аукционе «Сотбис» в Нью-Йорке, года через два-три, когда у новых русских снова появится желание расстаться с деньгами. Но если ты хочешь получить деньги на руки уже сегодня вечером, то за вычетом комиссионных, которые мне придется выложить моей коллеге в Сан-Диего, я смогу тебе дать только двадцать восемь тысяч долларов.

– Ты же только что сказал тридцать тысяч!

– Минус две тысячи за восстановление твоего номера. И это при условии, что ты аккуратно выполнишь все мои инструкции.

Был ли у меня выбор? Я убеждал себя, говоря, что у меня будут четыре месяца, чтобы выплатить эту сумму – увеличившуюся на пять процентов – и вернуть шедевр себе. Я не был уверен в том, что у меня это получится, но приходилось рисковать.

– Отправляю на твой телефон инструкцию, – закончил Мицуко. – И кстати, скажи своему приятелю Мило, что у него осталось всего несколько дней, чтобы выкупить его саксофон.

Я нажал отбой и вернул Эстебану его коллекционный телефон в ту самую минуту, когда мы въехали в город. Солнце начало спускаться к горизонту. Сан-Диего был прекрасен, залитый розовым и оранжевым светом, напоминающим о близости Мексики. Билли воспользовалась красным сигналом светофора, чтобы пересечь ко мне в кузов.

– Брр, мерзость какая! – сказала она, растирая ноги.

– В самом деле, в таком наряде...

Она махнула в мою сторону листком из блокнота.

– Они дали мне адрес своего знакомого владельца гаража, который,

возможно, сумеет найти для нас машину. А у вас как дела?

Я посмотрел на экран телефона. Словно по волшебству я снова мог звонить, а в sms-сообщении Мицуко рекомендовал мне воспользоваться фотоаппаратом в моем телефоне.

С помощью Билли я снял картину со всех ракурсов, не забыв сделать снимок крупным планом сертификата подлинности, приклеенного с обратной стороны картины. Благодаря встроенному устройству каждый снимок был автоматически датирован, зашифрован и снабжен геолокацией, а затем отправлен на защищенный сервер. Если верить Мицуко, то эта маркировка превратит фотографии в доказательства для суда и позволит противопоставить их другим доказательствам во время возможного судебного процесса.

Эта операция заняла у нас не более десяти минут. Когда пикап высадил нас возле центрального вокзала, мы уже получили сообщение с подтверждением от Мицуко, который дал нам адрес его коллеги, где нам следовало оставить картину и получить двадцать восемь тысяч долларов.

Я помог Билли спуститься на тротуар, мы забрали багаж и поблагодарили садовников за помощь.

– *Si vuelves por aquí, me llamas, de acuerdo*^[37], – сказал Эстебан, слишком крепко обнимая молодую женщину.

– *Sí, sí!* – ответила Билли, проводя рукой по волосам жестом наивысшего кокетства.

– Что он вам сказал?

– Ничего! Он желает нам счастливого пути.

– Сплошное вранье, – буркнул я и занял очередь на такси.

Билли заговорщически улыбнулась мне, и это заставило меня пообещать ей:

– В любом случае сегодня вечером, если все пойдет хорошо, то вы со мной будете есть кесадила и чили кон карне!

Одного упоминания о еде оказалось достаточно, чтобы ее словесная мельница заработала снова, но то, что приводило меня в ужас всего лишь несколько часов назад, теперь звучало в моих ушах веселой и дружелюбной музыкой:

– А еще энчилады! Вы знаете энчилады? – воскликнула Билли. – Я это обожаю, особенно с курицей, когда они хорошо обжарены в сухарях. Но, знаете, их еще можно приготовить со свининой или с креветками! А вот чипсы начос не по мне. А эскамолес? Вы их никогда не ели? Тогда вам их надо обязательно попробовать! Представляете, это личинки муравьев!

Супермегаизысканно, до такой степени, что их иногда называют муравьиной икрой. Странно, правда? Я их однажды ела. Это было во время поездки с подружками в...

18. Мотель «Каса дель Соль»

Целый ад в одном слове: одиночество.

Виктор Гюго

– Разумеется, после «Бугатти» это может показаться жалким... – заметила Билли с ноткой разочарования в голосе.

Южный пригород Сан-Диего – 19 часов. Старый и полутемный ангар убогой автомастерской

Она устроилась на переднем сиденье машины, «Фиата-500» 1960-х годов без хрома и без колпаков на колесах. Именно ее Сантос, владелец автомастерской, которого нам рекомендовали садовники, пытался продать нам с таким видом, будто это был семейный экипаж.

– Конечно, комфорт весьма ограниченный, но вы можете мне поверить: машина крепкая!

– И все-таки что за идея пришла вам в голову перекрасить ее в ярко-розовый цвет!

– На этой машине ездила моя дочь, – объяснил мексиканец.

– Ай! – Билли ударилась головой. – Скажите лучше, что это машина Барби, с которой играла ваша дочь!

Я тоже сунул голову в салон.

– Заднее сиденье вырвано, – констатировал я.

– У вас будет больше места для багажа!

Пытаясь заставить его поверить, что я понимаю хоть что-нибудь, я осмотрел фары, поворотники и задние фонари.

– Вы уверены, что они соответствуют нормам?

– В любом случае, мексиканским нормам они соответствуют.

Я посмотрел на телефон, проверяя, который час. Мы, как и было договорено, получили двадцать восемь тысяч долларов, но между визитом к ростовщику и поездкой на такси в гараж мы потеряли много времени. Эта машина годилась только на металлолом, но так как у нас не было прав, мы не могли ни взять в аренду, ни купить нормальный автомобиль по официальным каналам. У этой машины было преимущество – мексиканские номера, которые могли облегчить нам переход через границу.

Наконец, Сантос согласился уступить ее нам за тысяча двести

долларов, но нам пришлось сражаться больше четверти часа, пытаюсь втиснуть мой большой чемодан и вещи мадам в такое ограниченное пространство.

– Это не эту машину называли «баночкой йогурта»? – спросил я, призвав на помощь все свои силы, чтобы закрыть-таки багажник.

– *El bote de yogur?* – перевел Сантос, делая вид, что не понимает связи между молочным продуктом и развалюхой, которую ему удалось нам загнать.

На этот раз я сел за руль, и мы пустились в путь не без некоторых опасений. Была уже ночь. Мы оказались не в самом уютном месте Сан-Диего, и я с трудом разобрался в чередке паркингов и торговых зон, прежде чем выехать на дорогу восемьсот пять, которая вела к пограничному посту.

Шины попискивали, мотор гнусаво фыркал, и эти звуки «Фиата» заменили яростное гудение «Бугатти».

– Переключите на вторую, – предложила Билли.

– Ставлю вас в известность, что я уже на четвертой!

Она посмотрела на спидометр, который едва дотягивал до семидесяти километров в час.

– Вы на пределе, – разочарованно констатировала она.

– Заметьте, так мы можем быть уверены, что не превысим скорость.

Как бы там ни было, наша таратайка довезла нас до огромного пограничного поста, который позволял попасть в Тихуану. Как это часто бывало, здесь скопились машины, и царило оживление. Встав в очередь «Только в Мексику», я повторял последние указания моей пассажирке:

– Обычно в этом направлении мы почти не рискуем нарваться на контроль, но если это случится, это тюрьма и для вас, и для меня. И на этот раз на скорости нам не прорваться! Поэтому мы не будем играть в идиотов, согласны?

– Я вся превратилась в слух, – заверила меня Билли, хлопая ресницами, как Бетти Буп^[38].

– Все очень просто: вы не открываете рта и даже не моргаете. Мы с вами честные мексиканские работяги, возвращаемся домой. Понятно?

– *Vale, señor*^[39].

– И если бы вы смогли прекратить действовать мне на нервы, я бы немного передохнул.

– *Mui bien, señor*^[40].

В кои-то веки удача нам улыбнулась: меньше чем за пять минут мы

оказались на другой стороне без проверки и препятствий.

Мы продолжали ехать вдоль побережья, как делали до этого. К счастью, бывший владелец машины установил в ней старую кассетную магнитоу. К сожалению, единственной кассетой, которую мы обнаружили в бардачке, оказался альбом Энрике Иглесиаса, который обрадовал Билли, а мне ездил по ушам до самой Энсенады.

Там внезапно разразилась гроза, и на нас обрушился потоп. Ветровое стекло было крошечным, а примитивные «дворники» настолько не справлялись с плотной пеленой дождя, что мне приходилось часто высовывать руку, чтобы их расцепить.

– Остановимся при первой возможности?

– Я собиралась вам это предложить!

В первом мотеле на нашем пути не оказалось свободных мест. Видимость была меньше трех метров. Вынужденный тащиться со скоростью двадцать километров в час, я вызывал упреки автомобилистов, ехавших за мной следом. Более получаса они сопровождали меня нетерпеливыми и сердитыми гудками.

В конце концов мы нашли приют в Сан-Тельмо в мотеле с не слишком удачным названием «Каса дель Соль» – Дом Солнца – с мигавшей вывеской и успокаивающей надписью «Есть свободные места». Оценив состояние машин, оставленных на парковке, я догадался, что место едва ли обладает очарованием и комфортом гостиниц «Ночлег и завтрак», но, с другой стороны, мы были не в свадебном путешествии.

– Берем один номер, да? – поддразнила меня Билли, толкая дверь комнаты портье.

– Одну комнату с двумя кроватями.

– Если вы полагаете, что я на вас наброшусь...

– Ничуть этого не боюсь, я не садовник, я не в вашем вкусе.

Портье приветствовал нас ворчанием. Билли потребовала, чтобы он сначала показал наш номер, но я уже схватил ключ и расплатился.

– Мы все равно не можем ехать дальше: льет как из ведра, а я совершенно без сил.

Одноэтажное здание изогнулось подковой вокруг дворика, усаженного высохшими деревьями, чьи хрупкие силуэты сгибались на ветру.

Комната, в чем не было ничего удивительного, оказалась спартанской, плохо освещенной, пахнувшей сомнительными жидкостями и обставленной мебелью, которая была в моде еще при Эйзенхауэре. На столике с колесиками стоял огромный телевизор с динамиком, расположенным под экраном: одна из тех моделей, которую ищут любители

гаражных распродаж.

– Вы отдаете себе отчет в том, что благодаря этому экрану люди видели первые шаги человека по Луне или даже узнали об убийстве Кеннеди! – сострила Билли.

Из любопытства я попытался включить аппарат и услышал слабое шипение, но картинка так и не появилась.

– В любом случае мы не собираемся смотреть финал Суперкубка по этому ящику...

В ванной комнате душевая кабина была просторной, но кран покрывала ржавчина.

– Вы же знаете правило, – улыбнулась мне Билли. – Надо заглянуть за прикроватную тумбочку, чтобы понять, вытирали ли в номере пыль.

Сопровождая слова действиями, она сдвинула с места маленькую тумбочку и вскрикнула.

– Вот мерзость! – сказала она, давя лодочкой таракана.

Потом Билли повернулась ко мне, ища в моих глазах капельку поддержки:

– Мы устроим наш маленький мексиканский ужин?

Но мой энтузиазм уже остыл:

– Послушайте, здесь нет ресторана, дождь льет как из ведра, я вымотан до предела, и сейчас не слишком жарко, чтобы садиться в машину и опять куда-то ехать.

– Понятно, вы такой же, как и все, только обещать горазды...

– Согласен, я ложусь спать!

– Подождите! Пойдем выпьем по стаканчику. Мы же видели маленький бар по дороге сюда, до него меньше пятисот метров...

Я снял обувь и улегся на одну из кроватей:

– Отправляйтесь туда без меня. Уже поздно, завтра нам предстоит долгий путь. И потом, я не люблю бары. Во всяком случае, придорожные бары.

– Отлично, я пойду без вас.

Билли отправилась в ванную комнату, захватив с собой кое-что из вещей. Я видел, как через несколько минут она вышла оттуда в джинсах и приталенной кожаной куртке. Молодая женщина готова была уйти, но я чувствовал, что ей что-то не дает покоя.

– Вы недавно сказали, что вы не в моем вкусе... – начала она.

– Да?

– А какой мужчина, по-вашему, в моем вкусе?

– Ну, к примеру, этот мерзавец Джек. Или этот Эстебан, который не

переставал вас лапать во время поездки, поощряемый вашими призывными взглядами и провокационным нарядом.

– Вы действительно такой меня видите или просто хотите обидеть?

– Честно говоря, вы такая и есть, и мне это известно лучше, чем кому-либо другому, так как это я вас создал.

Лицо Билли стало замкнутым, и, ни слова не говоря, она взялась за ручку двери.

– Подождите, – сказал я, догоняя ее на пороге. – Возьмите хотя бы немного денег.

Билли с вызовом посмотрела на меня:

– Если бы вы действительно хорошо меня знали, то вы бы помнили, что я ни разу в жизни не заплатила в баре сама...

* * *

Оставшись в одиночестве, я принял теплый душ, заново перебинтовал щиколотку и открыл чемодан, чтобы найти, во что переодеться на ночь. В чемодане, как и говорила Билли, меня ждал мой компьютер, который показался мне каким-то зловещим. Я побродил несколько минут по комнате, открыл шкаф, чтобы повесить туда куртку, и принялся безрезультатно искать подушку. В ящике одной из тумбочек у кровати рядом с дешевым изданием Нового Завета я нашел пару книг, очевидно забытых предыдущими постояльцами. Одной из них оказался роман Карлоса Руиса Сафона^[41] «Тень ветра». Я помнил, что дарил такую книгу Кароль. Другая называлась «La Compañia de los Ángeles», и мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это мой первый роман «Компания ангелов» в переводе на испанский язык. Я с любопытством перелистал его. Человек, читавший книгу, подчеркнул некоторые фразы и кое-где оставил заметки на полях. Я не смог бы сказать, понравилась ему моя книга или нет, но в любом случае история не оставила его равнодушным, а это было для меня самым главным.

Повеселев после такой неожиданной находки, я устроился за крошечным письменным столом, покрытым пластиком, и включил компьютер.

А что, если желание вернулось? Вдруг я смогу писать снова!

Система запросила мой пароль. Я чувствовал, как опять постепенно нарастает тревога, но пытался убедить себя, что это возбуждение. Когда на экране возник райский пейзаж, я запустил программу работы с текстом, и

она открылась на чистой сияющей странице. Вверху мигал курсор, готовый сдвинуться с места, как только мои пальцы побегут по клавиатуре. Мой пульс участился, сердечную мышцу как будто сжимали тисками. У меня закружилась голова, к горлу подступила тошнота... и тошнота настолько сильная, что мне пришлось выключить компьютер.

Проклятье.

Творческий застой, синдром чистого листа... Мне никогда не приходило в голову, что такое может случиться со мной. Я считал, что вдохновение покидало только интеллектуалов, которые принимали позу, глядя на себя пишущих, а не такого любителя художественного вымысла, как я, придумывавшего истории с тех пор, когда ему было десять лет.

Чтобы творить, некоторым художникам требовалось ввергать себя в отчаяние, если этого отчаяния в них было недостаточно. Другие использовали как искру свою печаль или свои провалы. Фрэнк Синатра сочинил «Так глупо желать тебя», расставшись с Авой Гарднер. Аполлинер написал «Мост Мирабо» после своего разрыва с Мари Лорансен. А Стивен Кинг часто рассказывал, что написал «Сияние» под воздействием алкоголя и наркотиков. Мне, чтобы писать, никогда не требовался допинг. Многие годы я работал каждый день – включая Рождество и День благодарения, – чтобы дать волю моему воображению. Когда я начинал писать, все остальное не имело значения: я жил в другом мире, в трансе, в продолжительном гипнотическом состоянии. В эти благословенные периоды писательство было наркотиком, более действенным, чем самый чистый кокаин, дающим больше наслаждения, чем самое безумное опьянение.

Но теперь все это было далеко. Очень далеко. Я отказался от писательства, и писательство отказалось от меня.

* * *

Туба с успокоительными. Не стоит считать себя сильнее, чем я есть на самом деле, и смиренно принять свою зависимость.

Я лег, выключил свет, заворочался в кровати. Невозможно уснуть. Я чувствовал себя таким беспомощным. Почему я больше не мог заниматься моим ремеслом? Почему я стал таким безразличным к судьбам моих персонажей?

Старый радиобудильник с механическим сцеплением показывал почти двадцать три часа. Я начал серьезно беспокоиться о Билли, которая все еще

не вернулась. Почему я разговаривал с ней так сурово? Частично потому, что я был ошеломлен ее появлением в моей жизни и не был способен управлять ее вмешательством в мое существование, но главным образом потому, что я признавал свою неспособность найти в себе силы, чтобы отправить девушку в ее вымышленную вселенную.

Я встал, поспешно оделся и вышел под дождь. Я шел добрых десять минут, пока не заметил яркую зеленоватую вывеску, издали оповещавшую о том, что вас ждет «Линтерна верде».

Это был популярный бар, в котором собрались почти одни только мужчины. Место было битком забито, атмосфера была праздничной. Текила текла ручьем, старая стереосистема обрушивала на посетителей мощный рок. С подносом, уставленным бутылками, официантка переходила от столика к столику, чтобы подать спиртное. За стойкой тщедушный попугай забавлял публику, тогда как барменша – завсегдатаи называли ее Паломой – изображала из себя секс-бомбу, принимая заказы. Я заказал пиво, и она подала мне «Корону» с четвертушкой лимона, вставленной в горлышко. Я обвел взглядом зал. Он был украшен деревянными ширмами из раскрашенного дерева, чем-то напоминавшими искусство майя. На стенах висели старые фотографии из вестернов, соседствуя с плакатами местной футбольной команды.

Билли сидела в глубине зала за столиком с двумя здоровяками, которые поигрывали мускулами и громко шутили. С пивом в руке я подошел к этой компании. Билли меня заметила, но предпочла проигнорировать. Увидев ее расширенные зрачки, я догадался, что она уже пропустила несколько стаканчиков. Я знал слабости этой молодой женщины: она не умела пить. Знал я и парней такого сорта, и их жалкую тактику: эти парни не изобрели машину, чтобы сгибать бананы, но они обладали настоящим инстинктом, который помогал им находить женщин достаточно уязвимых, готовых стать их добычей.

– Идемте, я отведу вас в отель.

– Оставьте меня в покое! Вы не мой отец и не мой муж. Я предложила вам пойти со мной, а вы плюнули мне в лицо.

Билли пожала плечами и окунула тортилью в чашку с соусом гуакамоле.

– Идемте, хватит ребячиться. Вы плохо переносите спиртное, и вы об этом знаете.

– Я отлично переношу спиртное. – Она с вызовом схватила бутылку текилы, возвышавшуюся в центре стола, чтобы налить себе еще. Затем она передала ее парням, которые выпили прямо из горлышка. Наиболее

мускулистый из них в футболке с надписью «Хесус» протянул бутылку мне, приглашая присоединиться.

Я с сомнением посмотрел на маленького скорпиона, плававшего на дне бутылки, чтобы, как здесь считали, придать силу и мужественность.

– Мне это не нужно, – сказал я.

– Если ты не можешь пить, оставь нас, друг! Ты видишь, что барышня хорошо проводит время с нами.

Вместо того чтобы отойти, я сделал еще шаг к ним и посмотрел прямо в глаза Хесуса. Я любил Джейн Остин и Дороти Паркер, но я вырос в городе: я бил, и меня били, в том числе и типы, иногда вооруженные ножами и вообще более крепко сбитые, чем животное, сидевшее передо мной.

– Тебе лучше заткнуться, – сказал я ему.

Потом я снова повернулся к Билли:

– В последний раз, когда вы напились в Бостоне, все закончилось не слишком хорошо, вы помните?

Она с презрением посмотрела на меня:

– Все время слова, которые причиняют боль, все время слова, которые ранят! Вы определенно сильны в этой области.

Сразу после того, как Джек отменил их каникулы на Гавайях, Билли отправилась в «Красное пианино», бар около Старой ратуши. Поступок Джека очень ее задел, она почти дошла до точки. Чтобы заглушить боль, Билли позволила некоему Полу Уокеру, управляющему магазинами известной торговой марки, несколько раз угостить ее водкой. Он предложил проводить ее до дома. Билли не сказала «нет», и он понял это как «да». Потом в такси он начал к ней приставать. Тут она дала понять, что не согласна, но, возможно, не слишком твердо. И этот тип решил, что имеет право на некоторую компенсацию, раз он заплатил за ее выпивку. У Билли кружилась голова. Настолько сильно, что она и сама толком не понимала, чего именно она хочет. В холле ее дома друг Пол от нее не отстал и напросился выпить «на посошок». После упорного сопротивления Билли позволила ему войти вместе с ней в лифт из страха, что он разбудит соседей. Потом... она больше ничего не помнила. Проснувшись она утром на своем диване с задранной юбкой. Больше трех месяцев между анализами на ВИЧ и тестами на беременность она умирала от страха, но так и не решилась обратиться в полицию. В глубине души она считала себя отчасти виноватой в том, что произошло.

Я оживил в ее памяти эти воспоминания, и теперь Билли смотрела на меня со слезами на глазах.

– Почему... Почему вы заставляете меня переживать подобные мерзости в ваших романах?

Вопрос ударил меня в самое сердце. И я честно ответил ей:

– Без сомнения, потому, что вы носите в себе некоторых из моих демонов: мою самую черную, самую презренную часть. Ту, которая пробуждает во мне отвращение и непонимание. Ту, которая порой заставляет меня терять всякое уважение к себе.

Оторопевшая, она все еще не хотела уйти со мной.

– Я провожу вас в отель, – снова сказал я, протягивая ей руку.

– *Como chingas!* – прошипел Хесус сквозь зубы.

Я не ответил на провокацию и не выпускал Билли из вида.

– Мы можем уйти только вместе. Вы мой шанс, а я ваш.

Она собиралась мне ответить, когда Хесус назвал меня *joto*^[42]. Это слово я знал, потому что это было любимое ругательство Терезы Родригес, старой гондураски, моей домработницы, которая когда-то была соседкой моей матери в Макартур-парке.

Кулак полетел в цель помимо моей воли. Отличный удар правой, как в добрые времена моей юности, отправил Хесуса на соседний столик. Заплясали пинты пива и лепешки тако. Это был отличный удар в нос, но, к сожалению, других ударов не последовало.

Меньше чем за секунду по залу как будто пробежал электрический ток, и присутствующие, радуясь дополнительному развлечению, встретили криками начало драки. Сзади подошли два типа, приподняли меня над полом, тогда как третий бандит заставил меня пожалеть о том, что я вообще сунул нос в этот бар. Лицо, печень, желудок: удары сыпались на меня с невероятной скоростью, но почему-то это избиение шло мне на пользу. Не мазохизм, нет, но как будто это мучение было этапом на пути к искуплению. Опустив голову, я чувствовал металлический привкус, вкус крови, которая текла у меня изо рта. Перед глазами через равные промежутки времени вспыхивали стробоскопические картинки, смесь воспоминаний и того, что происходило в зале: влюбленный взгляд Авроры на журнальных снимках, устремленный не на меня, а на другого; предательство Мило, потерянный взгляд Кароль, татуировка на пояснице Паломы, латиноамериканской секс-бомбы. Она увеличила громкость музыки и тряслась в ритме моего избиения. Что же до силуэта Билли, то я увидел, как она пошла вперед, сжимая в руке бутылку со скорпионом, чтобы разбить ее о голову одного из напавших на меня.

* * *

Атмосфера сразу изменилась. Я с облегчением понял, что праздник закончен, почувствовал, как меня приподняли, потащили за руки через толпу и вышвырнули на улицу под дождь. Я приземлился носом в грязную лужу.

19. Роуд-муви

Счастье – это мыльный пузырь, который меняет цвет, словно радужка, и лопается, когда до него дотрагиваются.

Бальзак

– Мило, открой!

Затянутая в форму Кароль барабанила в дверь с силой и властью, которую дал ей закон.

Пасифик-Палисейдс. Маленький двухэтажный дом, окутанный утренним туманом

– Я тебя предупреждаю: с тобой говорит полицейский, а не друг. Именем закона Калифорнии я требую, чтобы ты меня впустил.

– Да насрать мне на закон Калифорнии, – прогрохотал Мило, приоткрывая дверь.

– Очень конструктивно, в самом деле! – укорила его Кароль, входя в дом.

Мило был в трусах и старой футболке с надписью «*Space Invaders*»^[43]. Лицо у него бледное, под глазами темные круги, волосы стоят дыбом. Татуировки «Мары Сальватручи» в виде каббалистических символов на обеих руках сверкали нездоровым пламенем.

– Ставлю тебя в известность, что еще нет и семи часов утра, что я спал и что я не один.

На стеклянном столе в гостиной Кароль заметила пустую бутылку из-под дешевой водки и почти пустой пакетик «травки».

– Я считала, что ты завязал со всем этим, – грустно сказала она.

– Как видишь, нет: моя жизнь полетела под откос, я разорил моего лучшего друга, и я не в силах ему помочь, когда у него неприятности. Поэтому да, я напился, выкурил три или четыре косячка и...

– ...и ты не один.

– Точно, и это мое дело, понятно?

– Кто она? Сабрина? Вики?

– Нет, две шлюхи за пятьдесят долларов, которых я подобрал на Крик-авеню. Такого объяснения с тебя хватит?

Захваченная врасплох, Кароль смущенно хмыкнула, не зная наверняка, говорил ли Мило правду или просто решил ее спровоцировать.

Он включил кофемашину и вставил в нее капсулу.

– Ладно, Кароль, в твоих интересах, чтобы у тебя была очень веская причина, раз уж ты разбудила меня в такую рань.

Молодая женщина-полицейский не сразу нашлась с ответом.

– Вчера вечером я оставила в комиссариате ориентировку на «Бугатти» и попросила дать мне знать, если будут новости. И угадай, что мне сказали? Машину нашли в подлеске недалеко от Сан-Диего.

Лицо Мило наконец просветлело:

– А Том?

– Никаких новостей. «Бугатти» остановили за превышение скорости, но женщина за рулем отказалась подчиниться.

– Женщина?

– По данным местной полиции, за рулем был не Том, а молодая женщина. Но в рапорте указано присутствие пассажира-мужчины.

Кароль прислушалась к звукам, доносившимся из ванной комнаты. К шуму душа добавилось гудение работающего фена: там и в самом деле было два человека...

– Ты говоришь, около Сан-Диего?

Она заглянула в рапорт:

– Да, в населенном пункте возле Ранчо Санта-Фе.

Мило почесал голову, добавив еще немного хаоса в свою стоящую дыбом шевелюру.

– Пожалуй, я отправлюсь туда на арендованной машине. Покопошусь там, вдруг найду что-то такое, что наведет меня на след Тома.

– Я с тобой! – решила Кароль.

– Незачем.

– Я не спрашиваю твоего мнения. Я поеду туда, хочешь ты этого или нет.

– А твоя работа?

– Но я давным-давно не брала отпуск! И потом, вдвоем нам будет легче вести расследование.

– Очень боюсь, что он сотворит какую-нибудь глупость, – признался Мило, глядя в пустоту.

– А ты, ты сам-то сейчас разве не глупости делаешь? – сурово спросила Кароль.

Дверь ванной комнаты открылась, выпустив двух латиноамериканок, болтавших о каких-то пустяках. Одна, наполовину голая, завернула волосы

в полотенце, другая куталась в банный халат.

Увидев их, Кароль вздрогнула: две девушки были похожи на нее! Вульгарные, потасканные, но у одной были ее светлые глаза, а у другой ее высокий рост и ямочка на подбородке. Они были такими, какими могла стать и Кароль, если бы не сумела вырваться из Макатур-парка.

Она скрыла свое волнение, но Мило обо всем догадался.

Он скрыл свой стыд, но она его расшифровала.

– Я возвращаюсь в комиссариат, чтобы предупредить о моем отсутствии, – сказала наконец Кароль, чтобы нарушить молчание, становившееся тягостным. – Ты иди в душ, отведи своих подружек, а через час заберешь меня из дома, идет?

* * *

Полуостров Калифорния, Мексика. 8 часов утра

Я неуверенно открыл один глаз. Мокрая дорога отражала сверкающее солнце, касавшееся утренними лучами ветрового стекла, усеянного каплями дождя.

Укутанный в плюшевое покрывало, с затекшими мышцами и заложенным носом, я выплыл из сна, скорчившись на пассажирском сиденье «Фиата-500».

– Ну как, хорошо выспались? – спросила Билли.

Я с гримасой выпрямился, почти парализованный болью в шее.

– Где мы?

– На пустынной дороге, между нигде и другим местом.

– Вы вели машину всю ночь?

Билли весело кивнула, пока я обзирал в зеркале заднего вида свое лицо, серьезно пострадавшее от полученных накануне ударов.

– Вам очень идет, – сказала она серьезно. – Мне не слишком нравился ваш вид подростка «бон шик, бон жанр»: вам так и хотелось врезать.

– У вас удивительный дар делать комплименты.

Я посмотрел через стекло: пейзаж стал более диким. Узкая и потрескавшаяся дорога пересекала пустынные горы, на которых росли редкие растения: каменистые кактусы, агавы с колючими листьями, колючий кустарник. Машин было немного, но узкая дорога делала опасной любую встречу с грузовиком или автобусом.

– Я вас сменю, чтобы вы могли немного поспать.

– Остановимся на ближайшей заправке.

Но заправки располагались редко, и не все из них работали. Прежде чем найти открытую, мы миновали поселения, настоящие деревни-призраки. Выезжая из одной из них, мы увидели на обочине оранжевый «Корвет» с включенными сигналами аварийной остановки. Прислонившись к капоту, молодой парень – он бы произвел фурор в рекламе дезодоранта – двумя руками держал маленькую табличку с надписью: *out of gas*^[44].

– Поможем ему? – предложила Билли.

– Нет. Это выглядит как классическая ловушка. Тип симулирует аварию, а потом вытрясает все деньги из туристов.

– То есть вы уверены, что все мексиканцы воры?

– Нет, я имею в виду, что с вашей манией брататься со всеми красивыми парнями вокруг мы снова вляпаемся в дерьмо.

– Вы были очень довольны, когда нас довезли до Сан-Диего!

– Послушайте, это ясно как дважды два: этот парень отберет у нас деньги и машину! Если вы этого хотите, останавливайтесь. Но не просите моего благословения!

К счастью, Билли не стала рисковать, мы проехали мимо.

Заправившись, мы зашли в семейную лавку. В длинной и старинной витрине были выставлены свежие фрукты, молочные продукты и выпечка. Мы купили то, что нам понравилось, и устроили импровизированный пикник через несколько километров под коротколистной юккой.

Попивая горячий кофе, я, как зачарованный, наблюдал за Билли. Усевшись на покрывало, она с аппетитом поглощала польвороны с корицей и чуррос, покрытые сахарной глазурью.

– Какая вкуснотища! Вы не попробуете?

– Что-то не склеивается, – задумчиво ответил я. – В моих романах вы едите как птичка, но я-то вижу, что вы поглощаете все, что попадается под руку...

Она на мгновение задумалась, как будто сама что-то осознала, потом призналась:

– Это из-за *настоящей жизни*.

– Настоящей жизни?

– Я персонаж романа, Том. Я принадлежу миру вымысла, и в настоящей жизни я не у себя дома.

– И какое это имеет отношение к вашей прожорливости?

– В настоящей жизни все вкуснее, насыщеннее. И это не относится только к пище. В воздухе больше кислорода, пейзажи полны цвета, и ими хочется восхищаться каждую секунду. Мир вымысла настолько тусклый...

– Мир вымысла тусклый? Но я всегда слышал обратное! Большинство

людей читает романы именно для того, чтобы убежать от реальности.

Билли ответила мне в высшей степени серьезно:

– Возможно, вы умеете хорошо рассказывать истории, описывать эмоции, боль, раны сердца, но вы не можете описать то, что составляет соль жизни: *ее вкусы*.

– Мне не слишком приятно это слышать, – сказал я, понимая, что она указывает мне на мои пробелы как писателя. – О каких таких вкусах вы говорите?

Она поискала примеры вокруг.

– Вкус, к примеру, этого фрукта, – сказала она, отрезая кусочек манго, которое мы только что купили.

– А что еще?

Билли подняла голову и закрыла глаза, как будто для того, чтобы подставить свою хорошенькую мордашку утреннему бризу.

– То, что чувствуешь, когда ветер пробегает по твоему лицу...

– Ну да...

Я строил гримасу сомнения, но я знал, что она не так уж и не права. Я не мог передать чудо настоящего момента. Оно оставалось недостижимым для меня. Я не умел его уловить, не умел им наслаждаться, поэтому не мог поделиться им с моими читателями.

– Или, к примеру, – снова заговорила Билли, открывая глаза и указывая пальцем в даль, – вид этого розоватого облака, зацепившегося за холм. – Она встала и с жаром продолжала: – В ваших романах вы напишете: «Билли съела манго на десерт», но вы никогда не станете тратить время на то, чтобы в деталях описать вкус этого манго.

Билли осторожно положила мне в рот кусочек сочного фрукта.

– Какой он?

Задетый за живое, я помимо своей воли вступил в игру и попробовал описать плод с максимально возможной точностью:

– Он очень спелый, свежий, как раз то, что нужно.

– Вы можете сказать лучше.

– У него сладкая мякоть, она тает во рту, сочная и очень душистая... – Я увидел ее улыбку и продолжил: – ...золотистая, пропитанная солнцем.

– Не стоит слишком усердствовать. Это пригодится для рекламы тональной пудры!

– Вам невозможно угодить!

Билли сложила покрывало и повернулась к машине.

– Вы поняли принцип, – бросила она мне. – Попробуйте вспомнить об этом, когда будете писать следующую книгу. Позвольте мне жить в

яркой, красочной и осязаемой вселенной, где у фруктов вкус фруктов, а не папье-маше!

* * *

Автострада Сан-Диего

– У меня уже яйца заledenели. Закрой окно, а?

Кароль и Мило ехали уже около часа. Включив информационный канал, они делали вид, что поглощены дебатами местных политиков, только бы не говорить о том, что могло их поссорить.

– Когда ты так вежливо просишь меня о чем-то, оказать тебе услугу – для меня особое удовольствие, – язвительно заметила она, поднимая стекло.

– Что, теперь у тебя проблемы с тем, как я говорю?

– Да, у меня проблемы с твоей бесплатной грубостью.

– Прошу прощения, но я не литератор. И романов я не пишу!

Кароль ошеломленно посмотрела на него.

– Минутку! Что ты этим хочешь сказать?

Сначала Мило насупился, потом прибавил громкость радио, как будто не собирался отвечать. Но потом он передумал и вскрыл нарыв самым странным образом:

– Между тобой и Томом уже что-то было?

– Что?!

– Ведь ты же всегда была втайне влюблена в него, так?

До Кароль наконец дошло:

– Так вот что ты думаешь?

– Я думаю, что все эти годы ты ждешь только одного: когда он, наконец, увидит в тебе женщину, а не удобную лучшую подругу.

– Тебе пора завязывать с травкой и крепкими спиртными напитками, Мило. Когда ты несешь подобную чушь, мне хочется...

– Чего?

Кароль покачала головой.

– Я не знаю... Пожалуй, выпотрошить тебя и поджаривать на медленном огне, чтобы потом клонировать тебя в десяти тысячах экземплярах и затем предать самой ужасной смерти каждого клона из этих десяти тысяч своими собственными руками...

– Я понял, – остановил ее Мило. – Кажется, я уловил суть.

Мексика

Несмотря на черепашую скорость нашей машины, все больше километров оставалось позади. Мы уже проехали Сан-Игнасио, и наша баночка йогурта хорошо держалась.

Впервые за долгое время я хорошо себя чувствовал. Мне нравился пейзаж, нравился запах дорожного покрытия и его аромат свободы, нравились магазины без вывески и брошенные каркасы автомобилей, создававшие впечатление путешествия по Трассе 66^[45].

И вишенка на торте: я отыскал на одной из редких заправок две аудиокассеты по 0,99 доллара за штуку. На одной была компиляция рок-исполнителей, от Элвиса до «Роллингов». Другая была пиратской записей трех концертов Моцарта в исполнении Марты Аргерих. Хорошее начало, чтобы приобщить Билли к радостям «настоящей музыки».

Но наше продвижение вперед затормозилось во второй половине дня, когда мы ехали по довольно-таки дикому участку дороги, где не было ни ограждения, ни сетки. Переваривавшее траву стадо овец не нашло ничего лучше, как остановиться посреди дороги, чтобы болтать о пустяках в свое удовольствие. Мы были поблизости от ферм и ранчо, но никому, казалось, и в голову не приходило взять на себя труд убрать животных с дороги.

Ничего не помогало: ни гудки клаксона, ни жестикуляция Билли не смогли согнать жвачных животных с самовольно занятого ими места. Вынужденная ждать, она закурила сигарету, а я принялся считать остававшиеся у нас деньги. Из моего бумажника выскользнула фотография Авроры, и Билли завладела ею без моего ведома.

– Отдайте!

– Подождите, позвольте мне посмотреть! Это вы сделали снимок?

Это была простая черно-белая фотография, от которой исходило ощущение некоторой невинности. В коротких брючках и мужской рубашке, Аврора улыбалась мне на пляже в Малибу, в ее глазах горел огонек, который я считал огнем любви.

– Скажите честно, что вы в ней нашли, в этой вашей пианистке?

– Что я нашел?

– Согласна, она красивая. Ну, если, конечно, нравится «идеальная женщина с телом манекенщицы, наделенная неотразимым очарованием». Но что в ней есть кроме этого?

– Прошу вас, прекратите: вы влюблены в мерзавца, поэтому не вам читать мне нравоучения.

– Вас заводит культурная сторона?

– Да, Аврора образованная женщина. И тем хуже, если вас это раздражает. Я вырос в дерьмовом квартале. Вокруг все время орали: крики, оскорбления, угрозы, выстрелы. Не было ни одной книги, кроме журнала с телепрограммой, и там я никогда не слышал Шопена или Бетховена. Поэтому да, мне нравилось быть рядом с парижанкой, которая говорила со мной о Шопенгауэре и Моцарте, а не о сексе, наркотиках, рэпе, татуировках и накладных ногтях!

Билли покачала головой:

– Отлично сказано, но Аврора нравилась вам еще и потому, что была красива. Не уверена, что, имея она пятьдесят лишних килограммов, она бы вас настолько потрясла, даже с Моцартом и Шопеном...

– Ладно, хватит. Поезжайте!

– Как я, по-вашему, поеду? Если вы считаете, что наша таратайка выдержит столкновение с бараном...

Она затянулась сигаретой и продолжила досаждать мне:

– Ваши беседы о Шопенгауэре, это было до или после секса?

Я ошеломленно посмотрел на нее:

– Если бы я отпускал подобные замечания в ваш адрес, я бы уже получил оплеуху...

– Бросьте, это все ради смеха. Мне нравится ваш смущенный вид и то, как вы краснеете.

Подумать только, я сам создал эту девушку...

* * *

Малибу

Тереза Родригес пришла в дом Тома, чтобы навести порядок, как делала это каждую неделю. Последнее время писатель не хотел, чтобы его беспокоили, поэтому приклеивал скотчем записку на дверь, освобождая ее от работы, но никогда не забывал о конверте с деньгами за день работы. На этот раз записки не оказалось.

Тем лучше.

Пожилая женщина терпеть не могла, когда ей платили за ничегонеделанье, к тому же она очень беспокоилась за Тома, которого знала еще ребенком в Макартур-парке.

В те времена трехкомнатная квартира Терезы располагалась на той же лестничной площадке: напротив квартиры матери Тома и рядом с квартирой семьи Кароль Альварес. После смерти мужа Тереза жила одна, поэтому мальчик и его подружка частенько приходили к ней делать домашние задания. Надо сказать, что у нее было куда тише, чем у того и другой дома. У мальчишки была легкомысленная и нервная мать, коллекционировавшая любовников и разбивавшая семьи, а у девчонки – отчим-тиран, постоянно осыпавший ругательствами своих домочадцев.

Тереза открыла дверь своими ключами и остановилась на пороге, пораженная беспорядком, царившим в доме. Но она взяла себя в руки и принялась наводить чистоту. Она все пропылесосила, вытерла пыль, запустила посудомоечную посуду, перегладила кучу белья и отмыла последствия цунами, прогулявшегося по террасе.

Тремя часами позже она вышла из дома, не забыв выбросить мешки с мусором в предусмотренные для этого пластиковые баки.

* * *

Было чуть больше 17 часов, когда служба уборки мусора приехала освободить контейнеры жителей Колонии Малибу.

Переворачивая один из объемных контейнеров, Джон Брэйдди – один из мусорщиков, работавших этим вечером, – заметил почти новый экземпляр второго тома «Трилогии ангелов». Он отложил его в сторону и стал ждать конца смены, чтобы лучше его рассмотреть.

Bay! Какое хорошее издание! Большой формат, великолепная готическая обложка и красивые акварели.

Его жена прочла первый том и с нетерпением ждала выхода второго тома в карманном формате. Эта книга доставит ей удовольствие.

Когда Джон вернулся домой, Джанет буквально набросилась на книгу. Она начала читать ее в кухне, лихорадочно переворачивая страницы, и даже забыла вовремя вынуть запеканку из духовки. Позже, в постели, она продолжала глотать главы с таким исступлением, что Джон понял: этим вечером никаких ласк не будет, и ему не остается ничего другого, как отвернуться и спать. Заснул он в плохом настроении, злясь на себя за то, что своими руками испортил себе вечер, принеся домой эту проклятую книгу, лишившую его одновременно и ужина, и супружеских ласк. Он медленно погружался в сон, находя утешение в объятиях Морфея, пославшего ему в награду приятный сон, в котором «Доджерс», его

команда-фетиш, выиграла чемпионат по бейсболу, легко разгромив «Янкиз». Короче говоря, Брэйди блаженствовал, когда его внезапно разбудил громкий оклик:

– Джон!

Он в панике открыл глаза. Лежавшая рядом с ним жена кричала во все горло:

– Ты не имеешь права так со мной поступать!

– Как поступать?

– Книга прерывается на самой середине страницы 266! – упрекнула она мужа. – А дальше только чистые страницы!

– Но я-то тут ни при чем!

– Уверена, что ты сделал это нарочно.

– Да нет же! Почему ты так говоришь?

– Хочу прочесть продолжение!

Брэйди надел очки и посмотрел на будильник:

– Но, детка, сейчас два часа ночи! Где же я найду продолжение?

– «Маркет 24» работает всю ночь... Пожалуйста, Джон, сходи и купи мне новый экземпляр. Второй том еще лучше первого.

Джон Брэйди вздохнул. Он женился на Джанет тридцатью годами раньше, чтобы быть с ней и в радости, и в горе. Этот вечер был из разряда худших, но он с этим мирился. В конце концов, с ним тоже не всегда легко.

Он поднял старое, еще спящее тело с кровати, натянул джинсы и толстый пуловер и отправился за машиной в гараж. Приехав в «Маркет 24» на Перпл-стрит, он выбросил бракованный экземпляр в общественную помойку.

Дурацкая книга!

* * *

Мексика

Мы почти добрались до цели. Если верить дорожным указателям, оставалось меньше ста пятидесяти километров до Кабо-Сан-Лукас, нашего места назначения.

– Заправляемся последний раз, – констатировала Билли, останавливаясь на заправке.

Она еще не успела выключить двигатель, как некий Пабло – если верить бейджику, приколотому к его футболке, – уже засуетился, чтобы залить бак нашей машины и протереть ветровое стекло.

Темнело. Билли сощурилась, пытаясь прочесть через стекло строчки на деревянном панно в форме кактуса, рассказывавшие о фирменных блюдах местной закусочной.

– Умираю с голоду. Вы не хотите съесть что-нибудь? Я уверена, что блюда у них супержирные, но супервкусные.

– У вас начнется несварение после такого обжорства.

– Это не страшно, вы меня вылечите. Я уверена, что вы будете очень сексуально смотреться в роли доброго доктора.

– Вы определенно больная на всю голову!

– И кто, по-вашему, в этом виноват? И потом, серьезно, Том, надо иногда отпускать вожжи. Не стоит все время беспокоиться. Позвольте жизни сделать вам добро, вместо того чтобы все время ее опасаться.

Гм... Теперь она принимает себя за Паоло Коэльо...

Билли вышла из машины, и я посмотрел, как она поднимается по деревянной лестнице, ведущей в ресторан. В обтягивающих джинсах, кожаной куртке и с серебристым чемоданчиком с косметикой она выглядела как девушка-ковбой и отлично вписывалась в окружающую обстановку. Я расплатился с Пабло за бензин и догнал Билли на ступеньках.

– Дайте мне ключи, я запру машину.

– Все в порядке, Том! Расслабьтесь. Перестаньте всюду видеть опасность. Забудьте хоть ненадолго о машине. Вы угостите меня тортильями и фаршированными перцами, а потом попытаетесь мне их описать как можно лучше!

Я проявил слабость и вошел следом за ней в это подобие салуна, где, как я полагал, мы отлично проведем время. Но мои расчеты не учитывали невезение, которое со злорадным удовольствием ополчилось против нас с самого начала этого невероятного путешествия.

– Ма... Машина... – начала Билли, когда мы устраивались на террасе, чтобы попробовать наши кукурузные блинчики.

– Что?

– Ее нет на месте, – едва не заплакала она, указывая на пустое место на парковке.

Разъяренный, я вылетел из забегаловки, не проглотив ни кусочка:

– Перестаньте видеть всюду опасность, да? Отпустите вожжи, да? Это вы мне советовали? Я был уверен, что машину у нас угонят! А мы еще заправили им полный бак!

Билли расстроено посмотрела на меня, но это длилось не больше секунды, и огорчение сменилось ее привычным сарказмом:

– Ну, если вы были так уверены, что у нас угонят машину, почему вы не вернулись и не заперли ее? В конце концов, мы оба виноваты!

И снова я едва удержался, чтобы не придушить ее. На этот раз у нас не осталось ни машины, ни багажа. Наступила ночь, похолодало.

* * *

Ранчо Санта-Фе. Офис шерифа

– *Сержант* Альварес... Она с вами?

– Что вы хотите сказать? – спросил Мило, протягивая офицеру свои права и страховку «Бугатти».

Явно чувствуя себя неловко, помощник шерифа уточнил, указывая за стеклом на силуэт Кароль, занятой заполнением документов вместе с секретаршей.

– Ваша подруга Кароль, она ваша девушка или просто подруга?

– Почему вы спрашиваете? Вы что, собираетесь пригласить ее на ужин?

– Если она свободна, то я действительно был бы рад это сделать. Она чертовски...

Помощник шерифа искал слова, стараясь никого не задеть, но осознал всю неловкость происходящего и предпочел не заканчивать фразу.

– Занимайтесь своими обязанностями, старина, – посоветовал ему Мило. – Попробуйте попытать удачу: увидите, получите ли вы от меня кулаком в нос или нет.

Получив отлуп, помощник шерифа проверил документы на машину и вручил Мило ключи от «Бугатти».

– Все в порядке, вы можете ее забрать, но впредь постарайтесь не давать машину неизвестно кому.

– Это был не неизвестно кто, а мой лучший друг.

– Что ж, тогда вам, пожалуй, следует лучше выбирать себе друзей.

Мило собрался ответить что-нибудь неприятное, когда к нему присоединилась Кароль.

– Вы уверены, шериф, что за рулем была женщина, когда вы их остановили? Никаких сомнений на этот счет?

– Доверьтесь мне, *сержант*, я умею отличить женщину от мужчины.

– А мужчина на пассажирском сиденье, это был он? – спросила она, потрясая романом с фотографией Тома на обложке.

– Честно говоря, я его особо не разглядывал, вашего друга. Я

разговаривал в основном с блондиночкой. Настоящая доука эта дамочка.

Мило решил, что напрасно теряет время, и попросил вернуть ему документы.

Шериф выполнил просьбу, осмелившись задать вопрос, который вертелся у него на языке.

– Татуировки на ваших руках – это клеймо «Мары Сальватручи», не так ли? Я читал о них в интернете. Я был уверен, что из этой банды невозможно выйти.

– Не следует верить тому, что написано в интернете, – посоветовал Мило, выходя из кабинета.

На парковке он принялся тщательно осматривать «Бугатти». Автомобиль был в хорошем состоянии. В баке бензин, багаж, оставшийся в багажнике, свидетельствовал о поспешном уходе пассажиров машины. Он открыл сумки и обнаружил там женские вещи и туалетные принадлежности. В бардачке нашлась дорожная карта и журнал «Пипл».

– Ну что? – спросила Кароль, присоединяясь к нему. – Нашел что-нибудь?

– Возможно... – ответил он, показывая карту с проложенным на ней маршрутом. – Ну что, этот барсук пригласил тебя на ужин?

– Он попросил мой номер телефона и предложил провести вместе один из вечеров. А что, это тебя смущает?

– Ни в коем случае. В конце концов, ведь это не он изобрел дырочки в сыре, да?

Кароль собиралась послать его, когда...

– Ты это видел? – воскликнула она, показывая Мило фотографии Авроры и Рафаэля Барроса на райском пляже.

Мило ткнул пальцем в нарисованный маркером на карте крест и предложил своей подруге детства:

– Ты не против короткого отпуска в отличном отеле на мексиканском побережье?

* * *

Мексика. Заправка в Эль-Сакаталь

Билли поглаживала шелковую драпировку на коротенькой ночной рубашке из кружева шантильи:

– Если ты ей это подаришь, твоя подружка сделает для тебя то, чего никогда раньше не делала. Такие вещи, о существовании которых ты даже

не подозреваешь, настолько они непристойные...

Пабло широко раскрыл глаза. Уже десять минут Билли пыталась обменять содержимое своего чемоданчика с косметикой на мотороллер юного заправщика.

– А это вообще убойная штука, – объявила она, доставая из сумочки хрустальный флакон с граненой пробкой, сверкавшей словно бриллиант.

Она открыла пузырек, напустила на себя загадочный вид, словно фокусница, готовая показать свой номер.

– Понюхай... – сказала она, поднося эликсир к носу молодого человека. – Ты ощущаешь этот обволакивающий и игристый аромат? Чувствуешь его кокетство и двусмысленность? Позволь эфирным маслам фиалки, розового перца и жасмина завоевать тебя...

– Прекратите подкупать молодого человека! – потребовал я. – Вы навлечете на нас неприятности.

Но Пабло с радостью позволял себя гипнотизировать, и, к его огромному удовольствию, молодая женщина продолжила свою тираду:

– Пусть ноты мускуса, фрезии и иланг-иланга опьянят тебя...

Я с сомнением подошел к мотороллеру. Это был старый аппарат: имитация итальянской «Веспы», которую местный конструктор выпустил в продажу в Мексике в 1970-х годах. Перекрашенный уже несколько раз, он был покрыт множеством наклеек, въевшихся в корпус. На одной из наклеек была вот эта надпись: «Кубок мира по футболу, Мехико, 1986 год»...

За моей спиной Билли продолжала вытаскивать карты из рукава:

– Поверь мне, Паблито, когда женщина носит этот парфюм, она проникает в заколдованный сад, полный чувственных ароматов, которые превращают ее в дикую и страстную тигрицу, жаждущую...

– Довольно, прекратите этот цирк! – потребовал я. – В любом случае на этом мотороллере мы вдвоем не поместимся.

– Ладно вам, я мало вешу! – парировала Билли, оставляя Пабло перед концентратом женской магии, которым пропах чемоданчик с косметикой Авроры.

– И потом, это слишком опасно. Сейчас ночь, дороги в плохом состоянии, на них полно ям и неровностей...

– *Trato hecho?*^[46] – спросил Пабло, подходя к нам.

Билли поздравила его:

– Отличная сделка. Поверь мне, твоя подружка будет тебя боготворить! – пообещала она, забирая у него ключи.

Я покачал головой:

– Абсурд! Эта штука сломается через двадцать километров. Приводной

ремень наверняка изношен до предела и...

– Том!

– Что?

– На таком мотороллере нет приводного ремня. Прекратите разыгрывать из себя мужчину, вы ничего не понимаете в механике.

– Возможно, только эту штуку не заводили уже лет двадцать, – сказал я, поворачивая ключ зажигания.

Мотор кашлянул два-три раза, а потом трудолюбиво заурчал. Билли села позади меня, обхватила меня за талию и положила голову мне на плечо.

Мотороллер, тарахтя, покатил в ночь.

20. Город ангелов

Считаются не удары, которые отвешивают, а те, которые получают и которым противостоят, чтобы идти вперед.

Рэнди Пауш^[47]

Кабо-Сан-Лукас. Отель «Ла Пуэрта дель Параисо». Апартаменты № 12

Утренний свет пробивался сквозь шторы. Билли открыла один глаз, подавила зевок и лениво потянулась. На цифровом будильнике было уже больше девяти часов. Она повернулась на матрасе. На расстоянии нескольких метров от нее на отдельной кровати свернулся клубочком Том, погруженный в глубокий сон. Измученные и разбитые, они приехали в отель ночью. Старый мотороллер Пабло испустил дух в десятке километров от конечной точки их маршрута, поэтому им пришлось добираться до гостиницы пешком, всячески обзывая друг друга во время долгих часов пути, которые отделяли их от этого курортного места.

В трусиках и топе на бретельках Билли прыгнула на паркет и неслышными шагами подошла к дивану. Помимо двух кроватей королевских размеров в апартаментах был еще камин в центре и просторная гостиная, в обстановке которой соединились традиционная мексиканская мебель и технические гаджеты: плоские экраны, различные считывающие устройства, беспроводной интернет... Молодая женщина с трепетом взяла куртку Тома и завернулась в нее как в накидку, прежде чем выйти через высокую стеклянную дверь.

Как только она оказалась снаружи, у нее перехватило дыхание. Они легли спать, когда вокруг уже было темно, все еще на нервах и слишком измученные, чтобы наслаждаться видом. Но этим утром...

Билли прошла по залитой солнцем террасе. В этом месте она возвышалась над полуостровом Калифорния, этим волшебным местом, где Тихий океан соединялся с морем Кортеса. Доводилось ли ей созерцать настолько пьянящий пейзаж? Ничего такого она не помнила. Она облокотилась о балюстраду, на губах играла улыбка, в глазах плясали искорки. На фоне гор сотня маленьких домиков гармонично сменяла друг друга вдоль белоснежного песчаного пляжа, омываемого морем цвета

сапфира. Название отеля – «Ла Пуэрта дель Параисо» – обещало дверь в рай. Приходилось согласиться, что до рая и в самом деле недалеко...

Билли заглянула в телескоп на треноге, предназначенный для начинающих астрономов, но вместо того, чтобы рассматривать небо или горы, она направила окуляр на бассейн гостиницы. Огромные переливные бассейны на трех разных уровнях спускались до самого пляжа и, казалось, сливались с океаном.

Маленькие частные островки, окруженные водой, принимали богатых и знаменитых, которые начинали свой день с загара под навесами с соломенными крышами.

Не отрываясь от телескопа, Билли пребывала в экстазе:

Этот тип в стетсоне, вон там, черт возьми, да это же настоящий Боно! А высокая блондинка с детьми удивительно похожа на Клаудию Шиффер! И вон та брюнетка, в татуировках с ног до головы и с похожим на капусту пучком, бог мой, это же...

Так она развлекалась в течение нескольких минут, пока прохладный ветерок не заставил ее уютно устроиться в кресле из ротанга. Растирая плечи, чтобы согреться, она нащупала что-то во внутреннем кармане куртки. Это оказался бумажник Тома. Старая модель, из очень плотной потертой кожи и с обломанными уголками. Из любопытства она открыла его, не мучаясь угрызениями совести. Бумажник распирало от крупных купюр, полученных за отданную в залог картину. Но деньги Билли не интересовали. Она нашла фотографию Авроры, которую видела накануне, перевернула ее и увидела женский почерк:

Любовь – это когда ты становишься для меня ножом,
которым я роюсь в себе.

Ну да, цитата, которую пианистка откуда-то списала. Эгоцентричная штука, столько мучений и столько боли, чтобы обыгрывать ее для себя в романтически-готическом стиле.

Билли убрала на место снимок и продолжила изучать содержимое бумажника. Оно оказалось весьма скромным: кредитные карточки, паспорт, две таблетки обезболивающего. И все. Но что это за выпуклость в нижней части отделения для банкнот? Билли изучила бумажник более внимательно и обнаружила что-то вроде подкладки, прошитой толстой ниткой.

Она удивилась, вытащила заклепку из волос и с помощью маленького острья попыталась частично распороть шов. Потом она потрясла карманчик, и ей на ладонь выпал маленький металлический блестящий

предмет.

Это была гильза от огнестрельного оружия.

Сердце Билли застучало чаще. Понимая, что она лезет в чужой секрет, она поспешила убрать гильзу в потайной кармашек. И тут она почувствовала, что там есть что-то еще. Это оказался старый, сделанный поляроидом снимок, пожелтевший и слегка размытый. На нем была молодая пара, обнимающаяся на фоне забора из сетки и череды бетонных башен. Девушка была еще совсем молоденькой, лет семнадцать-восемнадцать. Красивая, типичная латиноамериканка, высокая и тонкая, с потрясающими светлыми глазами, которые ярко выделялись, несмотря на плохое качество снимка. Если судить по их позе, то это именно девушка сделала снимок, держа фотоаппарат на вытянутой руке.

– Эй, не стесняйтесь!

Билли выпустила фотографию и подскочила. Она обернулась и...

* * *

Отель «Ла Пуэрта дель Параисо». Апартаменты № 24

– Эй, не стесняйся! – крикнул голос.

Не отрываясь от телескопа, Мило рассматривал выигрышную внешность двух полуголых наяд, загорающих у бортика бассейна, когда на террасе появилась Кароль. Он подскочил и обернулся, чтобы увидеть свою подругу, строго смотревшую на него.

– Напоминаю тебе, что это предназначено для наблюдений за Кассиопеей и Орионом, а не для того, чтобы услаждать свой взор!

– Может быть, их тоже зовут Кассиопея и Орион, – ответил Мило, подбородком указывая на двух девушек с обложки.

– Если тебе это кажется смешным...

– Послушай, Кароль, ты мне не жена и тем более не мать! И потом, как ты вошла в мой номер?

– Я коп, старина! Если ты думаешь, что обычная дверь гостиничного номера станет для меня проблемой... – сказала она, бросая полотняную сумку на одно из кресел из ротанга.

– А я называю это вмешательством в частную жизнь!

– Что ж, обратиться в полицию.

– Ты тоже пытаешься шутить? – Мило оскорбленно пожал плечами и сменил тему:

– Я проверил в администрации. Том действительно остановился в этом

отеле вместе со своей «подругой».

– Я знаю, я провела расследование: апартаменты номер двенадцать, две отдельные кровати.

– Отдельные кровати, это тебя успокаивает?

Кароль вздохнула:

– Когда ты начинаешь об этом говорить, ты еще тупее, чем щетка без ворса...

– А что Аврора? Ты тоже провела расследование?

– Обязательно! – сказала Кароль, подходя к телескопу, чтобы направить окуляр на берег.

Она долго рассматривала просторный пляж с мелким песком, который лизали прозрачные волны.

– И если мои сведения верны, Аврора в данный момент должна находиться... как раз здесь.

Кароль зафиксировала положение телескопа, чтобы Мило мог посмотреть.

Недалеко от берега прекрасная Аврора в сексуальном комбинезоне и в самом деле каталась на водных лыжах в компании Рафаэля Барроса.

– А этот тип очень даже неплох, да? – спросила она, снова занимая свой наблюдательный пост.

– Вот как? Ты... ты так считаешь?

– Ну, надо быть уж очень придирчивой! Ты видел его квадратные плечи и торс атлета? У этого парня физиономия актера и фигура греческого бога!

– Ладно, хватит, убедила! – проворчал Мило, отталкивая Кароль, чтобы завладеть телескопом. – Я думал, что эта штука нужна для подсматривания за Орионом и Кассиопеей...

Кароль позволила себе улыбнуться, пока Мило искал для себя новую жертву для наблюдений.

– Брюнетка в татуировках с фальшивой грудью и волосами в стиле рок-н-ролл – это же...

– Да, это она! – оборвала его Кароль. – Скажи мне, когда ты закончишь развлекаться, как мы оплатим наш счет за гостиницу?

– Не имею ни малейшего понятия, – грустно признался Мило.

Он поднял глаза от своей «игрушки», снял спортивную сумку со стула и уселся лицом к Кароль.

– Эта штука весит целую тонну. Что там такое?

– Я привезла это для Тома.

Мило нахмурился, давая понять, что ждет от нее объяснений.

– Вчера утром, перед тем, как заехать к тебе, я вернулась к нему домой. Я собиралась обыскать дом, чтобы найти хоть какие-то намеки. Я поднялась в его спальню. Представляешь, картина Шагала исчезла!

– Вот дерьмо...

– Ты знал, что за картиной находится потайной сейф?

– Нет.

На долю секунды в сердце Мило возродилась надежда. Вдруг Том хранил там сбережения, которые смогли бы им помочь расплатиться хотя бы с частью долгов?

– Я была заинтригована и не смогла отказаться от попытки попробовать кое-какие комбинации цифр...

– И тебе удалось открыть сейф, – догадался Мило.

– Да, введя код 07071994.

– И как ты догадалась? Божественное вдохновение? – сыронизировал он.

Кароль не поддержала его сарказм.

– Это дата его двадцатого дня рождения – седьмое июля тысяча девятьсот девяностого года.

При напоминании об этом лицо Мило потемнело, и он пробурчал вполголоса:

– В то время я не был с вами, так?

– Нет... Ты был в тюрьме.

Воцарилось молчание, пролетевший ангел выпустил несколько стрел грусти в сердце Мило. Призраки и демоны всегда были рядом, готовые появиться в любую минуту, как только он потеряет бдительность. В его голове замелькали контрастные картинки: этот роскошный отель и тюрьма. Рай для богатых и ад для бедных...

Пятнадцатью годами ранее он провел девять месяцев в мужской тюрьме в Чино. Это был долгий путь в потемках. Мучительное очищение, отметившее окончание ужасных лет. С тех пор, несмотря на все его усилия создать себя заново, жизнь была для него скользкой и непостоянной дорогой, готовой провалиться под любым его шагом, а его прошлое оставалось гранатой со снятой чекой, готовой взорваться в любой момент.

Мило несколько раз моргнул, чтобы не скатиться в опустошительные воспоминания.

– Так что все-таки было в этом сейфе? – спросил он бесцветным голосом.

– Подарок, который я вручила ему на двадцатилетие.

– Можно посмотреть?

Кароль кивнула.

Мило поднял сумку и поставил ее на стол, прежде чем открыть «МОЛНИЮ».

* * *

Апартаменты № 12

– Почему вы роетесь в моих вещах? – закричал я, вырывая бумажник из рук Билли.

– Не волнуйтесь так.

Я с трудом выплывал из полукомастного состояния. Во рту пересохло, все тело ломило, щиколотка страшно болела. Общее состояние было таким, будто я провел ночь в стиральной машине.

– Терпеть не могу проныр! Вы и в самом деле собрали все пороки мира!

– Да будет вам, кто в этом виноват, а?

– Личная жизнь это важно! Я знаю, что вы ни разу в жизни не открывали книгу, но когда вы это сделаете, загляните в Солженицына. Он написал очень верные слова: «Наша свобода зиждется на том, чего другие не знают о нашей жизни».

– Вот именно, я только хотела восстановить равновесие, – заявила она в свое оправдание.

– Какое равновесие?

– Вам известно все о моей жизни... Это же нормально, если мне любопытна ваша жизнь, нет?

– Нет, это не нормально! Впрочем, не нормально все. Вам вообще не стоило покидать ваш вымышленный мир, а мне не следовало отправляться вместе с вами в это путешествие.

– Решительно, этим утром вы любезны, как тиски.

Я сплю... Это она меня упрекает!

– Послушайте: вы, возможно, умеете перевернуть любую ситуацию в вашу пользу, но со мной это не проходит.

– Кто эта девушка? – спросила Билли, указывая на сделанный поляроидом снимок.

– Сестра папы римского, такой ответ вас устраивает?

– Нет, как реплика это слабовато. Даже в ваших книгах вы на такое не осмелились бы.

Вот нахалка!

– Это Кароль, подруга детства.

– А почему вы храните ее фотографию в бумажнике как реликвию?

Я ответил ей мрачным и презрительным взглядом.

– Вот дерьмо! – взорвалась Билли, покидая террасу. – Вообще-то мне наплевать на вашу Кароль!

Я посмотрел на пожелтевший снимок с белой рамкой, который я держал в руке. Много лет назад я зашил его в мой бумажник и больше никогда его не доставал.

Воспоминания медленно поднялись на поверхность. Разум мой затуманился и перенес меня на шестнадцать лет назад. Кароль держала меня под руку и требовала:

– Стоп! Больше не двигайся, Том! Скажи «сыыыр»!

Щелчок, жужжание. Казалось, я снова слышу характерный звук мгновенной фотографии, выползающей из зева фотоаппарата.

Я опять увидел, как подхватываю снимок на лету под протесты Кароль:

– Эй! Осторожно! Ты оставишь на ней пальцы, дай ей высохнуть!

И вот я вновь бегу, потряхивая снимком, чтобы он побыстрее высох.

– Не поймаешь! Не поймаешь!

Потом еще три минуты ожидания, чуточку волшебного, когда Кароль оперлась на мое плечо, ожидая постепенного проявления фотографии на пленке, и ее сумасшедший смех, когда она увидела конечный результат!

* * *

Билли поставила поднос с завтраком на стол из тика.

– ОК, мне не следовало рыться в ваших вещах, – признала она. – Я согласна с этим вашим Солтже-как-его-там: у каждого есть право на секреты.

Я уже успокоился, а она смягчилась. Билли налила мне кофе, я намазал для нее маслом тартинку.

– Что произошло в тот день? – все-таки спросила она через минуту.

Но в ее голосе больше не было неприятного напора или нездорового любопытства. Возможно, молодая женщина просто почувствовала, что, несмотря на внешнее нежелание, я несомненно нуждался в том, чтобы рассказать ей этот эпизод моей жизни.

– Это был день моего рождения, – начал я. – Мне исполнилось двадцать лет...

Лос-Анджелес. Квартал Макатур-парк. 7 июля 1994 года

Лето, невыносимая жара. Она плавит все, город кипит словно котел. На баскетбольной площадке солнце растопило гудрон, но это не мешает десятку парней с голыми торсами воображать себя Мэджиком Джонсоном, бросая мяч в корзину.

– Эй, мистер Фрик! Ты покажешь нам, на что способен?

Я им не отвечаю. Впрочем, я их и не слышу: поставил на максимум громкость моего плеера. Этого достаточно, чтобы ударные и басы заглушили ругательства. Я иду вдоль сетки до начала паркингов, где одинокое и все еще немного зеленое дерево дарит маленький кусочек тени. Это не сравнится с библиотекой, где есть кондиционер, но все же лучше чем ничего, чтобы почитать. Сажусь на сухую траву, опершись спиной о ствол.

Под защитой музыки я в своем коконе. Я смотрю на часы. 13:00. У меня есть еще полчаса до автобуса, на котором я езжу в Венис-бич, где продаю мороженое на променаде. Так что я смогу прочесть несколько страниц из того эклектичного набора книг, который мне предложила мисс Миллер, молодая преподавательница литературы на факультете, блестящая и ниспровергающая основы. Ко мне она относится скорее хорошо. В моей сумке сосуществуют «Король Лир» Шекспира, «Чума» Альбера Камю, «У подножия вулкана» Малькольма Лаури^[48] и тысяча восьмьсот страниц «Лос-Анджелесского квартета» Джеймса Элроя.

На моем плеере мрачные слова последнего альбома «РЕМ». И много рэпа. Это великие годы Западного побережья: поток доктора Дре, гангстерский фанк Снупа Догги Догга и ярость Тупака. Я ненавижу эту музыку с той же силой, с какой люблю. Это правда, что в большинстве случаев слова примитивные: восхваление марихуаны, оскорбления в адрес полиции, секс, сила оружия и тачки. Но рэп хотя бы говорит о нашей повседневности и о том, что нас окружает: об улице, гетто, отчаянии, войне банд, жестокости копов и девушках, которые оказываются беременными в пятнадцать лет и рожают в школьном туалете. И в песнях, как и в городе, наркотики всюду и объясняют все: власть, деньги, насилие и смерть. И потом рэперы дают нам ощущение, что они живут. Как мы: болтаются по подвалам зданий, участвуют в перестрелках с полицией, заканчивают дни в тюрьме или в больнице, если просто не умирают на улице.

Кароль я вижу издалека. На ней платье из светлой прозрачной ткани,

которое придает ей легкость. Впрочем, оно не совсем в ее стиле. Большую часть времени Кароль, как и многие девушки квартала, маскирует свою женственность объемной одеждой: свитерами с капюшоном, футболками размера XXL или баскетбольными шортами, которые можно трижды обернуть вокруг талии. Нагруженная большой спортивной сумкой, она проходит мимо шутников, нечувствительная к их насмешкам или неуместным замечаниям, и присоединяется ко мне на моем «островке зелени».

– Привет, Том.

– Привет, – отвечаю я, снимая наушники.

– Что слушаешь?

Мы знакомы десять лет. Если не считать Мило, то это мой единственный друг. Единственный человек (кроме мисс Миллер), с которым я веду настоящие разговоры. То, что нас связывает, уникально. Это сильнее, чем если бы Кароль была мне сестрой. Сильнее, чем если бы она была моей девушкой. Это «другое», чему я никак не могу подобрать название.

Знакомы мы давно, вот только последние четыре года что-то изменилось. Однажды я выяснил, что ад и ужас живут в соседней квартире, меньше чем в десяти метрах от моей комнаты. Что девочка, с которой я сталкивался по утрам на лестничной площадке, уже была мертва внутри. Что иногда по вечерам с ней обращались как с вещью, и она терпела страшные мучения. Что кто-то высосал ее кровь, ее жизнь, ее сок.

Я не знал, как ей помочь. Я был одинок. Мне было шестнадцать лет, денег у меня не было, банды тоже, как не было и оружия и мускулов. Был только мозг и сила воли, но этого недостаточно, чтобы противостоять гнусности.

Тогда я сделал то, что мог, уважая ее просьбу. Я никого не поставил в известность, но придумал для Кароль историю. Это была история без конца, история о жизни Далилы – девушки-подростка, похожей на нее как две капли воды – и Рафаэля, ангела-хранителя, присматривавшего за ней с самого детства.

В течение двух лет я видел Кароль практически ежедневно, и каждый новый день был обещанием нового поворота в моей истории. Она говорила, что этот вымысел служил ей щитом, когда она сталкивалась с испытаниями жизни. А мои персонажи и их приключения переносили ее в выдуманный мир, приносящий успокоение в ее реальность.

Виня себя за то, что я не мог по-другому помочь Кароль, я проводил все больше времени, придумывая приключения для Далилы. Этому я

посвящал почти все свое свободное время, создавая вселенную с кинематографическими декорациями в загадочном и романтическом Лос-Анджелесе. Я запасался документами, искал книги о мифах, поглощал старинные трактаты о магии. За сочинением истории я проводил ночи, день за днем заставляя жить многочисленных персонажей, которые тоже сталкивались с мраком и страданиями.

Шли месяцы, моя история становилась все объемнее, перерастая из волшебной сказки в рассказ-посвящение, чтобы превратиться в настоящую одиссею. Я вложил всю свою душу в этот вымысел, все, что было во мне лучшего, не подозревая, что через пятнадцать лет она сделает меня знаменитым, и ее прочтут миллионы людей.

Вот почему теперь я практически не даю интервью, вот почему я стараюсь избегать журналистов. Генезис «Трилогии ангелов» – это секрет, которым я смогу поделиться только с одним человеком в мире.

– Так что ты слушаешь?

Сейчас Кароль семнадцать лет. Она улыбается, она красива, снова полна жизни, силы и планов. И я знаю: она думает, что это благодаря мне.

– Шинед О’Коннор перепела Принца, ты не знаешь.

– Шутишь? Все знают «Ничто не сравнится с тобой»!

Она стоит передо мной, ее воздушный силуэт выделяется на фоне июльского неба.

– Пойдем посмотрим «Форрест Гамп» в «Синераме», хочешь? Фильм вышел вчера. Кажется, он ничего себе...

– Ну... – протянул я без энтузиазма.

– Можем взять напрокат «День сурка» в видеоклубе или посмотреть «Секретные материалы» на видеокассетах.

– Я не могу, Кароль. Сегодня после обеда я работаю.

– Тогда...

Она с загадочным видом роется в своей спортивной сумке, достает баночку колы и принимается трясти ее, будто это шампанское.

– ...необходимо отпраздновать твой день рождения прямо сейчас.

Прежде чем я успеваю запротестовать, она открывает колу и обильно поливает мое лицо и торс.

– Прекрати! Ты что, с ума спятила?

– Не переживай, это кока-кола «лайт», пятен не останется.

– Как же!

Я вытираюсь, делая вид, что сержусь. На ее улыбку и хорошее настроение одно удовольствие смотреть.

– Так как двадцать лет исполняется не каждый день, я хотела подарить

тебе что-нибудь особенное, – с некоторой торжественностью объявляет Кароль.

Она снова наклоняется к сумке и протягивает мне огромный пакет. Я сразу вижу, что подарочная упаковка очень красивая, а сам подарок из «настоящего» магазина. Беря его в руки, я понимаю, что он тяжелый, поэтому я смущен. Как и у меня самого, у Кароль нет ни гроша. Она подрабатывает, где может, но то, что ей удастся отложить, уходит на оплату ее учебы.

– Открывай же, дурачок! Не стой как столб с подарком в руках!

В картонной коробке находится недостижимый для меня предмет. Что-то вроде Грааля для такого писаки, как я. Это лучше, чем ручка Чарльза Диккенса или пишущая машинка Хемингуэя: PowerBook 540с, лучший из портативных компьютеров. Последние два месяца, каждый раз проходя мимо витрины магазина «Компьютерный клуб», я не мог не остановиться и не полюбоваться им. Я знаю его характеристики наизусть: процессор с частотой 33 МГц, жесткий диск в 500 Мб, цветной LCD-экран с активной матрицей, встроенный модем, аккумулятор на три часа тридцать минут работы, первый компьютер со встроенной сенсорной площадкой. Несравненный инструмент для работы, весящий чуть больше трех кило за... 5000 долларов.

– Ты не можешь дарить мне такое, – говорю я.

– Придется поверить, что могу.

Я взволнован, она тоже. У Кароль блестят глаза, да и мои на мокром месте.

– Это не подарок, Том, это поручение.

– Я не понимаю.

– Хочу, чтобы однажды ты написал историю Далилы и «Компании ангелов». Я хочу, чтобы эта история сделала доброе дело не только для меня.

– Но я могу написать ее ручкой на бумаге!

– Возможно, но, принимая этот подарок, ты берешь на себя обязательство. Обязательство передо мной.

Я не нахожу ответа.

– Где ты нашла деньги, Кароль?

– Не бери в голову, я разобралась.

Следующие несколько секунд мы оба молчим. Мне так хочется крепко обнять ее, может быть, даже поцеловать, возможно, даже сказать ей, что я ее люблю. Но ни она, ни я к этому не готовы. И я просто обещаю Кароль, что когда-нибудь напишу для нее эту историю.

Чтобы прогнать эмоции, она вылавливает в своей огромной сумке еще один предмет: старый фотоаппарат «Поляроид», который принадлежит Черной Маме. Кароль обнимает меня за талию, поднимает аппарат на расстояние вытянутой руки и, приняв позу, требует:

– Стоп! Больше не двигайся, Том! Скажи «сыыыр»!

* * *

Отель «Ла Пуэрта дель Параисо». Апартаменты № 12

– Вау... Странная девушка эта Кароль... – пробормотала Билли, когда я закончил рассказ.

В ее глазах было так много нежности и человечности, как будто она видела меня впервые.

– И чем она сегодня занимается?

– Кароль коп, – сказал я, отпивая глоток совершенно остывшего кофе.

– А этот компьютер?

– Он у меня дома, в сейфе. На нем я написал первые варианты «Трилогии ангелов». Вы видите, я сдержал обещание.

Но Билли отказала мне в этом удовлетворении:

– Вы его сдержите, когда напишете третий том. Некоторые вещи легко начать, но они приобретают свой истинный смысл, только когда закончены.

Я собирался попросить ее прекратить умничать, когда в дверь постучали.

Я открыл, уверенный в том, что это обслуживание в номерах или горничная, но вместо этого...

Мы все переживали подобные ситуации, эти моменты благодати, как будто придуманные небесным архитектором, способным сплести между людьми и вещами невидимые узы, чтобы мы получили то, в чем нуждаемся, именно в тот момент, когда нам это нужно.

– Здравствуй, – сказала Кароль.

– Привет, старик, – бросил мне Мило. – Приятно снова видеть тебя.

21. Любовь, текила и марьячи

Она была красива, как жена другого.

Поль Моран^[49]

Бутик в гостинице. Два часа позже

– Идем! Перестаньте вести себя как ребенок! – приказала Билли, таща меня за рукав.

– Почему вы хотите, чтобы я туда вошел?

– Потому что вам нужна новая одежда!

Я отказался, и она толкнула меня в спину. Поворотная дверь втянула меня и вытолкнула в роскошный холл магазина при гостинице.

– Вы спятили! – воскликнул я, поднимаясь с пола. – А моя щиколотка! Иногда кажется, что у вас в голове йогурт!

Билли сложила руки на груди с видом строгой учительницы:

– Послушайте, вы ужасно одеты, ваша кожа не видела солнечного света уже полгода, а длина ваших волос позволяет предположить, что ваш парикмахер скончался в прошлом году.

– Ну и что?

– А то, что вы должны изменить стиль, если вы еще хотите понравиться женщине! Идите за мной!

Я с неохотой поплелся за ней, совершенно не расположенный к сеансу шопинга. Огромный зал под стеклянным куполом, в котором не было ничего мексиканского, больше напоминал декор в стиле модерн шикарных бутиков Лондона, Нью-Йорка или Парижа. С потолка свисали хрустальные люстры, чередуясь с гигантскими, слегка облагороженными фотографиями Брэда Питта, Робби Уильямса и Криштиану Роналду. Место дышало нарциссизмом и тщеславием.

– Так, начнем с ухода за лицом, – решила Билли.

«Уход за лицом...» – вздохнул я, качая головой.

Одетые с иголки, продавщицы в отделе косметики производили впечатление клонов. Они предложили нам свои услуги, но Билли – она, казалось, была в своей стихии среди духов, кремов и лосьонов – отклонила их предложение.

– Неухоженная борода и образ кроманьонца вам совершенно не идут, – заявила она.

Я воздержался от комментариев. Я действительно запустил себя последние несколько месяцев.

Билли взяла корзинку и бросила в нее три тюбика, которые она выбрала.

– Мыть, отшелушивать, очищать, – объявила она и перешла в другой отдел, продолжая отпускать замечания: – Мне очень нравятся ваши друзья. Забавный тип этот ваш приятель, да? Он был так рад вас видеть... Трогательно.

Последние два часа мы провели с Кароль и Мило. От нашего воссоединения у меня стало тепло на сердце, и мне казалось, что я постепенно выбираюсь из ямы.

– Вы полагаете, они поверили в нашу историю?

– Не знаю, – призналась Билли. – Трудно поверить в невероятное, правда?

* * *

Бассейн отеля.

Бар «У Джимми»

Бар под соломенным навесом возвышался над бассейном, и из него открывался потрясающий вид на океан, невероятное поле для гольфа, восемнадцать лунок которого располагались вдоль берега.

– И что ты думаешь об этой Билли? – спросила Кароль.

– При виде ее ног отскакивают пуговицы на ширинке, – сказал Мило, отпивая через соломинку немного коктейля, который ему подали в кокосовом орехе.

Она потрясенно посмотрела на него.

– Все-таки тебе придется когда-нибудь объяснить мне, почему ты все сводишь к сексу...

Он пожал плечами словно ребенок, которого только что отругали. Перед ними бармен яростно тряс шейкер, театрально смешивая «Идеальный вечерний» коктейль, который заказала Кароль.

Мило попытался продолжить разговор:

– А каково твое мнение? Ты же не будешь меня убеждать в том, что поверила в эту историю персонажа, выпавшего из романа?

– Я знаю, что это кажется безумием, но сама идея мне очень нравится, – задумчиво ответила Кароль.

– Согласен, физическое сходство потрясающее, но я не верю ни в

сказки, ни в волшебство.

Кивком головы Кароль поблагодарила официанта, поставившего на поднос ее стакан. Они отошли от стойки, спустились к бассейну и уселись в шезлонги.

– Хочешь ты этого или нет, благодаря галерее раненых персонажей в «Трилогии ангелов» есть что-то магическое, – снова заговорила она, глядя на океан.

В порыве откровенности Кароль поделилась с Мило своей глубокой убежденностью:

– Эта книга отличается от других. Она помогает читателям осознать себя, открывая им не только слабые места, но и ресурсы, о существовании которых они даже не подозревали. Когда-то эта история спасла мне жизнь и навсегда изменила траектории жизни для нас троих, позволив нам всем покинуть наш квартал.

– Кароль?

– Что?

– Эта девушка, которая выдает себя за Билли, интриганка, только и всего. Девушка пользуется слабостью Тома, чтобы попробовать его ощипать.

– Как она сможет его «ощипать»? – воскликнула Кароль. – По твоей вине у него не осталось ни гроша!

– Ну, почему ты такая злая?! Или ты думаешь, что мне легко жить с такой ответственностью? Я никогда не прощу себя за то, что все потерял. Думаю об этом днем и ночью. Несколько недель я ищу способ реабилитироваться.

Кароль встала с шезлонга и сурово посмотрела на Мило:

– Для парня, раздавленного чувством вины, ты мне кажешься слишком спокойным с этими твоими пальцами веером на ногах, соломенной шляпой и коктейлем в кокосовом орехе.

Она повернулась к нему спиной и направилась к пляжу.

– Ты несправедлива!

Мило вскочил и побежал следом за ней, пытаясь остановить:

– Подожди меня!

На бегу он поскользнулся на мокрой дорожке и упал.

Вот дерьмо...

* * *

Бутик в гостинице

– Вот что вам нужно: увлажняющее мыло с козьим молоком. А еще гель для пилинга.

Билли продолжала делать покупки, осыпая меня своими рекомендациями и эстетическими соображениями:

– Я вам настоятельно рекомендую крем от морщин. Вы приближаетесь к критическому для мужчины возрасту. До этого времени толщина эпидермиса защищала вас от действия времени, но теперь все кончено: у вас начнут прорезываться морщины. И, пожалуйста, не будьте наивным и не верьте женщинам, которые станут уверять вас, будто они придают вам дополнительное очарование!

Билли разошлась не на шутку, поэтому мне даже не требовалось ей отвечать. Она одна разыгрывала целый спектакль:

– И потом, у вас мешки и круги под глазами. Такое впечатление, будто вы три дня веселились. Вы знаете, что нужно спать хотя бы восемь часов в сутки, чтобы облегчить дренаж?

– Я бы сказал, что последние два дня вы едва ли оставляли мне для этого время...

– Так это я виновата?! Ага, вот сыворотка с коллагеном. И еще тубик с автозагаром, чтобы соответствовать местному колориту. На вашем месте я бы заглянула в СПА-салон. У них есть высокотехнологичное оборудование, чтобы стереть некрасивые валики. Не хотите? Уверены? Ну, тогда маникюр, у вас ногти ломового извозчика.

– Вы знаете, что они говорят вам, мои ногти?

Неожиданно, переходя в отдел парфюмерии, я почти нос к носу столкнулся с фотографией Рафаэля Барроса в полный рост. Улыбка «Аквафреш», обнаженный торс, широкие плечи, горящий взгляд и борода а-ля Джеймс Блант, этот Аполлон оказался лицом известной марки класса «люкс», которая выбрала его как олицетворение духа нового парфюма «Неукротимый».

Билли позволила мне оправиться от шока, потом попыталась утешить.

– Я уверена, что они прибегли к фотошопу, – негромко сказала она.

Но мне не требовалась ее жалость.

– Заткнитесь, прошу вас.

Билли явно не хотела, чтобы я снова погрузился в мрачное молчание, поэтому она увлекла меня в свои сети, заставляя участвовать в ее поиске сокровищ.

– Смотрите! – воскликнула она, останавливаясь перед образцами продукции. – Вот наше абсолютное оружие в борьбе за сияние вашей кожи: маска с мякотью авокадо.

– Даже речи не может быть о том, чтобы я намазал на себя эту штуку для мытья посуды.

– Ничего не подделаешь, у вас тусклый цвет лица!

Я уже начал злиться, когда Билли пригасила страсти:

– Что касается ваших волос, то тут я умываю руки, потому что для укрощения вашей спутанной шевелюры нужен специалист. Мы можем купить шампунь с кератином, но я запишу вас к Джорджио, парикмахеру гостиницы.

Повинуясь порыву, Билли уже разгуливала по отделу мужской одежды.

– Так, переходим к серьезным вещам.

Словно шеф-повар, выбирающий ингредиенты для изысканного блюда, она прошлась по вешалкам:

– Посмотрим... Примерьте это, это и... гм... это.

Я на лету поймал сорочку цвета фуксии, сиреневый пиджак и атласные брюки.

– Э... А вы уверены, что это для мужчины?

– Прошу вас, не устраивайте тут кризис мужественности! Сегодня «настоящие мужчины» одеваются изысканно. Вот эта сорочка стрейч в талию, к примеру, точно такую же я купила Джеку, и...

Билли замолчала, не закончив фразу, сообразив, что совершила бестактность.

И я действительно швырнул одежду ей в лицо и немедленно вышел из магазина.

«Ох уж эти женщины...» – вздохнул я, выходя через поворотную дверь.

* * *

«Ох уж эти женщины...» – вздохнул Мило.

С пропитанным кровью ватным тампоном в ноздре он шел, запрокинув голову, из медпункта, где гостиничный врач только что оказал ему помощь после падения. Из-за Кароль он выставил себя на посмешище у бассейна, закончив свой полет на «Орионе и Кассиопее», впечатавшись в ягодицы одной и опрокинув свой коктейль в кокосовом орехе на грудь другой, как настоящий осел.

Я, как всегда, отличился...

Выйдя в торговую галерею, Мило удвоил осторожность: полскользкий, народу много.

«Не хватало только еще раз грохнуться», – как раз подумал Мило, когда из поворотной двери словно ракета вылетел мужчина и сшиб его с ног.

* * *

- Смотрите, куда идете! – простонал он, уткнувшись носом в пол.
- Мило! – воскликнул я, помогая ему подняться.
- Том!
- У тебя кровь?
- Это пустяки, я тебе потом расскажу.
- Где Кароль?
- Она капризничает.
- Может, выпьем пива и съедим чего-нибудь?
- Я только «за»!

«Окно на океан», беззаботный ресторан отеля, расположился на трех уровнях. Он предлагал шведский стол с кулинарными изысками двенадцати разных стран. Глинобитные стены украшали работы местных художников: натюрморты или портреты, написанные яркими красками, напоминавшие полотна Марии Искьердо^[50] и Руфино Тамайо^[51]. Посетители могли выбирать между залом с кондиционерами и столиками на улице. Мы уселись за столик на свежем воздухе, откуда открывался волшебный вид на купающийся в солнечных лучах бассейн и море Кортеса.

Мило болтал без умолку:

– Я так счастлив видеть тебя таким, старик. Тебе лучше, правда? В любом случае, выглядишь ты веселее, чем последние полгода. Скажи, это все благодаря этой девушке?

– Это правда, она вытащила меня из ямы, – признал я.

Вокруг столиков разворачивался балет официантов с подносами, уставленными бокалами шампанского «Кристалл», роллами «калифорния» с фуа-гра и хрустящими лангустами.

– Ты не должен был так убегать, – упрекнул меня Мило, беря два бокала и тарелку с закусками к аперитиву.

– Но этот прыжок меня спас! И потом, я решил, что вы собираетесь запереть меня в психиатрической клинике!

– Это лечение сном было ошибкой, – признал Мило с некоторым стыдом. – Я был в полном отчаянии, потому что не знал, чем помочь. И я запаниковал и глупо доверился этой Софии Шнабель.

– Ладно, это все в прошлом, ОК?

Мы чокнулись за наше будущее, но я видел, что его что-то мучает.

– Скажи мне, – наконец решился Мило, – ты ведь не думаешь *на самом деле*, что эта женщина – *настоящая* Билли, не так ли?

– Хотя это кажется совершенно невероятным, но боюсь, что я именно так и думаю.

– Значит, идея отправить тебя в психушку была не так уж плоха, – с гримасой прокомментировал он, поглощая лангуста.

Я собирался послать его подальше, когда мой телефон завибрировал с металлическим рычанием, предупреждая о том, что пришло СМС-сообщение.

«Здравствуй, Том!»

Прочитав имя отправительницы, я вздрогнул. Просто не мог не ответить.

«Привет, Аврора!»

«Что ты здесь делаешь?»

«Не волнуйся. Я здесь не ради тебя».

Мило встал и, верный себе, беззастенчиво читал мою переписку с моей бывшей подругой.

«Тогда зачем ты здесь?»

«Взял несколько дней отпуска. Видишь ли, у меня был трудный год».

«Надеюсь, ты не пытаешься заставить меня ревновать? Я видела тебя в магазине с белобрысой девицей».

– Ну и нахалка же она! – взорвался Мило. – Ответь ей, чтобы она шла на все четыре...

Но прежде чем я успел набрать текст, Аврора отправила мне новое сообщение:

«И скажи твоему приятелю, чтобы он перестал меня

оскорблять...»

– Шлюха! – завопил Мило.

«...и читать мои СМС через твое плечо».

Мило воспринял это послание как оплеуху и, оскорбленный, принялся оглядывать столики вокруг.

– Аврора внизу! – сказал он, указывая на столик в небольшом алькове около буфета на свежем воздухе.

Я посмотрел поверх балюстрады: в балетках и шелковом парео Аврора, уткнувшись в свой «Блэкберри», завтракала с Рафаэлем Барросом.

Чтобы не играть в ее игры, я отключил телефон и попросил Мило успокоиться.

Для этого ему пришлось выпить два бокала шампанского.

* * *

– Теперь, когда тебе лучше, что ты думаешь о своем будущем? – поинтересовался Мило.

– Думаю, я снова начну преподавать, – сказал я. – Но не в Соединенных Штатах. С Лос-Анджелесом у меня связано слишком много воспоминаний.

– И куда ты планируешь уехать?

– Возможно, во Францию. В одном международном лицее на Лазурном Берегу заинтересовались моим резюме. Я попытаю удачу.

– Итак, ты нас покидаешь... – разочарованно констатировал мой друг.

– Нужно становиться взрослыми, Мило.

– А сочинительство?

– С этим покончено.

Он открыл было рот, чтобы протестовать, но прежде чем он произнес хотя бы слово, за моей спиной выросло торнадо и возмутилось:

– Как это покончено? А как же я?! – закричала Билли.

Все с неодобрением повернулись в нашу сторону. Я чувствовал, что с побитым лицом Мило и вспышками Билли мы были не на своем месте среди этого ареопага звезд и миллиардеров. Наше место было в павильоне в пригороде, где жарят сосиски на барбекю, пьют пиво и играют в баскетбол.

– Вы обещали мне помочь! – упрекнула меня Билли, стоя возле нашего столика.

Мило внес свою лепту:

– Это правда, раз ты обещал...

– А ты вообще молчи! – прервал я его, угрожая направить на него указательный палец.

Я схватил молодую женщину за локоть и отвел в сторону.

– Давайте перестанем лгать друг другу, – сказал я. – Я НЕ МОГУ писать. Я больше НЕ ХОЧУ писать. Вот так обстоит дело. Я не прошу вас понять это, просто примите как данность.

– Но я хочу вернуться домой!

– Что ж, считайте, что отныне ваш дом здесь. В этой проклятой «настоящей жизни», которую вы как будто так цените.

– Но я хочу увидеть моих друзей.

– Мне казалось, у вас нет друзей! – парировал я.

– Позвольте мне хотя бы снова увидеть Джека!

– Что касается парней для секса, то для вас таких здесь навалом.

– А вот у вас с этим большие проблемы! А моя мать?! Матерей у меня тоже будет навалом?

– Послушайте, я не виноват в том, что с вами происходит.

– Возможно, вот только у нас с вами контракт! – заявила Билли, вынимая из кармана мятый кусок бумажной скатерти, который скреплял наш договор. – У вас куча недостатков, но я думала, что вы хотя бы человек слова.

Все еще держа молодую женщину за руку, я заставил ее спуститься вместе со мной по каменной лестнице, которая вела к буфету возле бассейна.

– Прекратите говорить о контракте! Вы не можете выполнить вашу часть договора! – сказал я, указывая подбородком на столик Авроры и ее спутника, которые смотрели на нас.

У меня пропало желание рассказывать себе истории или жить иллюзиями.

– Наш договор потерял силу: Аврора начала новую жизнь, вы никогда не сможете вернуть ее мне.

Билли с вызовом посмотрела на меня.

– Хотите пари?

Я развел руками в знак непонимания.

– Не сопротивляйтесь.

Она неторопливо приблизилась ко мне, положила руку мне на шею и с

ласковой медлительностью поцеловала меня в губы. Ее рот был свежим и сладким. Я вздрогнул от неожиданности и едва заметно отодвинулся. Но потом мое сердце понеслось вскачь, пробуждая давно погасшие чувства. И если поначалу этот неожиданный поцелуй был вынужденным, то теперь у меня не было ни малейшего желания прерывать его.

22-

Аврора

Мы оба потерялись в лесу жестокой эпохи перемен; потерялись в нашем одиночестве; (...) потерялись в нашей любви к абсолюту (...): мистические язычники, лишенные катакомб и Бога.

Виктория Окампо^[52] в переписке с Пьером Дриё ла Рошелем^[53]

Бар «Бурбон-стрит». Два часа спустя

Молнии зеброй расчертили небо. Загрохотал гром, и ливень обрушился на отель, сотрясая пальмы, заставляя трепетать соломенные крыши и усеивая поверхность воды тысячами брызг. С час назад я нашел убежище на крытой террасе винного бара. Его открыли в доме плантатора, выстроенном в колониальном стиле и напоминавшем некоторые здания Нового Орлеана. С чашкой кофе в руке я наблюдал за туристами, которых прогнал дождь. Они возвращались в уют своих апартаментов.

Мне нужно было побыть одному, чтобы прийти в себя. Я злился на самого себя, был разъярен тем, что поцелуй Билли взволновал меня, и тем, что участвовал в этом унижительном представлении только для того, чтобы заставить Аврору ревновать. Нам было не по пятнадцать лет, и все это ребячество не имело никакого смысла.

Я помассировал веки и вернулся к работе. Я в отчаянии смотрел на курсор, мигающий в верхней части экрана в левой части чистой страницы. Вот включил старый «Макинтош», привезенный Кароль, в почти безумной надежде на то, что эта машина из прошлого подтолкнет творческий процесс. На этой клавиатуре во времена моего «расцвета» я написал сотни страниц, но компьютер – это не волшебная палочка.

Неспособный сконцентрироваться даже на минуту, не в силах написать хотя бы три связных слова, я одновременно с уверенностью в себе потерял и нить моей истории.

Гроза делала атмосферу тяжелой и давящей. Неподвижно сидя перед экраном, я почувствовал, как подступает тошнота, голова закружилась. Мысли мои витали в другом месте, мозг был занят другими заботами, и

написать хоть какое-то начало главы мне казалось более опасным предприятием, чем восхождение на Гималаи.

Допив последний глоток кофе, я встал, чтобы заказать еще чашку. Внутри зал выглядел как английский бар. Деревянные панели, маркетри и кожаные диванчики создавали уютную и теплую атмосферу.

Я подошел к стойке и стал рассматривать внушительную коллекцию бутылок, выстроившуюся на полках из красного дерева. Это место поощряло заказать не кофе, а виски или коньяк и смаковать напиток, затягиваясь гаванской сигарой, слушая запись Дина Мартина^[54] на старой виниловой пластинке.

В эту минуту кто-то сел за пианино в углу зала, зазвучали первые ноты «As Time Goes By». Я повернулся посмотреть, почти готовый увидеть Сэма, чернокожего пианиста-американца из фильма «Касабланка».

На табурете сидела Аврора, одетая в длинный кашемировый пуловер и черные колготки с узором в виде кружева. Ее мускулистые ноги, согнутые в коленях и отставленные чуть в сторону, казались еще длиннее в гранатовых туфлях на высоких каблуках. Она подняла голову и посмотрела на меня, продолжая играть. На ногтях фиолетовый лак, на указательном пальце левой руки кольцо с камеей. На шее я узнал маленький крестик из черного камня, который она часто надевала на концерты.

В отличие от моих, ее пальцы легко бегали по клавишам. Она ловко перешла от «Касабланки» к «Плачу холма», а затем к импровизации на тему «Моя забавная Валентина».

Бар был почти пуст, но немногочисленные посетители смотрели на нее как замороженные, околдованные тем, что в ней соединялись загадка Марлен Дитрих, соблазнительность Анны Нетребко и чувственность Мелоди Гардо.

Что же до меня, то я, ни выздоровевший, ни нечувствительный к яду, стал жертвой того же притяжения. Как же больно было ее видеть! Бросив меня, она забрала с собой все, что было во мне солнечного: мои надежды, мою уверенность, мою веру в будущее. Она высушила мое существование, лишив его смеха и красок. Аврора задушила мое сердце, лишив его возможности полюбить снова. Теперь моя внутренняя жизнь походила на выжженную землю, без деревьев и птиц, навсегда застывшую в ледяном холоде января. У меня не осталось ни аппетита, ни желания, если не считать потребности ежедневно сжигать нейроны лекарствами, чтобы унять слишком болезненные воспоминания.

Я влюбился в Аврору так, как подхватывают смертоносный и разрушительный вирус. Мы встретились в аэропорту Лос-Анджелеса в очереди на самолет «Юнайтед Эйрлайнз», направляющийся в Сеул. Я летел в Южную Корею, чтобы рекламировать мои книги, ей предстояло играть там Прокофьева. Я полюбил ее в первую же минуту, за все сразу и ни за что: за грустную улыбку, за прозрачный взгляд, за особую манеру заправлять волосы за ухо, за манеру поворачивать голову как будто в замедленной съемке. Потом я полюбил каждую интонацию ее голоса, ее ум, чувство юмора, явную отстраненность от собственной внешности. Впоследствии я полюбил ее за каждый из скрытых недостатков, за боль жизни, за все раны под ее кольчугой. В течение нескольких месяцев мы узнали бесстыдное счастье, вознесшее нас в самые высокие сферы, где останавливается время, где слишком много кислорода и кружится голова.

Разумеется, я предчувствовал, что за это придется заплатить. Я преподавал литературу и запомнил предупреждения писателей, которыми я восхищался: Стендаль и его кристаллизация; Толстой и его Анна Каренина, бросившаяся под поезд после того, как всем пожертвовала ради любимого; Ариана и Солаль, любовники из «Люби властелина»^[55], закончившие свое падение в парах эфира в мрачном одиночестве гостиничного номера. Но страсть как наркотик: знание последствий никому не мешает продолжать разрушать себя, сунув палец в шестеренку.

Одержимый ложной уверенностью в том, что я настоящий только с ней, я в конце концов убедил себя, что наша любовь продлится долго и мы преуспеем там, где провалились другие. Но Аврора не только пробуждала самое лучшее во мне. Она извлекала из меня черты характера, мне ненавистные, с которыми я привык сражаться: собственничество, поклонение красоте, вера в то, что прекрасная душа непременно скрывается за ангельским личиком, и самовлюбленная гордость от сознания того, что со мной рядом настолько роскошная женщина. Это был знак моего отличия от прочих самцов моей породы.

Разумеется, Аврора умела дистанцироваться от своей известности и делала вид, что ни о чем таком не подозревает. Но слава редко делает лучше тех, кто ее достиг. Слава растравляет раны самовлюбленности, но не излечивает их.

Я все это сознавал. И то, что больше всего на свете Аврора боится увидеть увядание своей красоты и потерять талант пианистки, эти два

волшебных дара, данные ей Небом, которые отличали ее от других смертных. И то, что ее поставленный голос мог задрожать и оборваться. Знал, что за уверенной иконой скрывается неуверенная в себе женщина, неспособная обрести внутреннее равновесие. Знал, что Аврора избавляется от своих тревог с помощью суперактивности, вихрем проносясь по мировым столицам, планируя даты концертов на три года вперед, начиная короткие отношения и заканчивая их без колебаний. До самого конца я все же думал, что смогу стать ее якорем, а она сможет стать моим. Для этого мы должны были быть уверены друг в друге, но она, как всегда, использовала для соблазнения двуличие и ревность, что не слишком благоприятствовало созданию спокойного климата. Наша пара в конце концов распалась. Думаю, мы были бы счастливы на необитаемом острове, но жизнь не имеет с ним ничего общего. Ее друзья, парижские, нью-йоркские или берлинские псевдоинтеллектуалы, считали дурновкусием мои популярные романы, тогда как с моей стороны Мило и Кароль видели в Авроре лишь снобизм, высокомерие и эгоизм.

* * *

Гроза разбушевалась, за окнами повисла плотная пелена дождя. В уютном и изысканном интерьере бара «Бурбон-стрит» пальцы Авроры сыграли последние аккорды песни «A Case of You»^[56], которую она только что исполнила бархатым блюзовым голосом.

Под аплодисменты она сделала глоток бордо из бокала, стоявшего на фортепьяно, и наклоном головы поблагодарила публику. Потом она опустила крышку инструмента, давая понять, что *выступление* закончено.

– Достаточно убедительно, – сказал я, подходя к ней. – Норе Джонс следовало бы опасаться конкуренции, если бы ты решила пойти по этому пути.

Аврора протянула мне свой бокал, бросая вызов:

– Посмотрим, не потерял ли ты навык.

Я коснулся бокала губами там, где она касалась его своими, и попробовал вино. Ей удалось приобщить меня к своей страсти к энологии, но она бросила меня раньше, чем я успел освоить азы.

– Э... «Шато-Латур» тысяча девятьсот восемьдесят второго года, – выпалил я наудачу.

Аврора чуть улыбнулась тому, что мне не доставало убежденности, потом поправила:

– «Шато-Марго» тысяча девятьсот девяностого.

– Я всегда пью кока-колу «лайт», чтобы не брать в голову год.

Она засмеялась, как смеялась *до того*, когда мы еще любили друг друга. Медленное движение головой, привычное для нее, когда она хотела понравиться, и золотистая прядь выпорхнула из-под заколки, удерживавшей ее волосы.

– Как поживаешь?

– Хорошо, – ответила Аврора. – А ты, кажется, задержался в нижнем палеолите, – заметила она, намекая на мою бороду. – А что с твоим ртом? Тебе сумели его пришить?

Я недоуменно сдвинул брови:

– Что пришить?

– Тот кусок губы, который откусила та блондинка в ресторане. Это твоя новая подружка?

Я не ответил на вопрос, заказав за стойкой «то же самое, что у мисс».

Аврора настаивала:

– Красивая девушка. Не элегантная, но красивая. В любом случае, то, что между вами, напоминает вулкан...

Я бросился в контратаку:

– А как у тебя с твоим спортсменом? Все хорошо? Возможно, это не самый остро наточенный нож в ящике, но физиономия у него что надо. В любом случае, вы хорошо смотрите вместе. И это большая любовь, если судить по тому, что я прочел.

– Теперь ты читаешь такого рода журналы? Они написали столько глупостей о нас с тобой, что я думала, ты на эту удочку уже не попадешься. Что же до большой любви... Брось, Том, тебе отлично известно, что я в нее никогда не верила.

– Даже со мной?

Аврора сделала еще глоток вина, встала с табурета, подошла к окну и облокотилась о подоконник.

– Кроме нашей с тобой истории, мои романы никогда не были слишком пылкими. Они были приятными, но мне всегда удавалось экономить страсть.

Это была одна из тех ее способностей, которые нас развели. Для меня любовь была как кислород, единственное, что придавало жизни немного блеска, сияния и интенсивности. Для Авроры, какой бы волшебной ни была любовь, она в конечном итоге оказывалась только иллюзией и обманом.

Глядя в пустоту, Аврора уточнила свою мысль:

– Узы образуются и распадаются, такова жизнь. Однажды утром один

остается, а другой уходит, и никто никогда не знает, почему. Я не могу отдать другому все с этим дамокловым мечом над головой. Я не хочу строить мою жизнь на чувствах, потому что чувства меняются. Они хрупкие и неопределенные. Ты их считаешь глубокими, а они устремляются за первой попавшейся юбкой или призывной улыбкой. Занимаюсь музыкой, потому что она никогда не уйдет из моей жизни. Люблю книги, потому что книги всегда будут со мной. И потом... Не знаю людей, которые любят друг друга всю жизнь.

– Потому что ты живешь среди самовлюбленных личностей, среди артистов и знаменитостей, где связи рвутся со скоростью света.

В задумчивости Аврора медленно вышла на террасу и поставила бокал на балюстраду.

– Мы не сумели выйти за пределы первого экстаза, – рассуждала она вслух. – Мы не сумели проявить настойчивость...

– Ты не сумела проявить настойчивость, – убежденно поправил я. – Это *ты* в ответе за провал нашей любовной истории.

Последняя молния распоролла небо, и гроза удалилась с такой же скоростью, с какой налетела.

– Я хотел разделить с тобой жизнь, – продолжал я. – В глубине души я верю, что это и есть любовь: желание проживать все вместе, делая свою жизнь богаче благодаря отличиям в характере твоей «второй половины».

Облака начинали рассеиваться, вскоре среди облаков появилось голубое окно.

– Я хотел, – продолжал настаивать я, – чтобы мы что-то построили вместе. И был готов к этому союзу, готов преодолевать препятствия бок о бок с тобой. Едва ли нам было бы легко – легко никогда не бывает, – но именно этого мне хотелось: повседневности, торжествующей над препятствиями, которыми усеяно наше существование.

В баре кто-то сел за рояль. До нас доносилась интимная и чувственная вариация «India Song»^[57].

Вдалеке я увидел Рафаэля Барроса, который направлялся к нам с доской для сёрфинга под мышкой. Чтобы не знакомиться с ним, я направился к деревянным ступеням, но Аврора удержала меня за запястье.

– Я все это знаю, Том. Знаю, что ничем нельзя владеть, ничего никогда не обещают...

В ее голосе было что-то волнующее и хрупкое, лакированная оболочка роковой женщина начала покрываться трещинами.

– Я знаю, что заслужить любовь можно, только отдаваясь душой и телом, рискуя все потерять... Но я не была готова сделать это, как все еще

не готова к этому и сейчас...

Я вырвал руку из ее пальцев и спустился на несколько ступеней. Она добавила мне вслед:

– ...Я прошу у тебя прощения, если заставила тебя думать иначе.

23. Одиночество (Одиночества)

Одиночество – это самое дно человеческого состояния. Человек – единственное существо, которое чувствует себя одиноким и которое ищет другого.

Октавио Пас^[58]

Район Ла-Пас. Начало второй половины дня

С сумкой на спине Кароль перепрыгивала с камня на камень, двигаясь вдоль извилистого берега.

Она остановилась, чтобы посмотреть на небо. Ливень шел меньше десяти минут, но этого оказалось достаточно, чтобы она вымокла с головы до ног. В мокрой одежде, со стекающими по лицу струями дождя, Кароль чувствовала, как теплая вода просачивается под ее футболку.

«Ну что я за дура!» – подумала она, выжимая волосы руками. Она не забыла взять с собой аптечку и зонтик от дождя и солнца, но не взяла ни полотенце, ни сменную одежду!

Прекрасное осеннее солнце сменило тучи, но было недостаточно тепло, чтобы ее высушить. Чтобы не чувствовать холода, Кароль решила возобновить бег, разрезая воздух равномерным ритмом, пьянея от красоты небольших бухт, сменявших друг друга на фоне гор, поросших кактусами.

На повороте петляющей тропинки, недалеко от песчаного берега перед ней неожиданно возник мужчина, вышедший из кустов. Пытаясь его обогнать, она изменила направление бега, но зацепилась ногой за корень. Кароль вскрикнула и не смогла избежать зрелищного падения прямо в объятия навязчивого человека.

– Это я, Кароль! – успокоил Мило, нежно подхватывая ее.

– Какого черта ты здесь делаешь? – закричала она, высвобождаясь. – Ты преследовал меня? Ты просто больной!

– И сразу оскорбления...

– Перестань смотреть на меня глазами жареного мерлана, – выкрикнула Кароль, неожиданно заметив, что мокрая одежда не скрывает ее формы.

– У меня есть полотенце, – сказал Мило, роясь в своей сумке. – И сухая одежда тоже.

Кароль вырвала у него из рук сумку и ушла переодеваться за большую

зонтичную сосну.

– Не вздумай подсматривать за мной, извращенец! Я не одна из твоих подружек!

– Ну как я могу тебя увидеть за такой ширмой, – ответил Мило, ловя на лету мокрые футболку и шорты, которые сняла с себя Кароль.

– Почему ты пошел за мной?

– Хотел провести с тобой немного времени, к тому же у меня появился вопрос, который я хотел бы тебе задать.

– Валяй, я готова к худшему.

– Почему ты мне сказала, что «Трилогия ангелов» спасла тебе жизнь?

Кароль помолчала, потом сурово ответила:

– Возможно, в тот день, когда ты поумнееешь, я расскажу тебе.

Странно. Мило и припомнить не мог, когда она была такой мстительной. Но он все же попробовал продолжить разговор:

– Почему ты не предложила мне сопровождать тебя во время прогулки?

– Хотела побыть одна, Мило. Это тебе в голову не приходило? – спросила она, натягивая пуловер с витым узором.

– Наше одиночество – это такая тоска! Быть одному – хуже и быть не может.

Кароль вышла из своего укрытия в мужской одежде, которая была ей слишком велика.

– Нет, Мило, самое плохое – это быть вынужденной выносить таких типов, как ты.

Тот принял удар.

– В чем конкретно ты меня обвиняешь?

– Забудь, потребуется часа три, чтобы составить список, – отмахнулась Кароль, продолжив спуск к пляжу.

– Нет, скажи! Мне любопытно, – признался Мило, подстраиваясь под ее шаг.

– Тебе тридцать шесть лет, но ты ведешь себя так, будто тебе восемнадцать, – начала она. – Ты безответственный и неуклюжий, ты бегаешь за телками, которых тут же бросаешь, для тебя ценны только ТПС...

– ТПС?

– Тачка, пиво, секс, – пояснила Кароль.

– Все?

– Нет. Я считаю, что женщина не может чувствовать себя рядом с тобой уверенно, – бросила ему в лицо Кароль, выходя на песок.

– Объясни.

Она встала перед ним, уперла кулаки в бедра и посмотрела ему в глаза:

– Ты принадлежишь к разряду «мужчин на минуту». Это ковбой, с которым женщина готова поразвлечься в минуту одиночества, с которым она, возможно, проведет ночь, но никогда не представляет такого мужчину в роли отца своих детей.

– Не все разделяют твоё мнение! – попробовал защититься Мило.

– Нет, Мило. Все женщины, у которых есть хотя бы три грамма мозгов, думают в точности как я. Сколько нормальных девушек ты нам представил за это время? Ни одной! Мы видели многих, но они всегда одинаковые: стриптизерши, почти шлюхи или бедные жалкие девушки, которых ты подбираешь ранним утром, пользуясь их слабостью!

– А ты сама? Можно спросить, с каким нормальным парнем ты нас познакомила? Ах да, что это я? Мы ни разу не видели тебя с мужчиной! Это не странно, милочка? Тридцатник позади и ни одной известной связи!

– Что, если я просто не отправляю тебе факс каждый раз, когда в моей жизни кто-то появляется?

– Ну да, как же! Ты была бы счастлива стать женой писателя, правда? Чтобы тебя упоминали на четвертой странице обложки. Вот послушай: «Том Бойд живет в Бостоне, штат Массачусетс, со своей женой Кароль, двумя детьми и лабрадором». Этого ты ждала, да?

– Тебя перемкнуло, дружок. Ты несешь чушь, которая вызывает только смех.

– А ты лжива, как бюстгальтер.

– Опять твои сексуальные метафоры. У тебя действительно с этим проблемы, бедненький.

– Это у тебя с этим проблемы! – парировал Мило. – Почему ты никогда не носишь платья или юбки? Почему ты никогда не надеваешь купальник? Почему ты покрываешься мурашками всякий раз, когда кто-то касается твоей руки? Ты предпочитаешь женщин или что?

Прежде чем Мило успел договорить, его оглушила оплеуха, по силе сравнимая с ударом кулака, которую ему отвесила Кароль. Он едва успел перехватить ее руку, чтобы не получить еще одну.

– Оставь меня!

– Когда успокоишься, оставлю!

Она отбивалась, как черт, тянула свою руку изо всех сил и едва не опрокинула Мило. В конце концов она упала на спину на песок и увлекла его за собой. Он тяжело рухнул на нее и собрался встать, когда почувствовал у виска дуло пистолета.

– Слезай! – приказала Кароль, взводя курок.

Она сумела достать оружие из сумки. Возможно, иногда она забывала о сменной одежде, но о служебном оружии – никогда.

– Отлично, – произнес Мило бесцветным голосом.

Обескураженный, он медленно поднялся и грустно смотрел на свою подругу, убегавшую от него, вцепившись в пистолет обеими руками.

Прошло много времени после бегства Кароль, а Мило, совершенно сбитый с толку, все еще оставался в маленькой лагуне, окруженный белым песком и бирюзовой водой.

В этот день тень Макартур-парка протянулась до западной оконечности Мексики.

Любовь словно ртуть в руке: останется лежать в раскрытой ладони, но стоит только сжать пальцы, и она просочится между ними.

Дороти Паркер^[59]

Ресторан «Ла Иха де ла Луна»^[60]. 9 часов вечера

Прилепившийся к прибрежному утесу ресторан класса «люкс» нависал одновременно над бассейном и над морем Кортеса. Ночью пейзаж был таким же впечатляющим, как и при свете солнца, выигрывая в романтизме и загадочности, хотя и проигрывая в глубине. Медные фонари висели вдоль беседок из виноградных лоз, а цветные светящиеся нити создавали вокруг каждого столика нимб приглушенного света.

В платье, усеянном серебристыми пайетками, Билли прошла вперед. Женщина-администратор тепло поприветствовала нас и провела к столику, где Мило уже несколько минут ждал нас. Явно захмелевший, он не сумел объяснить мне причину отсутствия Кароль.

В нескольких столиках от нас в середине террасы, словно драгоценность в футляре, Аврора и Рафаэль Баррос выставляли напоказ свою новую любовь.

Ужин прошел мрачно. Даже Билли, обычно веселая, казалось, потеряла все свое оживление. Заметно уставшая, она была бледной и измученной. В начале вечера я нашел ее в нашем номере, где она свернулась калачиком на кровати, проспав так весь день.

– Последствия путешествия, – отмахнулась она.

В любом случае, мне пришлось с ней повоевать, чтобы вытащить ее из постели.

– Что случилось с Кароль? – спросила она у Мило.

Глаза моего друга налились кровью, на лице было озадаченное выражение, как у человека, который вот-вот упадет на стол. Он как раз бормотал какое-то объяснение, когда тишину ресторана нарушил тенор.

*La cucaracha, la cucaracha,
Ya no puede caminar*^[61]

К нашему столику подошли марьячи, чтобы спеть нам серенаду. Оркестр был мощный: две скрипки, две трубы, гитара, гитаррон и виуэла.

*No tiene, porque le falta
Marijuana que fumar*^[62]

Их костюмы заслуживали отдельного описания: черные брюки с вышивкой на боковых швах, короткие пиджачки с лацканами, украшенными серебряными пуговицами, элегантно завязанные галстуки, ремни с пряжкой, на которой красовался орел, начищенные до блеска ботинки. И конечно же, сомбреро с широкими полями, большие, как летающие тарелки.

Жалобный голос солиста сменил хор, шумно выражавший несколько принужденное веселье, больше похожее на выход чувств, чем на радость жизни.

– Настоящий китч, да?

– Вы шутите! – воскликнула Билли. – Они чертовски классные!

Я с сомнением посмотрел на нее. Определенно, мы с ней по-разному понимали прилагательное «классный».

– Господа, мотайте на ус, – сказала Билли, поворачиваясь к нам с Мило. – Перед вами настоящее олицетворение мужественности.

Певец пригладил усы и, чувствуя одобрение, запел следующую песню, сопровождая ее прилежными танцевальными па.

*Para bailar la bamba,
Se necesita una poca de gracia.
Una poca de gracia pa mi pa ti
Arriba y arriba*^[63]

Концерт продолжился добрую часть вечера. Переходя от столика к столику, марьячи представляли свой репертуар народных песен, в которых говорилось о любви, о храбрости, о красоте женщин и засушливых пейзажей. Для меня – посредственный и утомительный спектакль, для Билли – выражение гордой души народа.

Когда представление подходило к концу, в отдалении раздался рокот. Одинаковым движением посетители повернули головы к морю. Урчание становилось все глуше, и в небе появился силуэт старого гидросамолета. На небольшой высоте железная птица пролетела над рестораном, чтобы сбросить на террасу цветы. Несколько секунд шел дождь из разноцветных роз, которые в результате полностью закрыли блестящий паркет ресторана. Бурные аплодисменты встретили этот неожиданный цветочный ливень. Потом гидросамолет снова появился над нашими головами и принялся исполнять хаотичную хореографию. Цветные дымы нарисовали в небе невероятное сердце, которое быстро растворилось в мексиканской ночи. Аудитория снова зааплодировала, когда в зале выключили свет, и метрдотель подошел к столику Авроры и Рафаэля Барроса. Он нес на серебряном подносе кольцо с бриллиантом. Рафаэль опустился на одно колено, чтобы сделать ей предложение руки и сердца. В сторонке стоял официант, готовый открыть шампанское, чтобы отпраздновать «да» Авроры. Все было идеально, продумано и просчитано, в духе любителей слюнявого романтизма и праздников, продаваемых по каталогу.

Но разве не это ненавидела Аврора?

* * *

Я сидел слишком далеко, чтобы услышать ее ответ, но достаточно близко, чтобы прочесть по губам.

– М.н.е. ж. а.л. ь... – прошептала она, хотя я не знал наверняка, кому адресованы эти слова: ей самой, присутствующим или Рафаэлю Барросу.

Почему парни не думают хорошенько перед тем, как делать такое предложение?

Повисло тягостное молчание, как будто весь ресторан был смущен при виде этого низвергнутого полубога, превратившегося в обычного беднягу, стоявшего на одном колене на полу, неподвижного, как соляной столб, застывшего в стыде и недоумении. Я прошел через это до него и именно в этот момент испытывал к нему скорее сострадание, чем радость

неожиданного реванша.

Во всяком случае, так было до того момента, когда он встал, пересек зал с видом оскорбленного величия и совершенно неожиданно для меня нанес мне удар правой, достойный Майка Тайсона.

* * *

– И этот мерзавец подошел, чтобы заехать вам кулаком в лицо, – подвел итог доктор Мортимер Филипсон.

Клиника отеля. Три четверти часа спустя

– Примерно так оно и было, – кивнул я, пока он дезинфицировал мою рану.

– Вам повезло: крови было много, но нос не сломан.

– И это уже хорошо.

– На вашем лице столько синяков, как будто вас избили. Вы недавно дрались?

– У меня была стычка в баре с неким Хесусом и бандой его приятелей, – неопределенно ответил я.

– К тому же у вас сломано ребро и серьезный вывих щиколотки. Она очень сильно распухла. Сейчас я смажу ее мазью, но вы должны будете прийти ко мне завтра утром, чтобы я наложил вам компрессионную повязку. Как это случилось?

– Я упал на крышу автомобиля, – ответил я, как будто это было совершенно естественно.

– Гм... Опасная у вас жизнь.

– Последние несколько дней – определенно.

Медицинский центр отеля оказался не скромным кабинетом, а современным комплексом с высокотехнологичным оборудованием.

– Мы лечим самых крупных звезд планеты, – ответил мне врач, когда я сказал ему об этом.

Мортимеру Филипсону было недалеко до пенсии. Его вытянутый, очень британский силуэт контрастировал с загорелым лицом, резкими чертами и светлыми смеющимися глазами. Он был похож на Питера О’Тула в роли постаревшего Лоуренса Аравийского.

Врач закончил заниматься моей щиколоткой и попросил медсестру принести мне костыли.

– Настоятельно советую вам не наступать на ногу несколько дней, –

предупредил он меня и вручил свою визитную карточку, написав на ней время моего следующего посещения.

Я поблагодарил его за помощь и на костылях с трудом доковылял до моих апартаментов.

* * *

Комната купалась в мягком свете. В центре в камине мерцало светлое пламя, отбрасывая отблески на стены и потолок. Я поискал Билли, но ее не было ни в гостиной, ни в ванной. До меня донесся приглушенный припев песни Нины Симон.

Я раздвинул шторы, закрывавшие высокие окна, выходившие на террасу, и увидел молодую женщину, которая, закрыв глаза, принимала ванну под открытым небом в джакузи с переливом. Чаша с изогнутыми линиями была одета в голубую мозаику. Вода каскадом текла из лебединого клюва, продуманная подсветка придавала ей поочередно все цвета радуги.

– Присоединитесь ко мне? – поинтересовалась Билли, не открывая глаз.

Я подошел к джакузи. Ее окружали штук двадцать свечей, создававшие барьер из огоньков. Поверхность воды сверкала словно шампанское. Из прозрачной глубины золотистые пузырьки поднимались наверх от воздуходувной трубы.

Я отставил в сторону костыли, расстегнул рубашку, снял джинсы и опустил в воду. Она оказалась очень горячей, ее едва можно было терпеть. Распределенные по всему бассейну тридцать струй обеспечивали скорее возбуждающий, чем расслабляющий массаж, а с четырех сторон из мощных динамиков лилась обволакивающая музыка. Билли открыла глаза и протянула руку, чтобы кончиками пальцев коснуться лейкопластыря, которым Филипсон заклеил мне нос. Освещенное снизу, ее лицо казалось прозрачным, а волосы как будто поседели.

– Воин нуждается в отдыхе? – пошутила она, придвигаясь ко мне.

Я постарался устоять перед ее предложением:

– Не думаю, что стоит повторять эпизод с поцелуем.

– Посмейте только сказать, что вам не понравилось.

– Вопрос не в этом.

– Но ведь это подействовало: спустя несколько часов ваша дорогая Аврора с треском расторгла помолвку.

– Пусть так, но сейчас Аврора не с нами в джакузи.

– Что вы об этом знаете? – Билли уже была в моих объятиях. – В каждом номере отеля на террасе стоит телескоп, и все за всеми подсматривают. Разве вы этого не заметили?

Ее лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Глаза цвета липы, поры расширились от пара, на лбу блестели капельки пота.

– Возможно, Аврора сейчас смотрит на нас, – продолжала Билли. – Не говорите, что вас это немного не возбуждает...

Я ненавижу эту игру. Это было не мое. И все же, увлеченный воспоминанием о нашем предыдущем поцелуе, я позволил себе положить одну руку ей на бедро, другую на шею.

Билли нежно прижалась губами к моим губам, мой язык нашел ее язык. И снова случилось чудо, но длилось оно лишь несколько секунд, пока явная горечь не заставила меня прервать этот поцелуй.

У меня во рту появился кислый, острый и терпкий вкус, и я резко отпрянул. Билли казалась ошеломленной. Только в этот момент я заметил, что губы у нее почернели, а язык стал лиловым. Ее глаза горели, но кожа становилась все бледнее и бледнее. Она дрожала, клацала зубами и кусала губу. Встревоженный, я вылез из джакузи, помог выбраться ей и растер ее полотенцем. Я почувствовал, как ноги у нее ослабели, и она едва не упала. Ее сотряс сильнейший приступ кашля. Билли оттолкнула меня, чтобы нагнуться вперед, и ее вырвало. С болью она извергла из себя густую вязкую массу и рухнула на пол.

Но то, что я увидел, не было рвотными массами.

Это были чернила.

25. Опасность тебя потерять

*Когда между твоими зубами ствол пистолета,
произносишь только согласные.*

*Фраза из романа «Бойцовский клуб» Чака
Паланика*

Клиника отеля. Час ночи

– Вы ее муж? – спросил доктор Филипсон, закрывая дверь палаты, в которой только что уснула Билли.

– Э... Нет, этого сказать нельзя, – ответил я.

– Мы ее кузены, единственные родственники, – пришел мне на помощь Мило.

– Гм... И часто вы принимаете ванну вместе с вашей «кузиной»? – сыронизировал врач, глядя на меня.

Полутора часами раньше, когда он готовился загнать мяч в сложную лунку, ему пришлось наспех натянуть белый халат поверх брюк для гольфа и примчаться к изголовью Билли. Он сразу оценил ситуацию как серьезную и сделал все, чтобы привести в чувство молодую женщину, госпитализировать ее и оказать первую помощь.

Вопрос Филипсона не требовал ответа, и мы прошли за ним в его кабинет, вытянутую комнату, выходящую на хорошо освещенную лужайку, гладкую, словно площадка для игры в гольф, в центре которой развевался маленький флаг. Подойдя к окну, можно было разглядеть мячик для гольфа, лежащий в семи-восьми метрах от лунки.

– Я не стану вас обманывать, – начал Филипсон, приглашая нас садиться. – Я понятия не имею, что за проблемы у вашей подруги и что спровоцировало этот кризис.

Он снял халат, повесил его на вешалку и сел лицом к нам.

– У нее сильный жар, тело сильно напряжено, ее вырвало всем содержимым желудка. У молодой женщины головная боль, она дышит с трудом и не может стоять, – перечислил он.

– Ну и? – бросил я, торопясь услышать диагноз.

Филипсон открыл верхний ящик стола и достал сигару, которая была еще в футляре.

– Налицо явные признаки анемии, – уточнил он, – но меня больше

беспокоит та черная субстанция, которую она извергла из себя в значительном количестве.

– Она похожа на чернила, верно?

– Возможно...

Он задумчиво вытащил сигару «Коиба» из алюминиевого футляра и погладил ее, словно ожидая, что его осенит от прикосновения к табачным листьям.

– У нее взяли на анализ кровь, а также эту черную субстанцию и несколько волос, которые, судя по вашим словам, внезапно поседели.

– Но ведь такое случается, да? Я не раз слышал, что от эмоционального шока волосы могут посесть за одну ночь. Так случилось с Марией-Антуанеттой в ночь перед казнью.

– Чушь, – отрезал врач. – Только химическое обесцвечивание может так быстро лишить волосы пигмента.

– У вас действительно есть средства для подобных исследований? – встревожился Мило.

Филипсон отрезал кончик гаванской сигары.

– Как вы могли заметить, наше оборудование новейшее. Пять лет назад старший сын шейха одной из нефтяных монархий отдыхал в нашем отеле. Молодой человек пострадал во время катания на водных лыжах: он на скорости врезался в скутер и от удара на несколько дней впал в кому. Его отец пообещал перевести внушительную сумму на счет клиники, если мы сумеем вытащить парня. Скорее в результате везения, чем моих усилий, он вышел из комы без последствий, и шейх сдержал обещание. Отсюда и наши условия для работы.

Мортимер Филипсон встал, чтобы проводить нас до дверей, и я попросил разрешения провести ночь рядом с Билли.

– Это глупо, – отрезал он. – У нас есть дежурная медсестра и два интерна, которые будут работать всю ночь. Ваша «кузина» – наша единственная пациентка. Мы ни на мгновение не оставим ее без внимания.

– Но я настаиваю, доктор.

Он пожал плечами и вернулся в свой кабинет, пробормотав:

– Если вам так хочется поспать в узком кресле и напрячь спину, воля ваша, но с вашим сломанным ребром и вывихнутой щиколоткой не жалуйтесь мне завтра утром, что вы не можете встать.

Мы с Мило расстались перед дверью в палату Билли. Я чувствовал, что он взволнован.

– Я волнуюсь за Кароль. Я оставил ей с десяток сообщений на автоответчике, но ни на одно не получил ответа. Я должен ее найти.

– Хорошо. Удачи тебе, старик.

– Спокойной ночи, Том.

Я смотрел ему вслед. Пройдя несколько метров по коридору, он резко остановился, развернулся и подошел ко мне.

– Знаешь, я хотел сказать тебе, что... что мне очень жаль, – признался Мило, глядя мне в глаза.

Глаза у него покраснели и блестели, лицо было помято, но вид был решительный.

– Я все профукал, вкладывая средства в рискованные предприятия, – продолжал он. – Считал себя хитрее других, предал твое доверие, тебя разорил. Прости меня...

Его голос прервался. Мило моргнул, и неожиданная слеза потекла по его щеке. Впервые в жизни увидев друга плачущим, я был и обезоружен, и смущен.

– Это слишком глупо, – добавил он, вытирая глаза. – Я считал, что самое трудное уже позади, но я ошибался. Самое трудное – не получить то, чего ты хочешь, а уметь это сохранить.

– Мило, мне наплевать на эти деньги. Они не заполнили пустоту, не решили ни одной проблемы, тебе это отлично известно.

– Ты увидишь, мы выберемся, как всегда, – пообещал он, пытаясь снова взять ситуацию под контроль. – Наша счастливая звезда не оставит нас и сейчас!

Прежде чем отправиться на поиски Кароль, Мило по-братски обнял меня, заверив:

– Клянусь тебе, я вытащу нас из этой передрыги. Возможно, это займет какое-то время, но у меня все получится.

* * *

Я бесшумно открыл дверь и сунул голову в палату. В ней царил голубоватый сумрак. Я молча подошел к постели Билли.

Она спала беспокойным лихорадочным сном. Плотное одеяло скрывало ее тело, оставляя на виду только прозрачное лицо. Еще этим утром энергичная и жизнерадостная – белокурый вихрь, который разрушал мою жизнь, – эта молодая женщина за несколько часов состарилась на десять лет. Взмолвленный, я долго стоял рядом, прежде чем осмелился положить руку ей на лоб.

– Ты странная девушка, Билли Донелли, – прошептал я, наклоняясь к

ней.

Она заметалась по кровати и, не открывая глаз, пробормотала:

– Я думала, ты скажешь «странная доставала»...

– И странная доставала тоже, – сказал я, чтобы скрыть эмоции.

Я погладил ее по лицу и признался:

– Ты вытащила меня из черной ямы, в которую я соскользнул. Ты шаг за шагом заставила отступить печаль, которая пожирала меня. Твой смех и твоя настойчивость победили замуровавшее меня молчание...

Билли попыталась что-то сказать, но прерывистое дыхание и одышка заставили ее отказаться от этого.

– Я не оставлю тебя. Даю слово, – пообещал я, беря ее за руку.

* * *

Мортимер Филипсон чиркнул спичкой, чтобы зажечь кончик гаванской сигары, потом взял клюшку для гольфа, вышел на лужайку и прошел по ней несколько шагов. Мячик для гольфа находился метрах в семи от лунки на небольшом склоне. Мортимер с наслаждением затаился, потом присел на корточки, чтобы определить, какой удар лучше нанести. Положение было непростым, но он уложил в цель уже сотню мячей с этой точки. Врач встал в позицию и сконцентрировался. «Удача – это лишь сочетание воли и благоприятных обстоятельств», – говорил Сенека. Мортимер выполнил удар так, словно от этого зависела его жизнь. Мяч прокатился по лужайке, как будто заколебался на своей траектории, пофлиртовал с лункой, но не упал туда.

Этим вечер обстоятельства были не совсем благоприятными.

* * *

Мило торопливо вышел на крыльцо и попросил служащего подогнать «Бугатти», стоявший на подземной парковке отеля. Он поехал по направлению к Ла-Пасу – Джи Пи Эс помогал ему в этом, – чтобы вернуться на то место, где он оставил Кароль.

Днем на пляже Мило вдруг понял, что у его подруги все еще есть кровоточащие раны. А он об этих ранах даже не догадывался.

«Решительно, мы часто не подозреваем о мучениях, терзающих людей, которых мы любим сильнее всего», – грустно подумал он.

Высказав ему в лицо все, что она о нем думает, Кароль тоже причинила ему боль. Портрет без нюансов. Как и другие, она всегда принимала его за неотесанную шваль, городского грубияна, мужлана и фаллократа. Надо признать, что Мило никогда ничего не делал, чтобы ее переубедить. Потому что этот образ его защищал, маскировал его чувствительную душу, которую он не мог показать. Чтобы завоевать любовь Кароль, он был готов на все, но не мог показать свою истинную натуру, потому что не настолько доверял Кароль.

Мило ехал уже около получаса, рассекая лунную ночь. Тени гор вырисовывались на фоне прозрачной голубизны ночи, давно исчезнувшей из современных загазованных городов. Добравшись до места, он свернул на лесную дорогу, чтобы припарковать автомобиль, потом сунул в сумку одеяло и бутылку воды и направился по каменистой тропе, которая вела к берегу.

– Кароль! Кароль! – во все горло закричал он.

Его крики затерялись, унесенные теплым и капризным бризом, дувшим над морем, издавая жалобные стоны.

Мило нашел бухту, в которой они поссорились днем. Было тепло. Самовлюбленная белая полная луна искала свое отражение в воде. Никогда еще Мило не видел столько звезд в небе, но он не нашел ни единого следа Кароль. Вооружившись фонарем, он продолжил путь, карабкаясь по скалам, стоявшим вдоль берега. Примерно метров через пятьсот он свернул на узкую тропинку, которая спускалась к маленькой бухте.

– Кароль! – снова крикнул он, выходя на пляж.

На этот раз его голос разнесся дальше. Бухточку защищал от ветра гранитный утес, смягчавший песню прибоя на песке.

– Кароль!

Все его органы чувств работали на пределе, Мило прошел всю бухту, когда заметил движение на ее дальнем краю. Он подошел к отвесной стене. Скалу почти на всю высоту пересекала трещина, ведущая в естественный грот, образовавшийся в толще камня.

Кароль была там. Она сидела на песке, ссутулившись и подтянув к животу колени и опустив на них голову, в состоянии полной протрации. Ее бил крупная дрожь, а в руке она все еще крепко сжимала свой пистолет.

Мило опустился рядом с ней на колени, и обида, даже досада на Кароль мгновенно сменилась искренней тревогой за нее. Он закутал ее в одеяло, которое захватил с собой, и поднял на руки, чтобы отнести к машине.

– Прости меня за то, что я тебе наговорила, – прошептала Кароль. – Я так не думала.

– Уже забыл, – заверил ее Мило. – Теперь все будет хорошо.

Холодный ветер подул сильнее.

Кароль запустила пальцы в волосы Мило и подняла на него глаза, полные слез.

– Я никогда не причиню тебе боль, – пообещал он ей на ухо.

– Я знаю, – ответила она, обнимая его за шею.

* * *

Только не упади, Анна, держись, держись!

В тот же день несколькими часами раньше в бедном квартале Лос-Анджелеса молодая женщина Анна Боровски бежала по улице. Увидев, как она бежит в своем плотном пуловере с капюшоном, можно было подумать, что она просто поддерживает форму утренней пробежкой.

Но Анна не бегала трусцой. Она рылась в помойках.

Всего лишь год назад у нее была замечательная жизнь, она регулярно ужинала в ресторане и без труда выкладывала тысячу долларов во время шопинга с подружками. Но экономический кризис положил этому конец. Фирма, на которой работала Анна, провела резкое сокращение штатов и аннулировала ее должность специалиста по управленческому учету.

Несколько месяцев Анна уговаривала себя, что это всего лишь временные трудности, и не отчаивалась. Готовая согласиться на любую работу, соответствующую ее профилю, она проводила дни напролет на интернет-сайтах вакансий, рассылала резюме, участвовала в форумах, посвященных занятости, и даже потратила деньги на консультацию специалиста по трудоустройству. Увы, все ее попытки закончились ничем. За шесть месяцев ей не удалось побывать ни на одном более или менее серьезном собеседовании.

Чтобы выжить, Анна согласилась на подработку в доме престарелых в Монтебелло, но не эти несколько заработанных долларов помогали ей оплачивать квартиру.

Добежав до Перпл-стрит, Анна замедлила бег. Еще не было и семи утра. Улица, еще относительно пустая, постепенно оживлялась. Несмотря ни на что, Анна дождалась, чтобы с улицы уехал школьный автобус, и только после этого сунула голову в мусорный бак. Когда появилась привычка, она научилась забывать на время о гордости и самолюбии,

отправляясь в подобные экспедиции. В любом случае, у нее не было выбора. Все дело было в ее характере – скорее стрекозы, чем муравья, – и в долгах, казавшихся пустяком, когда она зарабатывала тридцать пять тысяч долларов в год, но теперь душивших ее и угрожавших потерей крыши над головой.

Первое время Анна рылась только в мусорных баках возле супермаркета в конце той улицы, на которой она жила, добывая продукты с закончившимся сроком годности. Но эта идея пришла в голову не ей одной. Каждый вечер толпа фриганов, безработных, студентов и бедных пенсионеров собиралась вокруг металлических ящиков до той поры, пока администрация магазина не начала поливать продукты отбеливателем, чтобы их невозможно было есть. Тогда Анна решилась обследовать помойки за пределами своего квартала. Поначалу этот опыт травмировал ее, но человек привыкает к любым унижениям.

Первый бак оказался заполненным доверху, и его исследование было не напрасным: половина упаковки куриных наггетсов, стакан из «Старбакса» с достаточным количеством черного кофе и еще один – с капучино. Во втором баке Анна нашла разорванную рубашку «Аберкромби», которую можно было постирать и зашить, а в третьем – почти новый роман в шикарном переплете из искусственной кожи. Она сложила свои скромные сокровища в рюкзак и продолжила обход.

Анна Боровски вернулась домой через полчаса, в маленькую квартиру в недавно построенном и ухоженном здании, в которой из мебели осталось только самое необходимое. Она вымыла руки, перелила черный кофе и капучино в кружку, которую поставила греться в микроволновку одновременно с наггетсами. Дожидаясь, пока завтрак будет готов, она разложила свою утреннюю добычу на кухонном столе. Элегантная готическая обложка романа особенно привлекла ее внимание. Стикер, приклеенный в левом углу, предупреждал читателя:

От автора «Трилогии ангелов».

Том Бойд? Она слышала о нем от девушек в офисе, которые обожали его книги, но сама она его никогда не читала. Анна вытерла с обложки каплю молочного коктейля, размышляя о том, что могла бы продать книгу за хорошую цену. Потом она подключилась к интернету, воспользовавшись вай-фаем соседки. Новое издание стоило на Амазоне 17 долларов. Она перешла на www.ebay.com и разместила объявление: продаю за 14 долларов при условии немедленной покупки.

Потом Анна выстирала рубашку, приняла душ, чтобы «очиститься», и оделась, задержавшись перед зеркалом.

Недавно ей исполнилось тридцать семь лет. Долгие годы выглядевшая моложе своих лет, она мгновенно постарела, как будто вампир высосал из нее всю свежесть. Потеряв работу, вынужденная питаться отбросами, она прибавила пятнадцать килограммов, которые осели на лице и на бедрах, придав ей сходство с гигантским хомяком. Анна попробовала улыбнуться, но результат показался ей плачевным.

Она переживала не лучшие дни, и это читалось на ее уродливом лице.

Шевелись, а не то опоздаешь!

Анна надела светлые джинсы, свитшот с капюшоном и кроссовки.

Вот и хорошо, ты же не в офис идешь. Чтобы убирать дерьмо за старичьем, незачем одеваться с иголочки!

Она сразу рассердилась на себя за цинизм. Анна чувствовала себя такой растерянной. За что уцепиться в самые мрачные моменты? У нее не было никого, кто бы мог помочь, не к кому было пойти со своей печалью. Ни настоящих друзей, ни мужчины – последний был много месяцев назад. Родители? Из страха «потерять лицо» Анна не говорила о своих трудностях ни с отцом, ни с матерью. Впрочем, нельзя сказать, что они сами спешили узнать, как у нее дела. Порой Анна почти жалела о том, что не осталась в Детройте, как ее сестра, которая до сих пор жила в пяти минутах ходьбы от родительского дома. У Люси никогда не было никаких амбиций. Она вышла за толстого мужлана, работавшего в страховании, и родила невыносимого ребенка, но ей хотя бы не приходилось спрашивать себя, что она будет есть.

Открывая дверь, Анна вдруг ощутила упадок сил. Она, как и все, принимала лекарства: обезболивающие, чтобы не болела спина; шипучий ибупрофен, который она поглощала, как конфеты, чтобы избавиться от хронической мигрени. Но сегодня ей требовался мощный транквилизатор. Недели шли, и у нее все чаще возникали приступы тревоги, потому что она постоянно жила в страхе и с ощущением, въевшимся в ее плоть и кровь, что, несмотря на все усилия и добрую волю, она больше ничего не контролировала в своей жизни. Иногда ненадежность ударяла ей в голову, и Анна чувствовала себя способной на безумство, как бывший бухгалтер, который девятью месяцами раньше в нескольких улицах от ее дома убил пятерых членов своей семьи, а потом покончил с собой. Он оставил письмо для полиции, в котором объяснил свой поступок отчаянным экономическим положением. Потеряв работу много месяцев назад, он лишился всех сбережений после краха на бирже.

Не падай, Анна, держись, держись!

Она постаралась взять себя в руки. Главное, не позволить себе пасть духом. Если она опустит руки, она пойдет на дно, Анна это знала. Ей нужно было биться изо всех сил, чтобы сохранить квартиру. Иногда у нее возникало ощущение, что она превратилась в животное в норе, но здесь она хотя бы могла принять душ и спать в безопасности.

Анна надела наушники от своего айпода, спустилась по лестнице и села в автобус, чтобы доехать до дома престарелых. Она убирала там в течение трех часов, а потом, воспользовавшись перерывом на завтрак, заглянула в свой личный кабинет на сайте магазина, благо в комнате отдыха хосписа стоял компьютер со свободным доступом.

Отличная новость! На книгу, которую она выставила на продажу, нашелся покупатель, готовый приобрести ее за указанную цену. Анна проработала до трех часов дня, потом зашла на почту, чтобы отправить книгу адресату:

«Бонни Дель Амико, кампус университета Беркли, Калифорния».

Она положила книгу в конверт, даже не заметив, что половина ее страниц была пустой...

* * *

– Эй, парни, пошевеливайтесь!

Динамик выплюнул этот призыв к порядку, обращенный ко всем водителям восьми полуприцепов, пересекавших промышленную зону Бруклина. Как и при транспортировке денег, время в пути и маршрут между складом в Нью-Джерси и предприятием переработки около Кони-Айленда были строго регламентированы, чтобы избежать воровства продукции. Каждый грузовик с тридцатью паллетами перевозил тринадцать тысяч книг, упакованных в картонные коробки.

Было около десяти часов вечера, когда гигантский груз под дождем въехал в ворота мусороперерабатывающего завода, занимавшего огромную территорию, окруженную забором, напоминавшую военный лагерь.

Грузовики по очереди выгрузили свой груз на залитый гудроном пол большого склада. Это были тонны книг, все еще завернутые в целлофан.

За процедурой наблюдали представитель издательства и пристав. Не каждый день сто тысяч экземпляров отправляют на уничтожение из-за типографского брака. Чтобы не допустить воровства, двое мужчин тщательно следили за грузом. При разгрузке представитель правосудия

вынимал одну книгу из каждой коробки, чтобы констатировать типографский брак. У каждого экземпляра был один и тот же дефект: из пятисот страниц романа была напечатана лишь половина. История резко обрывалась на середине страницы 266 на незаконченной фразе...

Вокруг этого моря книг начался балет трех бульдозеров, как будто речь шла об обычном строительном мусоре. Бульдозеры подталкивали книги на ленту транспортера, а тот на большой скорости уносил их в зияющие пасти железных монстров, которые могли начать грандиозный обед.

Две дробилки жадно проглотили десятки тысяч книг. Механический людоед рвал и пережевывал издания. Вокруг поднималось облако пыли от разрываемых страниц.

Потом куча книг, разорванных, перемолотых, изрезанных, вышла из внутренностей зверя и попала под пресс, который в конце пути выдал огромные спрессованные кубы, перевязанные металлической проволокой.

Кубы сложили в глубине ангара. На другой день их погрузят на другие грузовики, увезут и переработают в бумажную массу, которая потом превратится в газеты, журналы, одноразовые носовые платки или в картонные обувные коробки.

* * *

Через несколько часов все было кончено.

Когда весь груз был уничтожен, ответственный от предприятия, представитель издательства и пристав подписали документ, в котором было методически перечислено количество книг, уничтоженных во время каждой операции.

Общая цифра составила 99 999 экземпляров...

26. Девушка, пришедшая из другого мира

*Падающие часто увлекают за собой тех, кто
бросается им на помощь.*

Стефан Цвейг

Клиника отеля. 8 часов утра

– Эй, так-то ты за мной присматриваешь? Храпишь, как орк!

Я резко открыл глаз. Ночь я провел в дубовом кресле, обвалившись на его подлокотник, поэтому спину у меня свело, грудная клетка была сжата, а по ногам бегали мурашки.

Билли сидела в кровати. На ее лице цвета мела появились краски, но волосы еще больше поседели. Как бы там ни было, к ней вернулось привычное остроумие, и я счел это добрым знаком.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как развалина, – призналась она, показывая мне снова порозовевший язык. – Будь любезен, дай мне зеркало.

– Не думаю, что это удачная идея.

Но Билли настаивала, поэтому я был вынужден принести ей маленькое настенное зеркало, которое я снял в ванной.

Она с ужасом посмотрела на себя, приподняла волосы, разделила их на пробор, взъерошила, внимательно изучила корни, перепуганная тем, что за одну ночь ее дерзкая золотая шевелюра превратилась в волосы старушки.

– Как... как такое возможно? – спросила Билли, вытирая слезу, покотившуюся по щеке.

Я положил ей руку на плечо. Не в силах предоставить ни малейшего объяснения, я подбирал успокаивающие слова, когда дверь в палату открылась, впуская Мило в сопровождении доктора Филипсона.

С папкой под мышкой и с озабоченным выражением на лице врач коротко поприветствовал нас и надолго погрузился в изучение данных пациентки, вывешенных на листке в изножье кровати.

– Мы получили результаты большинства ваших анализов, мисс, – объявил он через несколько минут и посмотрел на нас. В его взгляде возбуждение смешивалось с недоумением.

Он вынул из кармана белый фломастер и установил небольшую прозрачную доску, которую принес с собой.

– Прежде всего, – начал Филипсон, нацарапав несколько слов, – черная, похожая на тесто субстанция, которой вас вырвало, – это действительно масляные чернила. Были обнаружены характерные следы красящих пигментов, полимеров, присадок и растворителя...

Врач не закончил фразу и обратился к Билли:

– Вы пытались отравиться, мисс?

– Ни в коем случае! – возмутилась Билли.

– Я задаю вам этот вопрос, потому что, сказать по чести, я не представляю, как вас могло вырвать этой субстанцией, если вы прежде не проглотили ее. Это не соответствует ни одной известной патологии.

– Что вы еще обнаружили? – спросил я, чтобы не топтаться на месте.

Мортимер Филипсон протянул каждому из нас по листку, заполненному цифрами и терминами, которые я слышал в «Скорой помощи» и «Анатомии страсти», но точное значение которых было мне неизвестно: гемограмма, анализ на общий белок, мочевины, креатинин, глюкоза, печеночные показатели, гемостаз...

– Как я и предполагал, анализ крови подтвердил наличие анемии, – объяснил врач, написав на доске новое слово. – Уровень гемоглобина в девять граммов на декалитр существенно ниже нормы. Это объясняет вашу бледность, усталость, головные боли, сердцебиение и головокружение.

– Эта анемия... Она о чем свидетельствует? – спросил я.

– Нужно будет сделать другие анализы, чтобы это выяснить, – объяснил Филипсон, – но в настоящий момент меня больше тревожит не это...

Я не отводил взгляда от результатов анализа крови и, ничего в этом не понимая, видел, что одна цифра явно ненормальная:

– Уровень сахара, вот что вас беспокоит, верно?

– Да, – кивнул Мортимер, – одна десятая грамма на литр – это неизвестная форма серьезной гипогликемии.

– Что значит «неизвестная»? – встревожилась Билли.

– Гипогликемия – это состояние, при котором у человека уровень сахара в крови слишком низкий, – кратко объяснил доктор. – В этом случае мозг не получает достаточного количества глюкозы, поэтому возникают головокружения, появляется чувство усталости, но ваш уровень сахара, мисс, не поддается пониманию...

– И что это значит?

– Это значит, что в данный момент, когда мы с вами разговариваем, вы должны были бы уже умереть или находиться в состоянии глубокой комы.

Голос Мило слился с моим:

– Должно быть, это ошибка!

Филипсон покачал головой:

– Мы трижды перепроверили анализ. Это непонятно, но не это самое загадочное.

Он снова снял колпачок с белого фломастера и оставил его устремленным в потолок.

– Сегодня ночью молодая женщина-интерн – она пишет под моим руководством докторскую диссертацию – взяла на себя инициативу и сделала спектрограмму. Этот метод позволяет идентифицировать молекулы по их массе и определить их химический состав...

– Понятно, переходите к сути, – прервал я его.

– Спектрограмма показала присутствие углеводов в ненормальном количестве. Чтобы вам было понятнее, мисс, скажу иначе: у вас в крови целлюлоза.

Он написал слово ЦЕЛЛЮЛОЗА на прозрачной доске.

– Как вам, несомненно, известно, – снова заговорил Филипсон, – целлюлоза – это главная составляющая дерева. В хлопке и бумаге она также содержится в большом количестве.

Я не понимал, к чему он клонит. Филипсон уточнил свою мысль, задав нам вопрос:

– Представьте, что вы проглотили ватные тампоны. Что, по-вашему, произойдет?

– Ничего страшного, – уверенно ответил Мило. – Они выйдут из нас естественным путем...

– Вот именно, – согласился с ним врач. – Целлюлоза не переваривается человеком. Именно этим мы отличаемся от травоядных животных, таких как коровы или козы, к примеру.

– Если я правильно поняла, – подала голос Билли, – человеческое тело обычно не содержит целлюлозы, следовательно...

– ...следовательно, – подхватил Филипсон, – с точки зрения биологии как науки ваше тело – не тело человека. Все выглядит так, словно часть вашего организма переходит в «растительное» состояние...

* * *

В палате надолго повисла тишина, и Филипсон не нарушал ее, как будто ему самому было трудно принять выводы исследований, которые он огласил.

В его папке оставался последний листок: результата анализа седых волос молодой женщины.

– В ваших волосах высока концентрация гидросульфита натрия и пероксида водорода, более известного под названием...

– ...перекиси водорода, – догадался я.

– Это вещество, – продолжил врач, – естественным образом вырабатывается в организме человека. В процессе старения именно оно отвечает за поседение волос, останавливая синтез пигментов, которые придают им цвет. Но обычно это очень медленный процесс, и я никогда не видел, чтобы волосы человека двадцати шести лет поседели за одну ночь.

– Это необратимо? – спросила Билли.

– Э... – замялся Мортимер, – иногда цвет частично восстанавливается после излечения некоторых заболеваний или прекращения агрессивного лечения, но я вынужден сказать, что это единичные случаи.

Он задумчиво и с неподдельным состраданием посмотрел на Билли и откровенно признал:

– Ваша патология явно находится за пределами моей компетенции и возможностей нашей маленькой клиники, мисс. Сегодня мы за вами наблюдаем, но я настоятельно рекомендую вам как можно быстрее вернуться на родину.

* * *

Час спустя

Мы остались в палате втроем. Выплакав все слезы, Билли в конце концов заснула. Развалившись на стуле, Мило приканчивал завтрак, от которого отказалась Билли, не отводя взгляда от доски, забытой доктором Филипсоном:

Красящие пигменты
Растворитель

Анемия
Целлюлоза

Перекись водорода
Гидросульфит натрия

– Кажется, я нашел зацепку, – сказал он, вскочив со стула.

Мило остановился перед доской, взял фломастер и нарисовал дугу, соединяя две первые строчки.

– Такие жирные и вязкие чернила, которыми вырвало твою подружку, используют в книгопечатании. А именно на тех станках, на которых печатают твои книги.

– Вот как?

– Целлюлоза – это главная составляющая древесины, согласен? А из древесины делают...

– Э... мебель?

– Бумажную массу, – поправил меня Мило, заканчивая аннотацию доктора Филипсона. – Что же касается перекиси водорода и гидросульфита натрия, то их используют для отбеливания...

– ...бумаги, верно?

Вместо ответа Мило повернул ко мне прозрачную доску:

– Сначала я не хотел верить тебе, Том, с этой твоей историей о героине романа, выпавшей из книги, но я вынужден признать очевидное: твоя подружка превращается в бумажный персонаж.

Мило постоял немного, устремив глаза в пространство, а потом закончил схему на доске:

– Мир вымысла снова вступает в свои права, – подвел черту мой друг.

Теперь он ходил по палате, размахивая руками. Никогда еще мне не доводилось видеть его таким взволнованным.

– Успокойся! – Я попытался остудить его пыл. – Что конкретно ты имеешь в виду?

– Это же очевидно, Том: Билли бумажная, она просто не может существовать в реальной жизни!

– Как рыба не может жить без воды...

– Вот именно! Вспомни фильмы нашего детства. Почему заболел инопланетянин из фильма Спилберга?

– Потому что он не мог долго оставаться вдали от своей планеты.

– Почему русалка из «Всплеска»^[64] не смогла остаться на земле? Почему человек не может жить в воде? Потому что каждый организм уникален и адаптируется не ко всем условиям.

Его рассуждения были верны, за одним только исключением.

– Билли провела со мной три дня, и уверяю тебя, что она изрыгала

огонь, и настоящая жизнь не была для нее неприятной. Почему она сломалась так внезапно?

– Это остается загадкой, – согласился Мило.

Он любил логику и здравый смысл. Нахмурившись, он снова сел на стул, скрестил ноги и снова погрузился в размышления.

– Надо вернуться к началу истории и проанализировать, – пробормотал мой друг, – как вымышленный персонаж смог проникнуть в нашу реальность.

– Но ведь я много раз говорил тебе: Билли выпала из строчки на середине незаконченной фразы. – Я объяснил это, используя те же самые слова, которые произнесла она во время нашей первой встречи.

– Ах да, тираж в сто тысяч книг, в которой не пропечаталась половина страниц! Да, это и есть «входная дверь». Кстати, я должен проверить, что их действительно уничто...

Мило остался сидеть с открытым ртом на середине фразы, потом схватил свой мобильный телефон. Я видел, что он просмотрел десятки сообщений в электронной почте, пока нашел нужное.

– В котором часу у Билли появились первые признаки недомогания? – спросил Мило, не отрываясь от экрана.

– Я бы сказал, что-то около полуночи. Я как раз вернулся в наши апартаменты.

– По нью-йоркскому времени это два часа ночи, так?

– Да.

– Тогда я точно знаю, что спровоцировало кризис, – утвердительно сказал он, передавая мне свой айфон.

На экране я увидел электронное письмо, которое отправил Мило мой издатель:

От кого: robert.brown@doubleday.com

Тема: Подтверждение – бракованный тираж уничтожен

Дата: 9 сентября 2010 02:03

Кому: milo.lombardo@gmail.com

Уважаемый господин Ломбардо!

Я подтверждаю полное уничтожение всего бракованного тиража специального издания второго тома «Трилогии ангелов» Тома Бойда путем дробления.

Количество уничтоженных экземпляров: 99 999

Уничтожение было проведено сегодня под контролем пристава с 20 часов до 2 часов утра на перерабатывающем заводе

«Шепард» в Бруклине, штат Нью-Йорк.
С наилучшими пожеланиями,

Р. Браун

– Ты обратил внимание на время отправления письма?
– Да, – кивнул я, – оно совпадает с началом болезни Билли.
– Билли *физически* связана с бракованными экземплярами, – твердо произнес Мило.

– И уничтожая их, мы убиваем ее!

Мы оба пребывали в крайнем возбуждении, напуганные нашим открытием. Мы чувствовали себя растерянными перед ситуацией, которую не контролировали.

– Если мы ничего не предпримем, она умрет.

– А что мы можем сделать? – спросил Мило. – Они уничтожили весь тираж.

– Нет, если бы это было так, Билли уже была бы мертва. Остается одна книга, которую не уничтожили.

– Тот самый экземпляр, который мне прислал издатель, а я отдал тебе! – воскликнул Мило. – Но что ты с ним сделал?

Мне пришлось порыться в памяти, чтобы вспомнить. Я вспомнил ту ночь, когда Билли появилась, мокрая, в моей кухне, потом следующее утро, до того момента, когда она показала мне татуировку, а потом...

Мне было трудно сосредоточиться. В моей голове всплывали картины и тут же исчезали: а потом... а потом... мы поссорились, и я в ярости швырнул роман в мусорное ведро в кухне!

– Мы и в самом деле в полном дерьме! – присвистнул Мило, когда я объяснил ему, где находится последний экземпляр.

Я потерял веки. У меня тоже начался жар. А все из-за вывиха, причинявшего мне почти нестерпимую боль; из-за армии мексиканцев, измолотивших меня в баре недалеко от мотеля; из-за моего тела, которое я пичкал лекарствами; из-за неожиданного удара кулаком в лицо; из-за внезапного и потрясающего поцелуя, который у меня украла девушка, опустошавшая мою жизнь...

Мучаясь мигренью, я представил внутренность моего черепа как земной шар, в котором бурлит раскаленная лава. Среди хаоса я увидел очевидное:

– Я должен позвонить моей домработнице и предупредить, чтобы она ни в коем случае не выбрасывала эту книгу, – сказал я Мило.

Он протянул мне свой телефон, и я сумел дозвониться до Терезы. К сожалению, пожилая женщина сообщила мне, что выбросила мусор еще два дня назад.

Мило сразу все понял и состроил гримасу. Где теперь роман? В центре сортировки отходов? Готов к сожжению или переработке? Может быть, кто-нибудь подобрал его? Нужно было начинать поиски, но это было все равно что искать иголку в стоге сена.

В любом случае, одно было ясно: действовать следовало быстро.

Потому что жизнь Билли теперь зависела всего лишь от одной книги.

27. Always on my mind^[65]

Любить кого-то – значит любить его счастье.

Франсуаза Саган

Билли все еще спала. Мило отправился предупредить Кароль. Мы договорились встретиться через два часа в библиотеке отеля и разработать план сражения. Проходя через холл, я наткнулся на Аврору, оплачивавшую счет у стойки администратора.

Волосы в искусном беспорядке, гламурные солнечные очки, стиль богемный и немного ретро: короткое платье, косуха «Перфекто», ботильоны на высоких каблуках. В руке она держала винтажную дорожную сумку. Для любой женщины это было бы «чересчур», но Аврора выглядела безупречно.

– Уезжаешь?

– Завтра вечером у меня концерт в Токио.

– В Киои-холле? – спросил я, сам удивленный тем, что я помню место, где она играла, когда я сопровождал ее в турне по Японии.

Взгляд Авроры зажегся:

– Ты помнишь тот старый «Плимут», который ты арендовал? Мы долго кружили по городу, чтобы найти зал, и я приехала за три минуты до начала моего выступления. Мне пришлось переводить дыхание на сцене, так я бежала!

– И все-таки ты хорошо сыграла.

– А после концерта мы ехали всю ночь, чтобы посмотреть «кипящую преисподнюю» в Беппу^[66]!

Воспоминания об этом эпизоде погрузили нас обоих в ностальгию. Да, и у нас были мгновения счастья и легкости, и не так давно...

Аврора нарушила наполовину неловкое, наполовину завораживающее молчание, извинившись за поведение Рафаэля Барроса. Она звонила мне ночью, чтобы узнать о моем самочувствии, но меня не было в номере. Пока посыльный занимался ее чемоданами, я коротко рассказал ей о том, что случилось с Билли. Она с интересом слушала меня. Я знал, что ее мать умерла в тридцать девять лет от поздно выявленного рака груди. После этой внезапной смерти Аврора стала не то чтобы ипохондриком, но очень

заботилась о своем здоровье и о здоровье своих близких.

– Кажется, твоя девушка серьезно больна. Как можно быстрее вези ее к компетентному врачу. Если хочешь, я могу тебе кое-кого порекомендовать.

– Да?

– Профессор Жан-Батист Клузо, он бесподобный диагност. Что-то вроде французского доктора Хауса. Он возглавляет кардиоцентр в Париже и большую часть времени посвящает созданию полностью искусственного сердца, но если ты придешь к нему от моего имени, профессор тебя примет.

– Он твой бывший любовник?

Аврора подняла глаза к небу:

– Профессор – настоящий меломан, он часто приходит на мои концерты в Париже. А когда ты его увидишь, то поймешь, что он далеко не Хью Лори! Но он гений.

Продолжая говорить, она включила свой «Блэкбери» и принялась искать среди контактов номер телефона врача.

– Я его тебе перешлю, – пообещала Аврора, садясь в машину.

Служащий закрыл дверцу, а я смотрел вслед автомобилю, удалявшемуся в направлении массивных ворот, охранявших въезд в комплекс. Но проехав метров пятьдесят, такси остановилось посередине аллеи, из него выпорхнула Аврора. Она вернулась, чтобы торопливо поцеловать меня, вынула из кармана цифровой плеер, надела на меня наушники и ушла.

Я чувствовал на губах вкус ее языка, в голове звучали музыка и слова песни, которую запрограммировала Аврора. Это была самая красивая композиция Элвиса, с которой я познакомил ее, когда мы были достаточно влюблены, чтобы дарить друг другу песни:

*Maybe I didn't treat you
Quite as good as I should have
Maybe I didn't love you
Quite as often as I could have
...
You were Always On My Mind
You were Always On My Mind*

* * *

*Возможно, я не всегда обращался с тобой
Так хорошо, как следовало.
Возможно, я не любил тебя
Так часто, как мог.
(Но) Я все время думал о тебе.
Я все время думал о тебе.*

28. Испытание

Читателя можно считать главным персонажем романа наравне с автором, без него ничего не получается.

Эльза Триоле^[67]

Удивительно, но в отеле оказалась замечательная библиотека!

Судя по всему, от щедрости эмира выиграла не только клиника. Больше всего поражали анахронизм и «элитарность» этого места: вполне можно было подумать, что находишься в читальном зале престижного англосаксонского университета, а не в библиотеке курортного клуба. Тысячи элегантно переплетенных томов выстроились на полках, опиравшихся на коринфские колонны. В этой уютной и интимной обстановке тяжелые резные двери, мраморные бюсты и старинные деревянные панели на стенах переносили вас на несколько веков назад. Единственной уступкой современности были компьютеры последней модели, стоявшие в шкафчиках орехового дерева.

Я был бы счастлив работать в таком месте, когда был подростком. В моем доме не было даже письменного стола. Я делал домашние задания, запершись в туалете, положив доску на колени вместо крышки стола и надев на голову строительную каску, чтобы заглушить вопли соседей.

Даже библиотекаря в круглых очках, мохеровом пуловере и юбке из шотландки производила впечатление человека, телепортированного из другой Вселенной. Пока я перечислял книги, которые я хотел бы посмотреть, она мне призналась, что я ее первый «читатель» за день:

– На отдыхе постояльцы отеля предпочитают пляж книгам Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Я улыбнулся, когда она принесла стопку книг и в качестве бонуса чашку горячего шоколада, сдобренного мексиканскими специями.

Чтобы читать при естественном освещении, я сел у больших окон рядом с небесной сферой Коронелли^[68] и без промедления принялся за работу.

Атмосфера располагала к работе. Тишину нарушало только шуршание переворачиваемых страниц и мягкое скольжение моей ручки по бумаге. На столе передо мной я открыл несколько справочных изданий, с которыми я познакомился во время учебы: «Что такое литература?» Жан-Поля Сартра, «Lector in fabula»^[69] Умберто Эко и «Философский словарь» Вольтера. За два часа я исписал заметками с десятков страниц. Я был в своей стихии: окруженный книгами, в мире душевного покоя и размышлений. Я снова чувствовал себя преподавателем литературы.

– Вау! Это же почти университет! – воскликнул Мило, некстати вваливаясь в торжественный зал.

Он поставил сумку рядом с креслами в стиле «чарльстон» и нагнулся к моему плечу.

– Ну как, нашел что-нибудь?

– Пожалуй, у меня есть план сражения, при условии, что ты согласишься мне помочь.

– Разумеется, я тебе помогу!

– Тогда нам надо распределить роли, – сказал я, надевая на ручку колпачок. – Ты возвращаешься в Лос-Анджелес и пытаешься найти последний бракованный экземпляр. Я знаю, что это невыполнимая миссия, но если его уничтожат, Билли умрет, в этом я уверен.

– А ты чем займешься?

– Собираюсь отвезти ее в Париж на консультацию к профессору, которого мне посоветовала Аврора, чтобы хотя бы попытаться замедлить болезнь, но главное...

Я собрал мои записи, чтобы объяснение было наиболее ясным.

– Главное?

– Я должен написать третий том моего романа, чтобы отправить Билли в мир вымысла.

Мило нахмурился:

– Не совсем понимаю, каким образом написание книги отправит Билли именно в ее мир?

Я взял мой блокнот и на манер доктора Филипсона попытался изложить основные пункты моего расследования.

– Реальный мир – это тот, в котором живем мы, ты, Кароль и я. Это настоящая жизнь, поле, на котором мы можем действовать и которое мы делим с себе подобными: с людьми.

– Пока я с тобой согласен.

– Мир вымысла, напротив, – это мир воображаемый, мир мечтаний. Он отражает субъективное восприятие каждого читателя. Именно там жила

Билли, – объяснял я, подкрепляя мою речь краткими записями:

– Продолжай, – потребовал Мило.

– Как ты сам сказал, Билли могла пересечь границу, разделяющую эти две модели, из-за типографского брака: в ста тысячах экземпляров моей книги не пропечаталась вторая половина страниц. Это то, что ты назвал «входной дверью»:

– Гм, гм, – одобрил Мило.

– Итак, в настоящий момент мы находимся рядом с Билли, умирающей в чужом для нее окружении.

– И единственный способ ее спасти, – подскочил он, – это найти бракованный экземпляр, чтобы она не умерла в реальной жизни...

– А потом отправить Билли в мир вымысла, написав третий том моей книги. Это будет для нее «дверь выхода» из реального мира.

Мило с интересом посмотрел на мою схему, но я ясно видел, что его что-то смущает.

– Ты все еще не понимаешь, как написание третьего тома поможет ей вернуться, так?

– Не совсем.

– ОК, ладно. Ты все поймешь. По-твоему, кто создает вымышленный мир?

– Ты! То есть я хотел сказать – писатель.

– Да. Но не он один. Я делаю только половину работы.

– А кто делает другую половину?

– Читатель...

Мило посмотрел на меня с еще более недоуменным видом.

– Посмотри, что написал Вольтер в 1764 году, – сказал я, передавая ему мои записи.

Он нагнулся над моими листками и прочитал вслух:

– «Самые полезные книги – это те, в которых читатели сами додумывают половину».

Я встал со стула и продолжил убежденно произносить мой доклад:

– По сути, что такое книга, Мило? Всего лишь буквы, выстроенные в определенном порядке на бумаге. Чтобы рассказ существовал, недостаточно финальной точки. В моих ящиках лежат начатые, но неопубликованные рукописи, но я считаю эти истории мертвыми, потому что их ни разу никто не прочел. Книга обретает плоть только во время чтения. Это читатель дает ей жизнь, создавая образы, которые и составят

тот вымышленный мир, где существуют персонажи.

Наш разговор прервала библиотечка, которой нечем было заняться. Она предложила Мило чашку шоколада со специями. Мой друг отпил глоток, потом заметил:

– Каждый раз, когда одна из твоих книг появляется в книжных магазинах и начинает жить самостоятельно, ты всегда говоришь мне, что больше она тебе не принадлежит...

– Правильно! Она принадлежит читателю, который принимает эстафету, делая персонажи своими и позволяя им жить в его голове. Иногда читатель интерпретирует по-своему некоторые пассажи, придавая им смысл, который я изначально в них не вкладывал, но в этом и заключается часть игры!

Мило внимательно слушал меня и одновременно писал в моем блокноте:

Я твердо верил в эту историю. Всегда думал, что произведение существует по-настоящему только благодаря отношениям с читателем. Я сам, с тех пор как научился читать, всегда старался максимально углубиться в вымышленный мир романов, которые мне нравились, предвкушая, выстраивая тысячу гипотез, стараясь опередить автора и продолжая в моей голове историю персонажей еще долго после того, как я перевернул последнюю страницу. Воображение читателя проникало в текст за границы слов и позволяло истории существовать в полной мере.

– Итак, если я правильно понял, с твоей точки зрения, писатель и читатель взаимодействуют, создавая вымышленный мир?

– Это не я говорю, Мило, а Умберто Эко! И Жан-Поль Сартр! – парировал я, протягивая ему раскрытую книгу, в которой я подчеркнул такую фразу: «Чтение – это пакт щедрости между автором и читателем; один доверяет другому, один рассчитывает на другого».

– А если конкретно?

– Конкретно: я начну писать новый роман, но только тогда, когда первые читатели откроют его для себя, вымышленный мир оживет, и Билли исчезнет из реального мира, чтобы вновь обрести свою жизнь в мире вымысла.

– Тогда я не могу терять ни минуты, – сказал Мило, устраиваясь перед экраном компьютера. – Я должен во что бы то ни стало отыскать последнюю бракованную книгу. Это единственный способ поддерживать жизнь Билли достаточно долго, чтобы у тебя было время написать новый роман.

Он открыл сайт «Мексикана Эйрлайнс».

– Есть рейс в Лос-Анджелес через два часа. Если я уеду немедленно, то буду в Макартур-парке к вечеру.

– Что ты собираешься там делать?

– Если ты рассчитываешь везти Билли в Париж, то ей понадобится фальшивый паспорт, и как можно быстрее. У меня остались кое-какие контакты, которые могут нам пригодиться...

– А твоя машина?

Мило открыл свою сумку-котомку, достал оттуда несколько пачек банкнот и разделил их на две равные части.

– Подручный Йошиды Мицуко приезжал за ней сегодня утром. Это все, что я смог за нее выручить, но эти деньги помогут нам продержаться несколько недель.

– А после этого нам придется скрестить по сусекам.

– Да, и учитывая суммы, которые мы должны налоговым службам, ставлю тебя в известность, что мы в долгах на двадцать лет вперед...

– Об этом ты забыл мне рассказать, да?

– Думал, что ты и сам все понял.

Я постарался не драматизировать ситуацию:

– Мы пытаемся спасти жизнь, а это самая благородная вещь на свете, разве нет?

– Безусловно, – ответил Мило, – но эта девушка, Билли, она того стоит?

– Она из «наших», – сказал я, подбирая слова. – Мне кажется, что она могла бы принадлежать к нашей «семье», той, которую выбрали мы: ты, Кароль и я. Потому что в глубине души я знаю, что, по сути, она не слишком отличается от нас: под ее панцирем скрывается чувствительное и щедрое существо. Грубиянка с чистым сердцем, достаточно помятая жизнью.

Мы обнялись на прощание. Мило обернулся уже с порога:

– Так новый роман... Ты сможешь его написать? Я считал, что ты не в состоянии соединить и трех слов.

Я посмотрел через окно на небо. Большие серые облака закрывали горизонт, придавая этому месту сходство с английской деревней.

– Есть ли у меня выбор? – спросил я, закрывая блокнот.

29. Когда мы вместе

Ночью мне стало холодно, я встал, чтобы пойти и накрыть его вторым одеялом.

Ромен Гари

Аэропорт Шарль де Голль. Воскресенье, 12 сентября

Водитель такси подхватил сумку Билли и уверенно поставил ее в багажник, по дороге раздавив мешок с моим компьютером. В салоне «Приуса-гибрида» радио орало с такой силой, что мне пришлось трижды повторить адрес таксисту.

Машина выехала из терминала и очень быстро застряла в пробке на внешних бульварах.

– Добро пожаловать во Францию, – сказал я, подмигнув Билли.

Она пожала плечами:

– Тебе не удастся испортить мне удовольствие. Я мечтала увидеть Париж!

После нескольких километров пробок такси выехало к воротам Майо, а потом свернуло на авеню Де ля Гранд-Арме и проехало до круглой площади на Елисейских полях. Билли словно ребенок сидела с открытым ртом, по очереди открывая для себя Триумфальную арку, «самую красивую улицу в мире» и прекрасную до головокружения площадь Согласия.

Хотя я много раз бывал в Париже с Авророй, нельзя сказать, что я знал его хорошо. Всегда между двумя концертами и двумя самолетами Аврора была кочевницей, и у нее так и не нашлось времени, чтобы показать мне город, в котором она родилась. Мои визиты никогда не длились больше двух-трех дней подряд, которые мы обычно проводили, запершись в ее прекрасной квартире на улице Лас Касес около базилики Святой Клотильды. Поэтому в столице Франции я знал только улицы шестого и седьмого округов и с десятков ресторанов и модных галерей, куда меня водила Аврора.

Такси пересекло Сену, оказалось на левом берегу и свернуло на уровне набережной Орсэ. Заметив колокольню и контрфорсы церкви Сен-Жермен-де-Пре, я догадался, что мы уже не так далеко от меблированной квартиры, которую я арендовал через интернет из Мексики. В самом деле, повернув еще несколько раз, водитель высадил нас у дома номер пять на площади

Фюрстемберг, маленькой и совершенно круглой. Окруженная старинными магазинчиками, она определенно была прелестнейшей из тех, что мне доводилось видеть.

В центре площади на небольшом возвышении четыре высокие павлонии окружали фонарный столб с пятью круглыми светильниками. Солнце отражалось от голубых крыш из кровельного сланца. Затерянное среди узких улочек, вдали от суеты бульвара, место было романтичным островком вне времени, сошедшим прямиком с рисунков Пейне.

* * *

Когда я пишу эти строки, прошло уже больше года после того утра, но воспоминание о Билли, выходящей из такси и смотрящей вокруг широко распахнутыми восхищенными глазами, все еще живо в моей памяти. Тогда я еще не знал, что недели, которые мы собирались прожить вместе, будут одновременно самыми болезненными и самыми прекрасными в нашей жизни.

* * *

Женское общежитие. Кампус университета Беркли. Калифорния

– Тебе посылка! – закричала Ю Чан, входя в комнату, которую она делила с Бонни Дель Амико с начала занятий в университете.

Сидевшая за своим письменным столом Бонни подняла глаза от компьютера, поблагодарила свою соседку по комнате и снова погрузилась в шахматную партию.

Это была совсем еще юная девушка с темными, коротко стриженными волосами и открытым лицом, еще сохранившим детскую округлость. Но по сосредоточенному и серьезному взгляду было понятно, что, несмотря на юный возраст, ее жизнь не всегда была легкой.

Осеннее солнце проникало через окно, освещая стены комнатухи, завешанные разнообразными афишами, выдававшими страсть обеих девушек: Роберт Паттинсон, Кристен Стюарт, Альбер Эйнштейн, Обама и далай-лама.

– Ты не откроешь? – спросила китайка через несколько минут.

– Угу... – рассеянно пробормотала Бонни. – Сейчас, только задам взбучку этой машине.

Бонни сделала рискованный ход, передвинув своего офицера на D4 в надежде взять слона своего противника.

– А вдруг это подарок от Тимоти? – предположила Ю Чан, рассматривая пакет. – Этот парень просто без ума от тебя.

– Угу... – повторила Бонни. – Мне на Тимоти наплевать.

Компьютер ответил на ее ход королевой.

– Тогда я его открываю! – решила китаянка.

Не дожидаясь согласия соседки, она разорвала пакет и увидела большую книгу в обложке из зерновой кожи: «Том Бойд «Трилогия ангелов» – Второй том».

– Это роман, который ты по случаю купила в интернете, – с некоторым разочарованием протянула она.

– Угу... Угу... – отозвалась Бонни.

Теперь ей нужно было защитить офицера, но при этом не отступить. Она кликнула «мышкой», чтобы сделать ход пешкой, но, увлеченная игрой, слишком быстро отпустила фигуру.

Все кончено...

Слова «ШАХ» и «МАТ»! замигали на экране. Снова эта проклятая железка ее обыграла!

«Не слишком хорошее предзнаменование», – подумала Бонни, выключая компьютер.

На следующей неделе ей предстояло защищать честь своего университета на чемпионате мира для игроков моложе восемнадцати лет. Соревнования должны были пройти в Риме, это ее радовало и одновременно пугало.

Девушка бросила взгляд на настенные часы в виде солнца и поторопилась собрать вещи. Схватив роман, только что полученный по почте, она сунула его в свой рюкзак. Чемодан для поездки в Рим она соберет позже.

– *Addio, amica mia!*^[70] – бросила она Ю Чан, выходя из комнаты.

Она сбежала по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и понеслась на вокзал, чтобы успеть на BART, местную скоростную электричку, которая соединяла Беркли с Сан-Франциско, пересекая залив в сорока метрах над водой. В поезде она прочла первые три главы романа, потом вышла на станции Эмбаркадеро и пересела в трамвай на Калифорния-стрит. Забитый туристами трамвай пересек Ноб-Хилл и миновал собор Милости господней. Девушка вышла из деревянного вагона через два квартала и направилась в отделение онкологии больницы

«Ленокс», где она работала волонтером два раза в неделю. Она входила в состав ассоциации, которая развлекала пациентов трудовой или художественной деятельностью. Бонни с душой относилась к этой работе, так как два года была рядом со своей матерью Мэллори, умершей от рака несколькими годами ранее. Бонни уже училась в университете, но ей было всего лишь шестнадцать лет. Обычно молодых людей этого возраста не допускают к подобной работе. К счастью, Эллиотт Купер, врач, наблюдавший ее мать в последние дни, закрывал глаза на присутствие Бонни в больнице.

– Здравствуйте, миссис Кауфман! – весело поздоровалась Бонни, входя в одну из палат на третьем этаже.

При одном только появлении девушки лицо Этель Кауфман просветлело. Пожилая женщина постоянно отказывалась от участия в сеансах рисования, живописи или салонных игр, которые устраивала ассоциация. Не приходила она и на выступления клоунов или кукольников, которые она считала глупыми и отупляющими. Этель Кауфман хотела, чтобы ей дали спокойно умереть, и больше ничего. Но Бонни была другой. У этой юной девушки был характер, в ней сочетались искренность и ум, и это не оставило Этель равнодушной. Женщины несколько недель приручали друг друга, но теперь их встречи два раза в неделю стали необходимыми для них обеих. Как это уже вошло у них в привычку, они сначала поболтали несколько минут. Этель спросила Бонни об учебе в университете и предстоящем шахматном турнире, потом девушка вынула из рюкзака книгу.

– Сюрприз! – пропела она, показывая красивый том. У Этель было неважное зрение, и Бонни с удовольствием ей читала. За прошедшие несколько недель они обе увлеклись интригой «Трилогии ангелов».

– Я не смогла устоять и прочла первые главы, – призналась Бонни. – Сейчас я вам кратко перескажу их содержание и начну читать дальше, согласны?

* * *

**«The Coffee Bean & Tea Leaf»^[71]. Маленькое кафе в Санта-Монике.
10 часов утра**

– По-моему, я что-то нашла! – воскликнула Кароль.

Склонившись над своим ноутбуком, молодая женщина-полицейский подключилась к интернету через вай-фай в кафе.

С кружкой карамельного латте в руке, Мило придвинулся к экрану.

Имея коды доступа к различным поисковым ресурсам, Кароль в конце концов нашла страницу на eBay, где был выставлен на продажу тот единственный экземпляр, который они искали.

– Невероятно! – воскликнул Мило, выливая половину кофе себе на рубашку.

– Ты в самом деле думаешь, что этот тот самый?

– Никаких сомнений, – отрезал он, разглядывая фото. – После уничтожения тиража такая обложка из кожи существует в единственном экземпляре.

– К сожалению, книга уже продана, – расстроилась Кароль.

Роман выставили на продажу на eBay.com несколькими днями раньше, и за смехотворную сумму в 14 долларов на него мгновенно нашелся покупатель.

– Но мы можем все же попытаться связаться с продавцом, чтобы узнать имя покупателя, – продолжила она.

Сопровождая слова действием, Кароль кликнула «мышкой», чтобы увидеть профиль продавца: *annaboro73* зарегистрировалась полгода назад и имела положительную оценку.

Кароль отправила электронное письмо, в котором объяснила, что ей необходимо установить контакт с человеком, купившим эту книгу. Они прождали добрых пять минут, надеясь на мгновенный ответ и не веря в такое везение, пока Мило не потерял терпение и не отправил еще одно письмо, более подробное и включавшее в себя обещание вознаграждения в тысячу долларов.

– Я должна вернуться на службу, – сказала Кароль, посмотрев на часы.

– А где твой напарник?

– Он болен, – ответила она, выходя из кафе.

Мило последовал за ней и уселся рядом в полицейской машине.

– Ты не имеешь права находиться здесь! Я на службе, и это патрульная машина.

Мило сделал вид, что не слышит, и продолжил разговор:

– Какой псевдоним у продавца?

– *annaboro73*, – ответила Кароль, заводя мотор.

– Так, Анна – это ее имя, согласна?

– Это кажется логичным.

– Боро – это фамилия. Она написала просто Боро, не Бор, что довольно обычно. И это наводит на мысль о сокращенной немецкой фамилии.

– Скорее польской... Что-то вроде Боровски, нет?

- Да, точно.
- А цифра? Думаешь, она соответствует году рождения?
- Вполне вероятно, – сказал Мило.

На своем телефоне он уже открыл сайт справочника, но только в районе Лос-Анджелеса нашлось больше десятка Анн Боровски.

- Передай мне рацию, – потребовала Кароль, выполняя вираж.

Мило снял микрофон и не смог удержаться от небольшой импровизации:

- Алло, Земля, говорит капитан Кирк с борта корабля «Энтерпрайз»^[72], прошу разрешения сесть на базе.

Кароль потрясенно посмотрела на него:

- Ты что? Это же смешно!
- Да, Мило, когда тебе восемь лет – это смешно...

Она отобрала у него микрофон и заговорила спокойно и уверенно:

- Алло, центральная, говорит сержант Альварес, личный номер 364B1231. Необходим адрес некой Анны Боровски семьдесят третьего года рождения.

- ОК, сержант, считайте, что он уже у вас в кармане.

* * *

Париж. Сен-Жермен-де-Пре

Наша двухкомнатная меблированная квартира располагалась на последнем этаже небольшого белого здания, выходившего на тенистую маленькую площадь. Мы сразу почувствовали себя «дома».

- Прогуляемся? – предложила Билли.

Воздух Парижа явно пошел ей на пользу. Конечно, ее волосы оставались седыми, а лицо было бледным, но она как будто чувствовала себя крепче.

- Позволь тебе напомнить, что мне нужно написать пятьсот страниц...
- Какой пустяк! – пошутила она, подходя к окну и подставляя лицо солнечным лучам.

- Что ж, тогда прогуляемся, но быстро. Только чтобы показать тебе квартал.

Пока я надевал пиджак, Билли немного припудрилась.

И мы отправились.

Как туристы, какими мы, собственно, и были, мы сначала прошлись по узким улицам Сен-Жермена, останавливаясь перед каждой витриной

книжного или антикварного магазина, читали меню возле каждого кафе, рылись в металлических ящиках букинистов на берегу Сены.

Роскошные бутики мало-помалу вытесняли из квартала культуру, но его дух сохранял нечто магическое. В этом лабиринте улочек воздух был особым, все дышало любовью к книгам, поэзии и живописи. Каждая улица, каждый дом на нашем пути свидетельствовали о богатом культурном прошлом. В «Прокопе»^[73] работал Вольтер, Верлен приходил туда выпить абсента. Мастерская Делакура находилась на площади Фюрстемберг. Расин жил на улице Висконти. Бальзак разорился, открыв здесь типографию. Оскар Уайльд умер в одиночестве и нищете в жалкой гостинице на улице Бозар. Пикассо написал «Гернику» на улице Гранз-Огюстен. Майлз Дэвис играл на улице Сен-Бенуа, а Джим Моррисон жил на улице Сены...

Пьянящий перечень...

Билли сияла, кружилась на солнце, держа в руке путеводитель, стараясь ничего не пропустить.

В полдень мы сели отдохнуть на террасе кафе. Я пил один за другим эспрессо по-итальянски и наблюдал, как улыбающаяся Билли наслаждается творогом с медом и гренками с малиной. Между нами что-то изменилось. Наша взаимная агрессия испарилась, уступив место ощущению сопричастности. Мы стали союзниками и полностью осознавали, что моменты, проведенные вместе, были наперечет, что существующее положение вещей хрупко и что в наших общих интересах заботиться друг о друге.

– Идем туда, посмотрим вон ту церковь! – предложила Билли, указывая на колокольню Сен-Жермен.

Пока я доставал бумажник, чтобы расплатиться по счету, Билли допила последний глоток горячего шоколада и встала. Как ребенок, которому не терпится напроказничать, она поспешила пересечь улицу, не замечая приближавшейся машины.

И вдруг Билли упала посреди мостовой.

* * *

Сан-Франциско.

Больница «Ленокс»

Бонни разочарованно перелистала страницы романа и убедилась в том, что они пустые.

– Боюсь, миссис Кауфман, сегодня нам с вами не удастся узнать конец

истории.

Этель нахмурилась и внимательнее посмотрела на книгу. Текст резко обрывался на странице 266 в середине фразы, которая осталась незаконченной.

– Явный типографский брак. Ты должна вернуть ее в книжный магазин.

– Я купила книгу через интернет!

– Что ж, тебя обманули.

Раздосадованная, Бонни почувствовала, как румянец заливает ей щеки. Обидно. Книга была увлекательной, да и иллюстрации, нарисованные акварелью, были выполнены очень тщательно.

– За стол! – оповестил служащий, толкая дверь палаты и внося поднос с едой.

Как и каждый раз, когда Бонни приходила в больницу, она имела право на свою порцию. В меню: овощной суп, салат из брюссельской капусты и свежая отварная треска.

Бонни стиснула зубы и заставила себя проглотить несколько ложек. Ну почему рыба плавает в воде? Ну почему у супа с зеленой фасолью такой странный коричневатый цвет? И винегрет без соли... брр.

– Не так уж ужасно, да? – вздохнула миссис Кауфман.

– Что-то между откровенно отвратительным и просто гнусным, – согласилась Бонни.

Пожилая женщина еле заметно улыбнулась.

– Я бы дорого отдала за хорошее шоколадное суфле. Водится за мной такой грешок.

– А я его никогда не пробовала! – воскликнула Бонни, облизывая губы.

– Давай я напишу тебе рецепт, – предложила Этель. – Дай-ка мне ручку и эту книгу! Пусть она хоть на что-то сгодится.

Пожилая женщина открыла роман и на первой же чистой странице вывела своим каллиграфическим почерком:

Шоколадное суфле

200 г темного шоколада;

50 г сахара;

5 яиц;

30 г муки;

500 мл молока средней жирности.

1) Разломать шоколад на кусочки и растопить его на водяной бане...

* * *

Париж. Сен-Жермен-де-Пре

– Открой глаза!

Тело Билли лежало посреди дороги.

«Рено Клио» затормозил вовремя, чтобы не наехать на нее. Движение на улице Бонапарта встало, и вокруг молодой женщины уже начала собираться толпа.

Я наклонился над ней и чуть приподнял ей ноги, чтобы кровь прилила к голове. Я повернул голову Билли набок и растянул на ней одежду, в точности следуя рекомендациям, которые мне дал доктор Филипсон. Наконец, Билли пришла в себя, на ее лицо вернулись краски. Короткий, но сильный приступ был похож на тот, который случился с ней в Мексике.

– Не спеши радоваться, я еще не умерла, – прошептала она.

Я сжал ее запястье. Пульс был все еще слабым, дышала она с трудом, а на лбу блестели капельки пота.

Профессор Клузо, врач, которого мне рекомендовала Аврора, ждал нас на другой день. Я от всего сердца надеялся, что его компетенция соответствует его репутации.

* * *

Лос-Анджелес

– Откройте, полиция!

Через глазок Анна рассматривала офицера полиции, барабанившего в ее дверь.

– Я знаю, что вы там, миссис Боровски! – крикнула Кароль, показывая свой значок.

Смирившись, Анна отодвинула задвижку и высунула голову в приоткрытую дверь.

– Что вам нужно?

– Все лишь задать вам несколько вопросов по поводу книги, которую вы продали через интернет.

– Я ее не украла! – ответила Анна. – Я нашла книгу в мусорном баке, только и всего.

Кароль посмотрела на Мило, и тот принял эстафету.

– Необходимо, чтобы вы дали адрес человека, которому вы ее продали.

- Мне кажется, это студентка.
- Студентка?
- Во всяком случае, она живет в кампусе университета Беркли.

* * *

Сан-Франциско. Больница «Ленокс». 16 часов

Этель Кауфман никак не могла уснуть. Когда Бонни ушла после обеда, она все ворочалась с боку на бок. Что-то было не так. То есть если не считать рака, съедавшего ее легкие...

Все дело было в книге. Или, скорее, в том, что она написала на ее пустых страницах. Этель привстала и взяла роман с прикроватной тумбочки, чтобы открыть его на той странице, где она каллиграфическим почерком написала рецепт своего детства. Откуда вдруг этот приступ ностальгии? Или всему виной неизбежность смерти, которая с каждым днем становилась все ближе? Возможно.

Ностальгия... Этель терпеть ее не могла. Дорога жизни была такой быстрой, что она решила никогда не оглядываться назад. Этель всегда жила настоящим, стараясь абстрагироваться от прошлого. Она не хранила воспоминания, не праздновала годовщины, переезжала каждые два-три года, чтобы не привязываться ни к вещам, ни к людям. Для нее это всегда было залогом выживания.

Но теперь прошлое постучало в дверь. Этель с трудом встала и сделала несколько шагов до металлического шкафа, где лежали ее вещи. Она достала чемоданчик из жесткой кожи с застежкой-молнией, который ей принесла ее племянница Катя во время последнего посещения. В нем были вещи, которые Катя нашла, очищая дом своих родителей перед тем, как выставить его на продажу.

Первое фото было датировано мартом 1929 годом. На снимке влюбленная чета гордо позировала со своими тремя детьми. Этель на руках у матери, а ее брат и сестра, близнецы четырьмя годами старше, возле отца. Красивая одежда, искренние улыбки, настоящее содружество: от этого снимка исходили семейная любовь и нежность. Этель отложила его в сторону на постель. Она не видела его несколько десятилетий.

Следом она достала пожелтевший журнал, иллюстрированный многочисленными фотографиями 1940-х годов: нацистская форма, колючая проволока, варварство... Журнал напомнил Этель ее собственную историю. Ей едва исполнилось десять лет, когда она приехала в США с братом. Они

сумели выбраться из Кракова как раз перед тем, как немцы превратили часть города в гетто. Их сестра должна была присоединиться к ним позже, но ей не повезло: она умерла от тифа в Плашуве^[74]. Не повезло и их родителям, которые умерли в концентрационном лагере Бельжец.

Этель продолжила свое возвращение в прошлое. Она достала черно-белую почтовую открытку с изображением балерины, элегантно танцевавшей на пуантах. Это была она, в Нью-Йорке. Этель провела там всю юность в семье родителей матери, которые сумели разглядеть и поощрить ее способности к танцам. Очень быстро она заявила о себе, и ее приняли в «Балет города Нью-Йорка», труппу, только что созданную Джорджем Баланчиным.

«Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта», она станцевала ведущие партии в самых известных балетах. В двадцать восемь лет Этель пришлось отказаться от балета. Неудачно сросшийся перелом оставил ей некрасивую хромоту.

От ощущения потери у нее по коже побежали мурашки. За почтовой открыткой она нашла программку нью-йоркского спектакля. После несчастного случая она стала преподавать балет в Школе американского балета, одновременно участвуя в постановке сцен в некоторых музыкальных комедиях на Бродвее.

Еще одно фото, такое же болезненное, даже спустя десятилетия. Это был снимок подлого любовника. Мужчина, десятью годами моложе ее, в которого она влюбилась в тридцать пять лет. Страстная история, несколько часов эйфории, стоивших ей долгих лет страданий и разочарований.

А потом...

А потом кошмар...

Кошмар, который начинается со следующего снимка, немного размытого. Она сфотографировала себя сама, глядя в зеркало. На этом фото хорошо виден ее округлившийся живот.

Почти в сорок лет, когда Этель этого уже не ждала, она забеременела. Подарок судьбы, который она приняла с бесконечной благодарностью. Никогда она не была так счастлива, как в первые шесть месяцев своей беременности. Разумеется, была и тошнота, и усталость, но малыш, который рос у нее в животе, преобразил ее.

Однажды утром, на три месяца раньше срока, у нее без всякой видимой причины отошли воды. Ее отвезли в больницу, где провели все необходимые исследования. Этель удивительно отчетливо все это помнила. Малыш по-прежнему оставался у нее в животе. Она чувствовала, как он бьет ножкой, слышала, как бьется его сердечко. Потом дежурный гинеколог

сказал ей, что околоплодный пузырь лопнул и без амниотической жидкости ребенок не может жить. Плацента высохла, поэтому необходимо вызвать роды. А потом была та ужасная ночь, когда она родила ребенка, заранее зная, что он не выживет. Промучившись несколько часов, она дала не жизнь, а смерть.

Этель смогла увидеть его, прикоснуться, поцеловать. Он был таким маленьким, но таким красивым. В момент родов она еще не решила, как назвать своего сына. Мысленно она называла его *бамбино, мой бамбино*.

Бамбино прожил минуту, а потом его сердце остановилось. Этель никогда не забудет эти шестьдесят секунд своего материнства. Нереальные шестьдесят секунд. После этого она уже больше не жила. Она лишь делала вид. В эту минуту сгорели и ее свет, и ее радость, и ее вера. Весь тот огонь, который еще оставался в ней, угас вместе с ее бамбино.

Слезы текли по щекам старой женщины и капали на маленький плотный конверт из перламутровой бумаги. Этель, дрожа, открыла его и достала прядь волос бамбино. Она долго плакала, но эти слезы освободили ее от той тяжести, которую она столько лет носила в себе.

Этель почувствовала себя очень усталой. Прежде чем снова лечь в постель, она, повинаясь внезапному вдохновению, наклеила фотографии, статью из журнала, открытку и прядь волос на пустые страницы книги. Резюме главных моментов ее жизни заняло с десяток страниц.

Если бы нужно было начать все сначала, изменила бы она что-то в своей жизни? Этель отмахнулась от этого вопроса. Он не имел никакого смысла. Жизнь – это не видеоигра с большим числом вариантов, из которых можно выбирать. Время проходит, ты проходишь вместе с ним, чаще поступая так, как можешь, чем так, как хочешь. Остальное делает судьба, а удача вносит в это свою лепту. И все.

Этель убрала книгу в большой крафтовый конверт, позвала дежурную медсестру и попросила ее передать этот пакет Бонни Дель Амико, когда та в следующий раз придет в больницу.

* * *

Женское общежитие. Кампус университета Беркли. 19 часов

– Не ешь в Риме слишком много тирамису! – коварно посоветовала Ю Чан. – В нем не меньше миллиарда калорий, а ты в последнее время немного поправилась, верно?

– За меня не беспокойся, – парировала Бонни, застегивая чемодан. –

Насколько я успела понять, парням это нравится...

Она посмотрела в окно. Уже стемнело, но она увидела огни заказанного ею такси.

– Все, я пошла.

– Смелей! Устрой взбучку этим мужикам! – подбодрила ее китаянка.

Бонни спустилась по лестнице и отдала багаж таксисту. Тот погрузил его в машину.

– Вы едете в аэропорт, мисс?

– Да, но сначала мне бы хотелось ненадолго заехать в больницу «Ленокс».

В пути Бонни погрузилась в свои мысли. Откуда эта потребность немедленно увидеть миссис Кауфман? Когда они расстались в полдень, Этель выглядела уставшей и немного грустной. Старушка слишком торжественно сказала ей «до свидания» и настояла на том, чтобы поцеловать ее, что было совсем на нее не похоже.

Как будто они виделись в последний раз...

Такси остановилось у входа.

– Я оставлю сумку, ладно? Мне нужно всего пять минут.

– Не спешите. Я поставлю машину на стоянку.

* * *

Женское общежитие. Кампус университета Беркли. 19 часов 30 минут

– Откройте, полиция!

Ю Чан подскочила. Она воспользовалась отсутствием своей соседки по комнате, чтобы порыться в ее компьютере и постараться прочесть письма. На несколько секунд она запаниковала, решив, что камера видеонаблюдения, спрятанная в комнате, ее выдала.

Китаянка торопливо выключила монитор и открыла дверь.

– Я сержант полиции Кароль Альварес, – представилась Кароль, отлично зная, что у нее нет никаких прав действовать на территории университетского кампуса.

– Мы хотели бы поговорить с Бонни Дель Амико, – сообщил Мило.

– Вы с ней чуть-чуть разминулись, – с облегчением ответила Ю Чан. – Она только что уехала в аэропорт. Бонни участвует в шахматном турнире в Риме.

В Риме! Вот дерьмо!

– У вас есть номер ее мобильного телефона? – спросил Мило.

* * *

Парковка больницы «Ленокс». 19 часов 43 минуты

На заднем сиденье такси в глубине сумки из лоскутов раздался звонок телефона Бонни. Он звонил весьма настойчиво, но таксист его даже не услышал. Дожидаясь пассажирку, он включил на полную мощность радио и слушал трансляцию бейсбольного матча.

В здании больницы Бонни вышла из лифта и неслышно пошла по коридору.

– Часы посещений давно закончились, мисс! – остановила ее медсестра.

– Я... я хотела повидать миссис Кауфман перед отъездом за границу.

– Гм... Вы же волонтер, верно?

Бонни кивнула.

– Этель Кауфман уснула, но она оставила кое-что для вас.

Немного разочарованная, Бонни прошла за женщиной в белом до поста медсестры и получила пакет, в котором была книга.

Вернувшись в такси, по дороге в аэропорт, девушка с удивлением рассматривала фотографии и пояснения, написанные старой женщиной. Эмоции переполняли Бонни, и ей даже в голову не пришло проверить свой телефон.

* * *

***Международный аэропорт Сан-Франциско. Взлетная полоса № 3.
Рейс 0966. 21 час 27 минут***

«Добрый вечер, дамы и господа.

Говорит старший стюард. Я рад приветствовать вас на борту нашего самолета «Боинг 767», направляющегося в Рим. Время в полете тринадцать часов и пятьдесят пять минут. Посадка закончена. На спинке сиденья перед вами вы найдете инструкцию по безопасности, которую мы просим вас внимательно прочесть. А сейчас стюардессы и стюарды продемонстрируют вам...»

* * *

Международный аэропорт Сан-Франциско. Зал вылетов. 21 час 28 минут

– Рейс в Рим? Сожалею, но мы только что закончили посадку, – объявила служащая авиакомпании за стойкой регистрации, глядя на экран.

– Не может быть! – вышла из себя Кароль. – Мы никогда не получим эту проклятую книжку. Попробуй позвонить этой девушке!

– Я уже оставил ей два сообщения, – буркнул Мило. – Она наверняка отключила звук на своем телефоне.

– Пожалуйста, попробуй еще раз.

* * *

Взлетная полоса № 3. Рейс 0966. 21 час 29 минут

«Самолет готовится к взлету. Просим вас пристегнуть ремни безопасности, поднять спинки сидений и отключить мобильные устройства. Напоминаем вам, что это рейс для некурящих и что курить в туалетах строго запрещается».

Бонни застегнула ремень безопасности и порылась в сумке, чтобы достать подушку, маску для сна и книгу. Выключая телефон, она заметила, что мигает красный сигнал, сообщая о полученных голосовых или СМС-сообщениях. Девушка хотела уже их проверить, но неодобрительный взгляд стюардессы заставил ее передумать.

* * *

Париж. Полночь

Гостиную нашей квартиры освещал приглушенный свет десяти свечей. Вечер прошел спокойно, и Билли заснула на диване. А я с волнением включил ноутбук и запустил старую программу с текстовым редактором. Страшная белая страница появилась на экране, а следом за ней – тошнота, тревога и паника, которые, к несчастью, были мне хорошо знакомы.

Заставь себя!

Заставь себя!

Нет.

Я встал со стула, подошел к дивану и поднял Билли на руки, чтобы отнести в спальню. В полусне она пробормотала, что слишком тяжелая, но не стала сопротивляться. Ночь была прохладной, от радиатора отопления шло лишь слабое тепло. Я нашел в шкафу еще одно одеяло и укутал Бонни словно ребенка.

Я собирался закрыть дверь, когда услышал, как она сказала мне:

– Спасибо.

Я закрыл шторы, чтобы защитить ее сон от уличного освещения, и мы оказались в темноте.

– Спасибо, что заботишься обо мне. До тебя этого никто никогда не делал.

* * *

«До тебя этого никто никогда не делал».

Фраза еще звучала в моей голове, когда я снова сел за письменный стол. С экрана мне презрительно подмигивал курсор.

Откуда берется вдохновение? Классический вопрос, который чаще всего задавали читатели и журналисты, и, честно сказать, я никогда не мог ответить на него серьезно. Писательство предполагает аскетическую жизнь: на то, чтобы написать четыре страницы в день, у меня уходило пятнадцать часов. Никакого волшебства, никакого секрета, никакого рецепта. Мне просто нужно было отрезать себя от мира, сесть за письменный стол, надеть наушники, включить классическую музыку или джаз и запастись немалым количеством капсул для кофемашины. Иногда в хорошие дни все складывалось, и я мог сразу написать десяток страниц. В такие благословенные периоды мне удавалось убедить себя, что истории уже существовали где-то на небесах, и голос ангела диктовал мне, что я должен написать. Но такие моменты случались редко, и задача написать пятьсот страниц за несколько недель казалась мне просто-напросто невозможной.

«Спасибо, что заботишься обо мне».

Тошнота прошла. Тревога сменилась волнением. Волнением актера перед выходом на сцену.

Я положил пальцы на клавиатуру, и они пришли в движение почти помимо моей воли. Первые строчки появились словно по волшебству.

Сколько бостонцы себя помнили, никогда еще не было такой холодной зимы. Уже больше месяца город сгибался под снегом и инеем. В кафе разговоры все чаще вертелись вокруг якобы потепления климата, о котором средства массовой информации прожужжали нам все уши. «Рассказывай! Вранье это все!»

В своей маленькой квартирке в Южном Бостоне Билли Донелли спала беспокойным сном. До этого момента жизнь никогда не была добра к ней. Билли пока еще об этом не знала, но все должно было вот-вот измениться».

Есть, начало положено.

Я сразу понял, что чувства, которые я испытывал к Билли, сняли с меня проклятие. Появившись в реальности, она сумела найти ключ к замку, который запирал мой мозг.

Чистая страница больше не пугала меня.

Я принялся печатать и проработал всю ночь.

* * *

Рим. Аэропорт Фьюмичино. Следующий день

«Дамы и господа, говорит командир корабля. Наш самолет только что приземлился в аэропорту Фьюмичино в Риме. Температура за бортом плюс шестнадцать градусов Цельсия. Просим извинить нас за небольшое опоздание. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах и не расстегивайте ремни безопасности до полной остановки самолета. Следите, пожалуйста, чтобы ваши вещи не упали, когда вы будете открывать ящики для багажа. Проверьте, все ли свои вещи вы взяли. От имени всего экипажа авиакомпании «Юнайтед Эйрлайнз» мы желаем вам хорошего дня и надеемся снова увидеть вас на наших рейсах».

Бонни Дель Амико с огромным трудом очнулась от сна. Она проспала весь полет сном прерывистым и полным кошмаров и сейчас никак не могла стряхнуть его с себя.

Она вышла из самолета еще совсем сонная, не заметив, что забыла в сетке сиденья книгу, которую ей передала Этель Кауфман.

30. Лабиринт жизни

Нет ничего более трагического, чем встретить выдохшегося, потерявшегося в лабиринте жизни человека.

Мартин Лютер Кинг

Понедельник, 13 сентября. 15-й округ Парижа. 9 часов утра

Мы вышли на станции «Балар», конечной остановке восьмой линии метро. В Париже было тепло, как бывает в самом начале осени, и казалось, что в воздухе витает аромат начала школьных занятий.

Европейская больница Марии Кюри оказалась огромным зданием на берегу Сены на окраине парка Андре Ситроена. Ее главный фасад, весь одетый в стекло, повторял изгиб улицы и создавал эффект зеркала, в котором отражались окружающие деревья.

Судя по тому, что я прочел в брошюре, она объединила отделения старых столичных больниц и считалась самой результативной в Европе, особенно в области сердечно-сосудистых заболеваний. Именно в этой сфере работал профессор Клузо.

Трижды ошибившись с подъездом и заблудившись в дельте огромного центрального патио, мы обратились к служащему, который направил нас к лифтам. Кабина вознесла нас на предпоследний этаж.

Несмотря на то, что профессор сам назначил нам время, пришлось ждать его три четверти часа. Секретарь профессора по имени Коринна рассказала нам, что он живет в том же здании, где находятся его больные, и только этим утром вернулся из Нью-Йорка, где он два раза в месяц читает лекции в престижной Медицинской школе Гарварда.

Под бдительным оком Коринны мы терпеливо сидели в роскошном кабинете профессора, в обстановке которого чередовались дерево и металл и откуда открывался великолепный вид на Сену и крыши Парижа. Если встать перед стеклянной стеной, то можно было рассмотреть баржи, лениво скользившие по реке, мост Мирабо и копию статуи Свободы на стрелке Лебяжьего острова.

Мужчина, вошедший в комнату, больше походил на инспектора Коломбо, чем на выдающегося профессора медицины. Со спутанной шевелюрой, одутловатым и плохо выбритым лицом, месье Клузо было одет

в мятый плащ, брошенный на плечи словно накидка. Его рубашка в клетку вылезала из-под зеленоватого пуловера и прикрывала верх брюк из рубчатого вельвета с весьма сомнительными пятнами. Если бы я встретил этого типа на улице, я бы, вероятно, подал ему монету. Трудно поверить, что помимо работы в больнице он еще руководил группой врачей и инженеров, которые пятнадцать лет трудились над созданием автономного искусственного сердца.

Клузо пробормотал что-то, извиняясь за свое опоздание, сменил свой тренкот на пожелтевший халат и рухнул в свое кресло, явно страдая от смены часовых поясов.

Я где-то вычитал, что во время первой встречи с новым лицом наш мозг за десятую доли секунды решает, можно ли доверять этому человеку. Процесс настолько стремительный, что наши способности к размышлению просто не успевают повлиять на первую «инстинктивную» реакцию.

И этим утром, несмотря на неухоженный вид профессора, именно впечатление доверия отпечаталось в моем мозгу.

Билли тоже не попала на удочку его внешнего вида и подробно описала все симптомы: потеря сознания, сильная усталость, одышка при малейшем усилии, тошнота, жар, потеря веса и жжение в желудке.

Пока профессор внимательно слушал эту информацию, еле слышно бормоча «гм, гм», я протянул ему папку с анализами Билли, которые провел Мортимер Филипсон. Клузо надел очки с двойными линзами, какие носили в 1970-х годах, и с выражением сомнения на лице просмотрел эти документы. Но его сверкающий взгляд за стеклами очков выдавал живой и острый ум.

– Анализы надо переделать, – отрезал он, властным жестом отправляя картонную папку в корзину для мусора. – Все эти исследования, проведенные в медпункте экзотического отеля, и эта история о «бумажной девушке», чернилах и целлюлозе, не выдерживают никакой критики.

– С чем же тогда связаны мои обмороки? – встревожилась Билли. – И мои вол...

Профессор бесцеремонно прервал ее:

– Для меня ваши повторяющиеся обмороки связаны с резким нарушением мозгового кровообращения. Они определенно связаны с сердечной или сосудистой патологией. Вы обратились по адресу: это и моя специализация, и профиль отделения, которым я руковожу.

Он нацарапал на рецептурном бланке список необходимых исследований и предложил нам встретиться этим же вечером.

Рим. Аэропорт Фьюмичино

«Боинг 767», прилетевший из Сан-Франциско, стоял на парковке. Пассажиры покинули его уже около получаса назад, и уборщики уже начали приводить в порядок салон самолета.

Майк Портой, пилот гражданской авиации, закончил отчет о полете и закрыл свой ноутбук.

«Достала эта бумажная работа!» – подумал он, зевая.

Доклад по возвращении с задания летчик написал довольно халтурно, но пятнадцатичасовой перелет вымотал его до предела. Майк посмотрел на экран телефона. Жена оставила ему нежное и заботливое сообщение. Чтобы не звонить ей, он отправил одно из «черновых» эсэмэс-сообщений, которые держал на такой случай. Сегодня ему предстояло куда более интересное дело, чем болтовня со своей второй половиной. Вечером ему обязательно надо встретиться с Франческой. Каждый раз, бывая в Риме, он устраивал так, чтобы попытать счастья с этой красивой служащей, работавшей в бюро находок. Двадцать лет, свежая, сексуальная, аппетитная, с пышными формами, Франческа сводила его с ума. До этого момента она все время отвергала его ухаживания, но Майк чувствовал, что девушка вот-вот должна сдаться.

Он вышел из кабины, причесался и застегнул форменный китель.

Никогда не стоит недооценивать престиж формы.

Но прежде чем выйти из самолета, ему следовало найти предлог, чтобы пообщаться с красавицей-итальянкой.

Майк посмотрел на команду уборщиков, действовавшую быстро и эффективно, распределив обязанности. На первой тележке среди журналов и использованных бумажных платков он заметил красивую книгу с обложкой из кожи цвета ночи. Летчик подошел, взял ее в руки, рассмотрел украшенную звездами обложку, на которой выделялись написанные золотыми буквами имя автора и название романа: «Том Бойд «Трилогия ангелов»

Том 2».

Никогда не слышал, но это мне подойдет. Вот она, моя наживка!

– Вы не можете унести эту книгу, сеньор.

Майк обернулся, застигнутый на месте преступления. Кто посмел сказать ему такое?

Это была одна из уборщиц. Чернокожая, пожалуй, даже симпатичная.

На шее бейдж с фамилией и именем – ее звали Каэла. Синяя бандана с белой звездой – сомалийский флаг – удерживала ее волосы.

Майк презрительно смерил ее взглядом.

– Я сам этим займусь! – объявил он, указывая на книгу. – Мне все равно нужно зайти в бюро находок.

– Я обязана сообщить об этом моему бригадиру, сеньор.

– Сообщайте хоть Господу Богу, если это доставит вам удовольствие, – насмешливо ответил Майк, пожимая плечами.

Держа книгу в руке, он вышел из самолета.

Вечером Франческа окажется в его постели!

* * *

Улица Марио де Бернарди

В такси, которое везло ее в отель, Бонни вдруг вспомнила о необходимости включить мобильный телефон. В нем скопилось множество сообщений! Отец беспокоился о ней, а Ю Чан прислала странное сообщение, в котором предупреждала ее, что за ней гонится полиция. И куча сообщений от некоего Мило, который заявил о своем желании купить у нее роман Тома Бойда, приобретенный ею через интернет.

Безумная история!

Охваченная плохим предчувствием, она порылась в своей сумке и обнаружила, что книги там нет.

Я забыла ее в самолете!

Такси уже выезжало на автостраду, когда Бонни воскликнула:

– Остановитесь, пожалуйста! Не могли бы мы вернуться обратно?

* * *

Европейская больница Марии Кюри. Набережная Сены, Париж

– Расслабьтесь, мадемуазель. Исследование совершенно безболезненное.

Билли с обнаженным торсом лежала на левом боку. Справа кардиолог прикрепил ей на грудь три электрода, а потом распределил по грудной клетке большой шарик геля.

– Мы сделаем вам эхограмму сердца, чтобы выявить вероятную опухоль и уточнить ее местонахождение.

Он сопровождал слова действиями, прикладывая зонд в разные точки между ребрами Билли и поблизости от грудной кости, каждый раз делая несколько снимков. На экране я отчетливо различал биение сердца молодой женщины, ускорившееся от страха. Я видел и тревожное выражение на лице врача, которое становилось все более замкнутым по мере того, как обследование продолжалось.

– Это серьезно? – не удержался я от вопроса.

– Профессор Клузо прокомментирует вам результаты, – с некоторой холодностью ответил мне врач.

А потом добавил по собственной инициативе:

– Я думаю, что, помимо эхограммы, мы сделаем еще и томограмму сердца.

* * *

Рим. Аэропорт Фьюмичино

– А Франчески нет? – спросил Майк Портой, открывая дверь бюро находок.

Пилоту с трудом удалось скрыть свое разочарование. За стойкой сменщица подняла глаза от журнала и вернула ему хоть какую-то надежду:

– Она пошла перекусить в «Да Винчи».

Майк ушел, не сказав «спасибо» и не потрудившись оставить книгу, найденную в самолете.

Расположенное в уголке Терминала 1 кафе «Да Винчи» было маленьким оазисом в сердце аэропорта. В заведении с колоннами из розового мрамора, с балками и сводами, увитыми плющом, царила неформальная атмосфера. Вдоль огромной стойки в форме подковы толкались пассажиры, чтобы выпить крепкий эспрессо и съесть фирменные сладости.

– Эй! Франческа! – крикнул Майк, заметив ее.

С каждым разом она казалась ему все красивее. Девушка разговаривала с молодым служащим, клоуном в фартуке человека, стоявшего у жаровни. Ему платили за то, что он превращал варку кофе в церемонию, начиная с обжарки зеленых зерен и заканчивая приготовлением нектара, который наливал в чашку.

Майк подошел, положил книгу на стойку и попытался влезть в разговор, навязав свой язык – американский английский – и свою тему разговора. Но прекрасная итальянка млела перед парнем, впитывала его

слова, хлопая ресницами. У него была обольстительная улыбка, смеющиеся глаза и вьющиеся каштановые волосы. Переполненный тестостероном, Майк с вызовом посмотрел на римского ангела, а потом пригласил Франческу поужинать с ним. Он знал маленькую trattoria возле Кампо ди Фьори, где готовят восхитительную закуску ассорти и...

– Сегодня вечером я ужинаю с Джанлукой, – ответила она, качая головой.

– Э... Тогда, может быть, завтра? Я в Риме на два дня.

– Спасибо, но... Нет! – отказалась Франческа и заговорщически расхохоталась вместе с парнем.

Майк побелел. Он чего-то не улавливал. Как эта маленькая шлюшка могла предпочесть ему это ничтожество? Он, Майк, восемь лет учился, чтобы получить престижную профессию, завораживающую людей. А у этого сосунка дерьмовая работа на неполный день по гибкому графику. Он, Майк, завоевывает небо, а его сопернику платят семьсот девяносто евро в месяц чистыми при почасовой оплате...

Чтобы совсем не потерять лицо, Майк заставил себя хоть что-то заказать. Голубки уже давно возобновили свой разговор на итальянском. В голову Майку ударил обволакивающий аромат кофе. Он одним глотком выпил большую чашку и обжег язык.

«Тем хуже, заплачу шлюхе на Сан-Лоренцо», – подумал он с досадой, отлично зная, что это не сотрет из его памяти смех Франчески.

Майк слез с табурета и вышел из кафе, поджав хвост, забыв на стойке книгу в кожаном переплете с готическими буквами...

* * *

Аэропорт Фьюмичино. Бюро находок. Пять минут спустя

– Сожалею, синьорина, но никто не приносил нам ваш роман, – объявила Франческа Бонни.

– Вы уверены? – спросила та. – Это была очень важная для меня книга. В ней были еще и фотографии...

– Послушайте, вы сейчас заполните формуляр, максимально подробно опишите пропавшую вещь и обязательно укажите номер вашего рейса. Если кто-то принесет нам ее, мы немедленно вам позвоним.

– Хорошо, – грустно сказала Бонни.

Она усердно заполнила документ, но в глубине души тихий голосок подсказывал ей, что она никогда больше не увидит странную

незаконченную книгу Тома Бойда и никогда не попробует шоколадного суфле миссис Кауфман...

* * *

Европейская больница Марии Кюри. Набережная Сены, Париж. 19 часов 15 минут

– Коринна, результаты мадемуазель Донелли! – гаркнул Жан-Батист Клузо, открывая дверь своего кабинета.

Он поймал мой удивленный взгляд, устремленный на интерком, стоявший на его столе.

– Никогда не понимал, как работает эта штука, слишком много кнопок! – пробормотал профессор, почесывая голову.

Судя по всему, то же самое относилось и к его «Блэкберри» последней модели, мигавшему и вибрировавшему каждые две минуты, на который профессор не обращал ни малейшего внимания.

Он весь день проводил одну операцию за другой и выглядел еще менее «свежим», чем утром. Под глазами появились синяки, жесткая щетина, казалось, выросла на полсантиметра за несколько часов.

На Париж опускалась ночь, погружая комнату в полумрак. Но Клузо даже не подумал зажечь свет. Он лишь нажал на кнопку на пульте управления, оживив огромный плоский экран на стене. На него профессор вывел отчеты об исследованиях Билли, сменявшие друг друга словно диапозитивы.

Врач подошел к экрану, чтобы прокомментировать первый документ.

– Анализ крови подтвердил уменьшение количества тромбоцитов, что и вызывает вашу анемию, – объяснил он, глядя на молодую женщину через окуляры своих странных очков.

Он нажал на кнопку, чтобы перейти к следующему изображению.

– Что касается эхограммы, то она выявила наличие многочисленных миксом сердца.

– Миксом? – встревоженно переспросила Билли.

– Это опухоли, расположенные в сердце, – коротко уточнил Клузо.

Он подошел еще ближе к экрану и указал пультом управления на темную массу в форме шарика на снимке.

– Первая опухоль находится в правом предсердии. Она имеет классическую форму и короткую ножку с желеобразной консистенцией. На первый взгляд она кажется мне относительно доброкачественной...

Профессор помолчал несколько секунд, потом перешел к следующему снимку.

– Вторая опухоль беспокоит меня больше, – признался он. – У нее необычный размер – около десяти сантиметров и фиброзная форма, твердая и волокнистая. Она располагается на уровне митрального клапана и препятствует поступлению насыщенной кислородом крови в левую половину сердца. Этим объясняется ваша одышка, бледность и ваши обмороки, поскольку организму не хватает кислорода.

Я тоже подошел к экрану. Опухоль имела форму виноградной грозди, зацепившейся нитями за полость сердца. Я не мог не подумать о корнях и волокнах дерева, по которым движется сок. Казалось, в сердце Билли растет дерево.

– Я... я умру, не так ли? – дрожащим голосом спросила она.

– Учитывая размер миксомы, если не удалить ее как можно быстрее, то у вас действительно очень высок риск сосудистой эмболии и внезапной смерти, – ответил Клузо.

Он выключил экран, зажег свет и сел в кресло.

– Это хирургическая операция на открытом сердце. Разумеется, есть риск, но при нынешнем положении вещей еще больший риск вообще ничего не делать.

– Когда вы сможете меня прооперировать? – спросила Билли.

Своим зычным голосом Клузо попросил Коринну, свою секретаршу, принести его расписание. Оно было заполнено операциями почти до предела на многие месяцы вперед. Я испугался, как бы он не перенаправил нас к одному из своих коллег, но ради дружбы с Авророй профессор согласился перенести другую операцию, чтобы прооперировать Билли через две недели.

Этот тип мне решительно нравился.

* * *

От кого: bonni.delamico@berkley.edu

Тема: «Трилогия Ангелов» – Том 2

Дата: 13 сентября 2009 22:57

Кому: milo.lombardo@gmail.com

Уважаемый Мило,

Я нашла множество посланий, которые вы оставили на моем

телефоне, чтобы сообщить о вашем намерении купить мой экземпляр книги Тома Бойда, агентом и другом которого вы, по вашим словам, являетесь.

Эта книга не была предназначена для продажи, но я вынуждена сообщить вам, что я, к сожалению, оставила ее в самолете, летевшем из Сан-Франциско в Рим, и в настоящее время ее так и не вернули в бюро находок аэропорта Фьюмичино.

Надеюсь, вы получите это письмо и правильно его воспримете.

С наилучшими пожеланиями,

Бонни Дель Амико

* * *

Рим. Аэропорт Фьюмичино. Кафе «Да Винчи»

Первые пассажиры рейса «Флай Италия», прилетевшего из Берлина, появились в зале прилетов. Среди них был и знаменитый художник и дизайнер Лука Бартолетти, возвращавшийся после краткого пребывания в немецкой столице. Три дня он провел, раздавая интервью по случаю ретроспективы его произведений, организованной Музеем современного искусства города Гамбурга. Видеть свои полотна рядом с картинами Энди Уорхола и Ричарда Лонга было своего рода посвящением, признанием работы всей его жизни.

Лука не потерял время, дожидаясь своего чемодана возле ленты кругового транспортера. Он терпеть не мог багаж и всегда путешествовал налегке. В самолете он едва прикоснулся к еде: резиновому салату, жуткому омлету с гренками под целлофаном и пирожному с грушами, твердому как гипс.

Прежде чем забрать свою машину со стоянки, Лука зашел в кафе «Да Винчи», чтобы подкрепиться. Оно уже закрывалось, но хозяин согласился принять у него заказ. Лука выбрал капучино и горячий сандвич с моцареллой, помидорами и итальянской ветчиной. Он устроился за стойкой, чтобы дочитать статью в газете «Ла Република», которую начал читать еще в самолете. Когда он отложил газету, чтобы сделать глоток кофе, Лука заметил книгу в темно-синем кожаном переплете, которую оставил Майк. Лука был приверженцем буккроссинга^[75]. Он покупал огромное количество книг, но, прочитав, себе ни одну не оставлял, предпочитая

«забывать» их в общественных местах, чтобы другие могли их прочесть. Сначала Лука решил, что роман оставили намеренно, но на обложке не было никакой этикетки, подтверждающей это предположение.

Лука перелистал роман, откусывая от сэндвича. Он был не большим любителем популярной литературы и никогда не слышал о Томе Бойде. Но художник пришел в замешательство, обнаружив, что роман не допечатан до конца, а один из его читателей использовал пустые страницы в качестве альбома для фотографий.

Он закончил с едой и вышел из кафе, держа находку под мышкой. В подземном паркинге Лука нашел свой старый «Ситроен дэ эс» – кабриолет цвета бордо, недавно приобретенный им на распродаже. Положив книгу на пассажирское сиденье, он отправился в юго-западную часть города.

Лука жил за площадью Санта-Мария на последнем этаже дома цвета охры в живописном и красочном квартале Трастевере в большой квартире, которую он превратил в лофт и использовал как мастерскую. Как только он вошел в свое логовище, резкий свет, необходимый ему для работы, затопил комнату. Лука укротил его, нажав на выключатель. Из-за пустоты место казалось нежилым. Пространство было организовано вокруг огромного центрального камина, окруженного стеклом. Там и сям стояли подмости, лежали кисти всех размеров, малярные валики, скребки кожевника и ножи пасечника, количество банок с краской измерялось десятками. Но не было ни детской кровати, ни книжного шкафа, ни дивана, ни телевизора.

Лука внимательно изучил свои последние полотна. Все они были монохромными: вариации на тему белого цвета с зарубками, бороздами, рельефами и мазками, которые создавали оригинальные световые эффекты. Его картины ценились очень высоко, за ними охотились коллекционеры. Но Лука не был дураком. Он знал, что успех и признание критиков не всегда свидетельствовали о таланте. Время было настолько насыщено потреблением, испорчено шумом, скоростью и вещами, что людям казалось, будто, приобретая его работы, они получают некое очищение.

Художник снял куртку и, захваченный эмоциями, начал листать страницы с фотографиями Этель Кауфман.

Из его жизни давным-давно исчезла фантазия. Но все-таки в этот вечер ему отчаянно захотелось шоколадного суфле...

31. Улицы Рима

*Ты будешь любим в тот день, когда сможешь
показать свои слабости, а другой ими не воспользуется,
чтобы увеличить свою
силу.*

Чезаре Павезе

Париж. 14–24 сентября

Несмотря на угрожающую болезнь Билли, две недели перед ее операцией стали одним из самых гармоничных периодов для нашей «пары».

Работа над моим романом продвигалась хорошо. Ко мне вернулся вкус к сочинительству, и я работал ночами, повинаясь порыву энтузиазма и творчества. Я изо всех сил старался заложить основы для счастливой и спокойной жизни Билли. Сидя за компьютером, я создавал в романе существование, о котором она всегда мечтала: жизнь более безмятежную, свободную от мучивших ее демонов, разочарований и ран.

Как правило, я работал до зари, потом выходил на улицу ранним утром, когда уборочные машины поливали тротуары Сен-Жермен. Я выпивал первую чашку кофе за стойкой бистро на улице Бюси, потом отправлялся в булочную в пассаже Дофины, где пекли слоеные пирожные с золотистыми, тающими во рту яблоками, и возвращался в наше гнездышко на площади Фюрстемберг, где готовил два кофе с молоком, слушая радио. Ко мне присоединялась зевающая Билли, и мы завтракали, облокотившись на барную стойку в «американской» кухне, окно которой выходило на маленькую площадь. Она напевала, пытаясь понять слова французских песенок. Я подбирал крошки слоеного теста в уголке ее губ, глядя, как она жмурится, защищая глаза от освещавшего ее лицо солнца.

Я снова садился за работу, а Билли коротала утро за чтением. Она нашла английские книги в магазине возле собора Парижской Богоматери и попросила меня составить список романов, которые нужно было прочесть обязательно. Начиная со Стейнбека и Сэлинджера и не пропуская Диккенса, молодая женщина «проглотила» за эти пятнадцать дней некоторые из романов, оставивших отпечаток на моей юности. Она всегда делала краткую аннотацию, расспрашивала меня о биографии авторов и

записывала в блокнот те фразы, которые произвели на нее впечатление.

Во второй половине дня, проспав несколько часов, я сопровождал ее в маленький кинотеатр на улице Кристины, где крутили старые шедевры, о которых Билли никогда не слышала, и теперь она с восхищением открывала их для себя: «Heaven Can Wait»^[76], «The Seven Year Itch»^[77], «Shop Around The Corner»^[78]... После сеанса мы обсуждали фильм за чашкой венского шоколада, и каждый раз, когда я упоминал что-то ей неизвестное, она обязательно записывала это в свой блокнот. Я был Генри Хиггинсом, она – Элизой Дулитл^[79]. Мы были счастливы.

Вечером мы пытались приготовить какие-нибудь блюда по рецептам из старой кулинарной книги, которую мы нашли в маленькой библиотеке нашей квартиры. Это был своего рода вызов. С большим или меньшим успехом мы колдовали над рагу из телятины под белым соусом, уточкой с грушами и – это удалось нам лучше всего – бараньей голяшкой с медом и тимьяном.

В эти две недели я открыл для себя другую грань ее личности и увидел умную и тонкую молодую женщину, твердо намеренную приобретать новые знания. Но, самое главное, стоило нам сложить оружие, как меня сбили с ног новые чувства, которые я к ней испытывал.

После еды я читал Билли страницы романа, написанные днем, что становилось отправной точкой для долгих разговоров. В буфете маленькой гостиной мы нашли начатую бутылку грушевой водки. Кустарная этикетка почти стерлась, но она уверяла, что напиток «был дистиллирован в соответствии с традициями предков» мелким производителем из северной части Ардеша. В первый вечер сивуха обожгла нам горло, и мы сочли ее непригодной для питья. Но это не помешало нам на следующий день налить себе по глоточку. Вечером третьего дня она показалась нам «не такой уж плохой» и «просто великолепной» вечером дня четвертого. Потом «огненная вода» стала неотъемлемой частью нашего церемониала, и под действием алкоголя, развязывающего языки, мы все больше доверялись друг другу. Билли рассказала мне о своем детстве, о мрачной юности, об отчаянии, в которое ее погружало ощущение одиночества, всегда толкавшее ее на неудачные любовные истории. Она призналась мне, как это больно ни разу не встретить мужчину, который любил бы и уважал, как она надеялась на будущее и мечтала создать семью. Обычно Билли в конце концов засыпала на диване, слушая старые пластинки в 33 оборота, забытые владельцем квартиры, и пытаясь переводить песни поэта с

поседевшими волосами. Он держал сигарету в нагрудном кармане пиджака и считал, что «со временем все проходит», что «забываются страсти и те голоса, которые совсем тихо повторяли вам слова бедняков: поздно не возвращайся, и главное, не простудись»^[80].

* * *

Отнеся Билли в ее спальню, я возвращался в гостиную и садился за компьютер. С этого начиналась для меня ночь работы в одиночестве, порой возбуждающая, но чаще болезненная: я сознавал, что годы счастья, которые я создавал для Билли, она проведет вдали от меня. В созданном мной мире я не буду существовать, а она будет рядом с мужчиной, который был моим злейшим врагом.

Когда Билли еще не ворвалась в мою жизнь, я создал сильный мужской образ и назвал его Джек. Я сделал это для контраста: он олицетворял в мужественности все то, что я в ней презирал или что вызывало у меня чувство неловкости. Джек был моей противоположностью, типом мужчины, который я ненавидел и которым не хотел стать.

Чуть за сорок, красивое лицо, отец двоих детей, он работал в Бостоне заместителем директора крупной страховой компании. Очень рано женился и с радостью изменял своей жене, примирившейся с этим. Уверенный в себе, прекрасный рассказчик, Джек отлично разбирался в женской психологии и обладал талантом в первую же встречу вызывать у своей собеседницы доверие. Он охотно демонстрировал в своих словах и в отношении некоторую дозу мачизма, делавшую его неотразимо мужественным. Но с той женщиной, которую он хотел соблазнить, Джек чаще всего бывал нежным и мягким, и женщины влюблялись в это противоречие, оказываясь во власти пьянящего чувства эксклюзивности: им он давал то, в чем отказывал другим.

На самом же деле, как только Джек добивался своего, его эгоцентричный характер снова брал верх. Он легко манипулировал людьми, и ему всегда удавалось играть роль жертвы, чтобы повернуть ситуацию так, как это было выгодно ему. Стоило ему усомниться в самом себе, как он унижал свою любовницу нелицеприятными словами, всегда попадавшими в цель, поскольку Джек умел распознавать слабости женщин, чтобы подчинить их своей власти.

В лапы этого самовлюбленного соблазнителя-извращенца,

наносившего своим жертвам незаживающие раны, я имел несчастье отправить мою Билли. Именно в него она влюбилась и попросила меня выстроить ее жизнь рядом с ним.

И я попался в мою же собственную ловушку, потому что невозможно целиком и полностью изменить характер персонажа романа. Пусть я был автором книги, Богом я не был. Вымысел живет по своим собственным законам, и этот откровенный мерзавец не мог в следующем томе внезапно превратиться в идеального мужчину.

Каждую ночь я изо всех сил старался понемногу отыгрывать назад, позволяя Джеку эволюционировать очень и очень медленно, чтобы облагородить его.

Но для меня Джек все равно оставался Джеком, пусть и изменившимся к лучшему: такой тип мужчины я ненавидел больше всего на свете, но именно ему, по странному стечению обстоятельств, я был вынужден отдать женщину, в которую уже был влюблен...

* * *

Пасифик-Палисейдс. 15 сентября. 9 часов 01 минута

– Полиция! Откройте, мистер Ломбардо!

Мило с трудом проснулся. Он протер глаза и выбрался из кровати. Его пошатывало.

Накануне они с Кароль засиделись допоздна, проведя добрую часть ночи перед экранами своих компьютеров, прочесывая, но, к сожалению, безуспешно дискуссионные форумы и сайты онлайн-продаж, пытаясь найти потерянный экземпляр. Каждый раз, когда это было возможно, они оставляли объявления или отправляли электронные письма. Это была утомительная работа, но они задействовали все итальянские сайты, которые так или иначе имели отношение к продаже книг или к литературе.

– Полиция! Откройте, или мы...

Мило приоткрыл дверь. Перед ним стояла помощница шерифа, маленькая брюнетка с зелеными глазами и ирландско-американским шармом, возмнившая себя Терезой Лисбон^[81].

– Здравствуйте, мистер Ломбардо. Я Карен Каллен, из офиса шерифа Калифорнии. У нас ордер о вашем выселении.

Мило вышел на веранду как раз в ту минуту, когда перед домом припарковался фургон для перевозки вещей.

– Это что еще за дерьмо?

– Не усложняйте нашу работу, прошу вас! – с угрозой сказала офицер Каллен. – В последние несколько недель вы получили множество предупреждений от вашего банка.

Два грузчика уже встали перед дверью. Они ждали только приказа, чтобы начать выносить вещи из дома.

– Кстати, – продолжала женщина-полицейский, протягивая ему конверт, – вот повестка с вызовом в суд за похищение имущества, на которое был наложен арест.

– Вы говорите о...

– ...о «Бугатти», который вы заложили.

Кивком головы помощница шерифа дала знак грузчикам, и они меньше чем за полчаса вынесли из дома всю обстановку.

– И это пустяки по сравнению с тем, что с вами сделает налоговая служба! – с садистским удовольствием бросила Карен, захлопывая дверцу своего автомобиля.

Мило остался один на тротуаре с чемоданом в руке. Он вдруг понял, что ему негде ночевать. Как оглушенный боксер, он сделал несколько шагов направо, потом налево, не зная толком, куда ему идти. Три месяца назад он уволил двух своих сотрудников и продал свой офис в центре города. Вот так. У него больше не было работы, крыши над головой, машины, ничего. Слишком долго он отказывался посмотреть в лицо реальности, думая, что все так или иначе уладится. Но на этот раз реальность его настигла.

В лучах утреннего солнца засверкали татуировки, украшавшие его руки. Стигматы прошлого, они возвращали его на улицу, к дракам, к насилию и нищете, от которых, как ему казалось, он избавился.

Вой полицейской сирены вырвал его из круговерти мыслей. Он повернулся, охваченный желанием убежать, но это был не враг.

Это была Кароль.

Она сразу поняла, что произошло, и не позволила чувству неловкости взять верх. Молодая женщина решительно подхватила чемодан Мило и сунула его на заднее сиденье патрульной машины.

– У меня очень удобный диван-кровать, но не думай, что сможешь жить у меня, ничего не делая. Нужно будет снять обои в гостиной, о чем я давно мечтаю, а потом заново побелить известью кухню, да и швы в душе требуют ремонта. К тому же в ванной течет кран, и там появились следы сырости, от которых надо избавиться. Так что, как видишь, твое выселение мне только на руку...

Мило поблагодарил ее еле заметным кивком головы.
Пусть у него не было больше работы, дома, машины.
Но у него оставалась Кароль.
Он все потерял.
Кроме главного.

* * *

Рим. Квартал Трастевере. 23 сентября

Художник Лука Бартолетти вошел в маленький семейный ресторан. В интерьере со старинной мебелью заведение предлагало римскую кухню без затей. Здесь ели пасту за столиками, накрытыми скатертями в красную клетку, и пили вино из графинов.

– Джованни! – позвал Лука.

В 10 утра в зале было пусто, но упоительный аромат свежееиспеченного хлеба уже витал в воздухе. Этот ресторан принадлежал родителям Луки уже больше сорока лет, хотя теперь им управлял его брат.

– Джованни!

В проеме двери появился силуэт. Но это был не Джованни.

– Почему ты так кричишь?

– Здравствуй, мама.

– Здравствуй.

Ни поцелуя. Ни объятий. Ни теплоты.

– Я ищу Джованни.

– Твоего брата здесь нет. Он у Марчелло, покупает *piscialandrea*^[82].

– Что ж, тогда я его подожду.

Повисло тяжелое молчание, полное горечи и упреков, как бывало всегда, когда мать и сын оставались наедине. Они мало виделись, мало говорили. Лука долго жил в Нью-Йорке, потом после развода он вернулся в Италию, но поначалу обосновался в Милане, прежде чем купить квартиру в Риме.

Чтобы стряхнуть неловкость, он прошел за стойку и сделал себе эспрессо. Лука не был «семейным» человеком. Он часто использовал работу как предлог, чтобы не посещать крестины, свадьбы, первое причастие и воскресные завтраки, которые затягивались до вечера. Правда, он очень любил родных, пусть и на свой лад, и страдал от того, что не умеет с ними общаться. Мать никогда не понимала ни его живопись, ни его успех. Она никак не могла взять в толк, зачем люди покупают

монохромные картины за десятки тысяч евро. Лука думал, что мать считает его в некотором роде жуликом, талантливым кидалой, которому удастся жить в комфорте, не работая по-настоящему. Это непонимание подточило их отношения.

– Что слышно о твоей дочери? – спросила мать.

– Сандра только что вернулась в школу в Нью-Йорке.

– Ты с ней не видишься?

– Мы редко встречаемся, – признал Лука. – Напоминаю: это ее мать получила над ней опеку.

– А когда вы видите, то все проходит плохо, верно?

– Я пришел сюда не затем, чтобы выслушивать эти глупости! – взорвался Лука и встал, собираясь уйти.

– Подожди! – остановила его мать.

Он застыл на пороге.

– У тебя встревоженный вид.

– Это мое дело.

– О чем ты хотел поговорить с твоим братом?

– Хотел узнать, не остались ли у него кое-какие фотографии.

– Фотографии? Ты никогда не берешь фотографии! Ты все время повторяешь, что не любишь захламлять жизнь воспоминаниями.

– Спасибо за помощь, мама.

– Чьи фотографии ты ищешь?

Лука ушел от ответа.

– Я вернусь позже, чтобы повидать Джованни, – пообещал он, открывая дверь.

Пожилая женщина подошла к нему и удержала за рукав.

– Твоя жизнь стала такой же, как твои картины, Лука: одноцветной, сухой и пустой.

– Это ты так считаешь.

– Ты отлично знаешь, что это правда, – с грустью сказала мать.

– До свидания, мама, – попрощался Лука, закрывая за собой дверь.

* * *

Пожилая женщина пожала плечами и вернулась на кухню. На ее старом рабочем столе лежала газета «Ла Република» с хвалебной статьей о творчестве Луки. Она дочитала ее, потом аккуратно вырезала и убрала в большой классер, в котором она долгие годы сохраняла все то, что писали о

ее сыне.

* * *

Лука вернулся к себе. Он использовал кисти, чтобы разжечь большой центральный камин, вокруг которого выстраивался интерьер его мастерской. Когда пламя начало разгораться, художник собрал все свои картины – и последние законченные композиции, и те полотна, над которыми он еще работал, – методично полил их растворителем и бросил в огонь.

Твоя жизнь стала такой же, как твои картины, Лука: одноцветной, сухой и пустой. Загипнотизированный тем, как пылают его картины, художник смотрел на превращение работ в дым и пепел как на избавление.

В дверь позвонили. Лука выглянул в окно и увидел сгорбленный силуэт матери. Он спустился вниз, чтобы поговорить с ней, но она уже исчезла, оставив пухлый конверт в его почтовом ящике.

Лука нахмурился и сразу же вскрыл посылку. Там оказались именно те фотографии и документы, которые он хотел попросить у брата!

Как она догадалась?

Он вернулся в свою мастерскую и разложил на рабочем столе воспоминания о далекой эпохе.

Лето 1980 года: в тот год ему исполнилось восемнадцать, он встретил Стеллу, свою первую любовь, дочь рыбака из Порто-Венере. Их прогулки вдоль гавани перед выстроившимися в ряд маленькими, узкими и разноцветными домами, смотревшими на море. Послеполуденные часы, когда они купались в маленькой бухте.

Рождество того же года: они со Стеллой гуляют по улицам Рима. Летний флирт, который не кончился после каникул.

Весна 1981 года: счет из отеля в Сиене за ту ночь, когда они впервые занимались любовью.

1982 год: все письма, которые они написали друг другу за этот год. Обещания, планы, увлеченность, водоворот жизни.

1983 год: подарок от Стеллы на его день рождения – буссоль, которую она купила на Сардинии, с выгравированной надписью: «Чтобы жизнь всегда приводила тебя ко мне».

1984 год: первая поездка в США. Стелла на велосипеде на мосту Золотые ворота. Туман вокруг парома, направляющегося в Алькатрас. Гамбургеры и молочные коктейли в дешевой закускойной «У Лори».

1985 год... смех, протянутые друг к другу руки... пара, защищенная щитом из бриллиантов... 1986 год... год, когда он продал свою первую картину... 1987 год... Делаем ребенка или еще подождем? ...Первые сомнения... 1988 год... Буссоль больше не показывает север...

Тихая слеза сползла по щеке Луки.

Проклятье, давай заплачь еще.

В двадцать восемь лет он ушел от Стеллы. Плохое было время, тогда в Луке все разладилось. Он не знал, какое направление выбрать для своих картин, а расплатилась за это их пара. Однажды утром он встал и сжег свои работы, как только что сделал сегодня. А потом он ушел, словно вор. Лука ничего не объяснил, отрезал по живому, думал только о себе и своей живописи. Он нашел убежище на Манхэттене, поменял свой стиль, оставил в стороне образы, максимально очистил свои картины и начал писать только монохромные белые полотна. Там он женился на ловкой владелице галереи, которая сумела сделать рекламу его работам и открыть ему путь к успеху. У них родилась дочь, но через несколько лет они развелись, продолжая вместе вести дела.

Лука никогда больше не встречался со Стеллой. От брата он узнал, что она вернулась в Порто-Венере. Лука стер ее из своей жизни, он ее отверг.

Так почему же он сегодня вспомнил об этой давней истории?

Возможно, потому, что она еще не была закончена.

* * *

Рим. Чайный салон «Бабингтон». Два часа спустя

Чайный салон расположился на площади Испании у подножия большой лестницы церкви Пресвятой Троицы на горах.

Лука устроился за маленьким столиком в глубине зала, тем самым, за которым они обычно сидели со Стеллой. Это было самое старое заведение такого рода в Риме. Сто двадцать лет назад, когда чай продавали только в аптеках, его открыли две англичанки.

Декор не изменился с XIX века и превращал это место в английский анклав в самом сердце Рима, играя на контрасте между средиземноморским характером города и британским очарованием кафе. Стены были обшиты панелями, на этажерках из темного дерева стояли десятки книг и коллекция старинных чайников.

Лука открыл книгу Тома Бойда на пустой странице, сразу за фотографиями миссис Кауфман. Его тронула эта мизансцена с ее

воспоминаниями, кусочками жизни, которые следовали один за другим. Как будто книга была волшебной, могла исполнять желания и оживлять прошлое, Лука тоже вклеил в нее несколько своих снимков, дополнив их рисунками и оттисками. Последним он приклеил фото, на котором они были вместе со Стеллой на мотороллере. Римские каникулы, 1981. Им было по девятнадцать лет. Тогда Стелла написала ему эти слова: «Никогда не переставай любить меня...»

Лука несколько минут прижимал снимок к странице. Ему скоро пятьдесят, у него была относительно богатая жизнь, которая принесла ему удовлетворение: он путешествовал, жил своим искусством, добился успеха. Но если поразмыслить хорошенько, в его жизни не было ничего ярче волшебства самого начала, когда жизнь была полна обещаний и безмятежности.

Лука закрыл книгу и приклеил на обложку красную этикетку, на которой написал несколько слов. В своем телефоне он открыл сайт буккроссинга и оставил там короткое сообщение. Воспользовавшись тем, что на него никто не смотрел, художник оставил книгу на одной из этажерок между томиками Китса и Шелли.

* * *

Лука вышел на площадь, чтобы забрать мотоцикл, который он оставил возле стоянки такси. Он прикрепил свою сумку к багажнику и оседлал «Дукати». Лука проехал мимо парка виллы Боргезе, потом по Народной площади, по мосту через Тибр и направился в квартал Трастевере. Не глуша мотор, он остановился перед семейным рестораном и поднял щиток на своем шлеме. Как будто поджидая его, мать вышла на тротуар. Она посмотрела на сына, надеясь, что глаза лучше слов скажут ему о ее любви.

Лука нажал на газ и выехал на дорогу, ведущую из города. Он взял курс на Порто-Венере, говоря себе, что, возможно, еще не слишком поздно...

* * *

Лос-Анджелес. Пятница, 24 сентября. 7 часов утра

В футболке и рабочем комбинезоне Мило стоял на стремянке с валиком в руке и заново красил стены кухни.

Кароль открыла дверь своей спальни и подошла к нему.

– Уже за работой? – спросила она, зевая.

– Да, я больше не смог заснуть.

Кароль посмотрела на покрашенные стены.

– Я смотрю, ты не халтуришь!

– Шутишь, что ли? Уже три дня я тружусь, как раб!

– Пожалуй, у тебя и в самом деле неплохо получается, – признала она. – Будь добр, сделай мне капучино...

Мило послушно взялся варить кофе, а Кароль тем временем устроилась за маленьким круглым столом в гостиной. Она положила себе в миску хлопья и открыла ноутбук, чтобы проверить почту.

Ее почтовый ящик был полон. Мило переслал ей полный список членов сообщества читателей Тома, которые уже три года отправляли письма автору через его сайт в интернете. Благодаря электронным посланиям, разосланным во все уголки земного шара, Кароль сумела предупредить тысячи читателей. Она не стала придумывать никаких предлогов и открыто сообщила, что ищет «незаконченный» экземпляр второго тома «Трилогии ангелов». С тех пор каждое утро она находила в своей почте многочисленные слова поддержки. Новое письмо, которое было у нее перед глазами, оказалось намного интереснее.

– Ты только посмотри на это! – позвала она Мило.

Тот протянул ей чашку с кофе, над которой поднимался пар, и взглянул на экран через ее плечо. Корреспондент сообщал, что нашел нужный экземпляр на одном из сайтов буккроссинга. Кароль кликнула по указанной ссылке и действительно оказалась на сайте итальянской ассоциации. Чтобы приобщить людей к чтению, эта ассоциация рекомендовала своим членам оставлять книги в общественных местах, чтобы их могли прочесть другие. Правила «путешествующей книги» были простыми: человек, желающий отпустить книгу на свободу, присваивал ей код и регистрировал на сайте, прежде чем оставить ее.

Кароль напечатала «Том Бойд» в графе поиска, чтобы получить список книг своего друга, которые находились в свободном плавании.

– Вот она! – воскликнул Мило, указывая на один из снимков.

Он приклеился носом к экрану, но Кароль отпихнула его:

– Дай мне посмотреть!

Сомнений быть не могло. У книги была темно-синяя кожаная обложка с золотыми звездами, а название романа было написано готическим шрифтом.

Кароль кликнула еще раз и узнала, что книгу оставили накануне в

чайном салоне «Бабингтон» в доме двадцать три на площади Испании в Риме. Открыв другую страницу, она получила доступ ко всей информации, которую счел необходимым оставить *lusa66*, человек, выпустивший роман на свободу. Он сообщал, что книга стоит на этажерке в глубине кафе, и указал час «освобождения»: 13 часов 56 минут по местному времени.

– Мы должны лететь в Рим! – решила Кароль.

– Не спеши! – остановил ее Мило.

– Почему? – взвилась она. – Том рассчитывает на нас. Ты сам вчера разговаривал с ним по телефону. Он снова начал писать, но жизнь Билли все еще под угрозой.

Мило скривился.

– Мы все равно опоздаем. Книгу оставили уже много часов назад.

– Да, но ее же не бросили на стуле или на скамейке! Этот человек поставил роман на этажерку среди других книг. Могут пройти недели, прежде чем кто-то его заметит!

Кароль посмотрела на Мило и поняла, что он, все время сталкивавшийся с разочарованиями, просто потерял уверенность.

– Поступай как знаешь, но я лечу туда, – решила Кароль.

Она подключилась к сайту авиакомпании. Нашлись свободные места на рейс в Рим, время вылета 11 часов 40 минут. Заполняя заявку, она дошла до графы «количество пассажиров».

– Два, – подсказал Мило, опуская голову.

* * *

Рим. Площадь Испании. На другой день

В центре площади рядом с монументальным фонтаном Баркачча, то есть «Лодчонка», группа корейских туристов внимала словам гида:

– Долгое время площадь Испании считалась испанской территорией. Именно здесь находится штаб-квартира Мальтийского ордена, который пользуется статусом бла бла бла бла бла...

Устремив взгляд в глубину фонтана, семнадцатилетняя Изэль Парк поддалась очарованию светло-бирюзовой воды и рассматривала скопившиеся на дне монетки, брошенные туристами. Изэль терпеть не могла, когда ее ассоциировали с «группой туристов из Азии» и насмехались над этим. Ей было неловко от церемониала, этой устаревшей формулы путешествий, согласно которой следовало посещать по одной европейской столице в день и часами ждать, чтобы каждый сделал фотографию в одном

и том же месте.

У Изэль гудело в ушах, у нее кружилась голова, ее трясло. Она буквально задыхалась в толпе. Хрупкая, словно травинка, девушка выбралась из скопления людей и укрылась в ближайшем кафе, которое попало ей по дороге. Это был чайный салон «Бабингтон» в доме 23 на площади Испании...

* * *

Рим. Аэропорт Фьюмичино

– Черт побери, они откроют когда-нибудь эту дверь или нет? – воскликнул Мило.

Стоя в центральном проходе салона самолета, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Путешествие оказалось мучительным. После вылета из Лос-Анджелеса самолет совершил посадку сначала в Сан-Франциско, потом во Франкфурте, прежде чем приземлиться, наконец, на итальянской земле. Мило посмотрел на часы: 12 часов 30 минут.

– Я уверен, что мы никогда не найдем эту книгу! – проворчал он. – Мы проделали весь этот путь впустую, и к тому же я умираю с голоду. Ты сама видела, чем они нас кормили... При такой цене на билеты этим и москита не накормишь...

– Прекрати причитать! – взмолилась Кароль. – Я не могу больше слышать, как ты жалуешься на все на свете! Ты меня утомил!

По очереди, выстроившейся к выходу, пронесся одобрителный ропот.

Дверь, наконец, открыли, и пассажиры смогли выйти. Мило следовал за Кароль. Та спустилась по эскалатору, двигавшемуся вверх, и бросилась к стоянке такси. К сожалению, там выстроилась внушительная очередь, и машины подъезжали с ужасающей медлительностью.

– Я тебя предупреждал.

Кароль даже не подумала ему ответить. Она тут же достала свое удостоверение, прошла в голову очереди, предъявила его служащему, который рассаживал пассажиров по машинам.

– *American police! We need a car, right now. It's a matter of life or death!*
[\[83\]](#) – бросила Кароль на манер инспектора Гарри.

«Это смешно. Из этого ничего не выйдет», – подумал Мило, качая головой.

Но он ошибся. Служащий пожал плечами, задумываться ни о чем не стал, и через десять секунд они уже сидели в такси.

– Площадь Испании, – сказала Кароль таксисту. – Чайный салон «Бабингтон».

– Поживее! – добавил Мило.

* * *

Рим.

Чайный салон «Бабингтон»

Изэль Парк села за маленький столик в глубине зала. Молодая кореянка выпила большую чашку чая и съела маффин со взбитыми сливками. Город ей нравился, но ей бы хотелось побродить по нему, погрузиться в другую культуру, поговорить с людьми, посидеть на залитой солнцем террасе, но при этом не смотреть на часы и не считать себя обязанной фотографировать каждые десять секунд под нажимом группы.

Но теперь она смотрела не на часы, а на экран своего мобильного телефона. По-прежнему никаких посланий от Джимбо. Если в Италии 13 часов, то в Нью-Йорке 7 утра. Возможно, он еще не проснулся. Вот только они расстались пять дней назад, и с тех пор он ни разу не позвонил и не ответил на десятки ее электронных писем и СМС-сообщений. Как такое возможно? Они прожили удивительный месяц в университете Нью-Йорка, где Джимбо изучал кинематографию. Изэль приехала в знаменитый университет в конце лета на стажировку. Волшебное время, когда она открыла для себя любовь в объятиях своего американского бойфренда. В прошлый вторник он отвез ее в аэропорт, где она присоединилась к своей группе, и они пообещали звонить друг другу каждый день, чтобы их любовь развивалась, несмотря на разлуку. Может быть, они увидятся на Рождество. После этого прекрасного обещания Джимбо больше не подавал признаков жизни, и в Изэль как будто что-то надломилось.

Девушка положила десять евро на столик, чтобы оплатить счет. Место было очаровательное с этими деревянными панелями и книжными полками. Еще чуть-чуть, и можно было подумать, что ты в библиотеке. Девушка встала и не смогла удержаться от желания покопаться в книгах. В университете она изучала английскую литературу, и книги некоторых ее любимых авторов стояли на полках: Джейн Остин, Шелли, Джон Китс и...

Изэль нахмурилась, обнаружив том, явно оказавшийся не на своем месте. Том Бойд? Он точно не поэт XIX века! Она взяла книгу с полки и

обнаружила красную этикетку, приклеенную на обложке. Подталкиваемая любопытством, Изэль вернулась за столик, чтобы внимательнее изучить книгу.

На самоклеющейся этикетке красовалась странная надпись:

Здравствуйте! Меня не потеряли! Я бесплатная книга! Я не такая, как другие. Я предназначена для путешествий по всему миру. Возьмите меня с собой, прочтите меня, а потом оставьте меня в общественном месте.

Гм... Изэль была настроена скептически. Она отклеила этикетку и перелистала роман, ознакомившись с ее странным содержанием и чистыми страницами, на которых другие люди рассказали свою собственную историю, воспользовавшись предоставленной возможностью. Изэль была тронута. Ей показалось, что книга обладает каким-то магнетизмом. На этикетке было сказано, что книга бесплатная, но девушка колебалась, стоит ли убрать ее в свою сумку...

* * *

Рим. Чайный салон «Бабингтон». Пятью минутами позже

– Это там! – объявил Мило, указывая пальцем на этажерку в глубине чайного салона.

Клиенты и официантки подскочили и обернулись, рассматривая этого слона в посудной лавке. Он бросился к этажерке и начал рыться на полке с таким рвением, что столетний чайник полетел на пол. К счастью, его в последний момент успела подхватить Кароль.

– Между книгами Китса и Шелли, – подсказала она Мило.

Наконец-то они были у цели! Джейн Остин, Китс, Шелли, но... книги Тома не было.

– Проклятье! – заорал Мило и грохнул кулаком по деревянной панели.

Пока Кароль искала роман на другой этажерке, менеджер кафе пригрозил вызвать полицию. Мило успокоился и начал извиняться. Но тут он заметил пустой столик с недоеденным маффином на тарелке и пустой чашкой из-под чая. Охваченный предчувствием, Мило подошел к банкетке и увидел ярко-красный листок, приклеенный к дереву. Он прочитал текст на нем и удрученно вздохнул.

– Мы опоздали на пять минут... – обратился он к Кароль, помахивая в

воздухе маленьким красным листочком.

32. Клин клином

Я хотел (...), чтобы ты увидел подлинное мужество, а не воображал, будто мужество – это когда у человека в руках ружье. Мужество – это когда заранее знаешь, что проиграл, и все-таки берешься за дело и наперекор всему на свете идешь до конца^[84].

Харпер Ли. Убить пересмешника

Бретань. Южный Финистер. Суббота, 25 сентября

Солнечная терраса ресторана возвышалась над заливом Одьерн. Бретонский берег был таким же красивым, как и мексиканское побережье, пусть здесь и было холоднее.

– Брр, ну и холодрыга! – содрогнулась Билли, подтягивая повыше «молнию» на своей ветровке.

Ее операция была назначена на следующий понедельник, поэтому мы решили сменить обстановку и подарить себе уикенд вдали от Парижа. Будущее для меня ничего не значило, и я потратил часть наших денег на аренду автомобиля и маленького домика возле Плогофа с видом на остров Сен.

Официант церемонно поставил в центре стола заказанное нами блюдо с морепродуктами.

– Почему ты ничего не ешь? – удивилась Билли.

Я скептически рассматривал ассорти из устриц, морских ежей, скампий и съедобных ракушек, мечтая о гамбургере с беконом.

Но все же я попытался снять панцирь со скампии.

– Настоящий мужчина, – пошутила Билли.

Она передала мне устрицу, на которую выжала ломтик лимона.

– Попробуй! В мире нет ничего вкуснее.

Я подозрительно посмотрел на слизистую массу.

– Вспомни манго, которое мы ели в Мексике! – настаивала Билли.

Уметь описывать вкус реального мира...

Закрыв глаза, я проглотил упругую плоть моллюска. У нее оказался терпкий, соленый и йодистый вкус, а аромат водорослей и ореха задержался во рту.

Билли со смехом подмигнула мне.

Ее седые волосы развевались на ветру.

За нашей спиной сновали суденышки для ловли лангустов и маленькие разноцветные кораблики, спускавшие в воду клетки, чтобы вытащить моллюсков и ракообразных.

Не думать ни о завтрашнем дне, ни о той минуте, когда ее больше не будет рядом.

Жить настоящим.

Прогулка пешком по извилистым улочкам возле порта, а потом вдоль пляжа Трескадек. Поездка на машине от бухты Трепассе до мыса Ра, и Билли все время настаивала, чтобы самой сесть за руль. Сумасшедший хохот при воспоминании об эпизоде с шерифом, который остановил нас в Калифорнии за превышение скорости. Внезапное осознание, что у нас много общих воспоминаний. Спонтанное, но мгновенно подавленное желание поговорить о будущем.

И конечно же дождь, заставший нас в разгар прогулки по скалам.

— Здесь, как в Шотландии, дождь — это часть пейзажа, — бросила мне Билли, когда я начал ворчать. — Ты можешь представить путешествие по Северо-Шотландскому нагорью или к озеру Лох-Ломонд в солнечную погоду?

* * *

Рим. Пьяцца Навона. 19 часов

— Попробуй это, пальчики оближешь! — сказала Кароль, протягивая Мило ложечку своего десерта, фирменного «Тартюфо» с кремом шантильи.

Он с хитрым взглядом попробовал крем с шоколадной глазурью. У крема была очень густая консистенция и вкус, напоминавший трюфель, идеально сочетавшийся с кислой вишней в середине.

Мило и Кароль нашли столик в ресторане на пьяцца Навона, где нельзя было не побывать, если вы оказались в Вечном городе. Известную площадь, где первые этажи домов занимали кафе-мороженое и рестораны с живописными террасами, издавна облюбовали художники-портретисты, мимы и уличные торговцы.

Когда начало темнеть, к их столику подошла официантка и зажгла свечу, стоявшую в центре. Было тепло. Мило с нежностью смотрел на свою подругу. Несмотря на разочарование от того, что след книги Тома снова потерялся, они замечательно провели день, открывая для себя город. Несколько раз Мило едва не сказал ей о своей любви, о которой так долго

молчал. Но страх потерять ее дружбу парализовал все его робкие попытки. Мило чувствовал себя уязвимым и боялся, что его сердце будет разбито. Ему отчаянно хотелось, чтобы Кароль взглянула на него иначе, хотелось показать себя с другой стороны, предстать перед ней таким, каким он мог бы стать, почувствовав себя любимым.

Рядом с ними ужинали австралийцы с маленькой дочкой лет пяти. Малышка уже некоторое время перемигивалась и пересмеивалась с Кароль.

– Смешная девчушка, ты не находишь?

– Да, она забавная.

– И хорошо воспитанная!

– А ты хочешь детей? – несколько неожиданно спросил Мило.

Кароль мгновенно перешла в оборону:

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Э... Потому что ты была бы отличной матерью.

– Что ты об этом знаешь? – агрессивно сказала она.

– Это чувствуется.

– Прекрати говорить глупости!

Мило обиделся, но его удивил такой отпор.

– Почему ты так реагируешь?

– Я тебя знаю и уверена, что именно это ты говоришь девушкам, чтобы их охмурить. Потому что ты уверен, что именно это они хотят услышать.

– Вовсе нет! Ты ко мне несправедлива! Что я тебе сделал? Почему ты со мной так сурова? – занервничал Мило и опрокинул стакан.

– Ты не знаешь меня, Мило! И ничего не знаешь о моей личной жизни!

– Так расскажи мне, черт побери! Какой секрет не дает тебе покоя?

Кароль пристально посмотрела на него: ей захотелось поверить в его искренность. Возможно, она в самом деле отреагировала слишком бурно.

Мило поднял стакан, промокнул скатерть салфеткой. Он уже жалел о том, что кричал на нее. Но Кароль стала хуже относиться к нему, и терпеть эти перемены еще дольше он тоже был не в состоянии.

– Почему ты стала грубой и резкой, как только я затронул эту тему? – спросил Мило уже более спокойным голосом.

– Потому что я уже была беременна, – призналась Кароль и отвернулась.

Правда открылась сама по себе. Как будто пчела вылетела из банки, где была пленницей долгие годы.

Мило застыл на месте. Он видел лишь глаза Кароль, которые сверкали в ночи, словно звезды с огромным сердцем.

Молодая женщина достала свой билет на самолет и положила его на

стол.

– Ты хочешь знать подробности? Хорошо. Я расскажу тебе. Доверю тебе мой секрет, но потом я не потерплю от тебя ни одного слова, ни одного комментария. Я расскажу тебе то, о чем никто не знает. Когда я закончу, я встану и поеду на такси в аэропорт. Последний рейс в Лондон в 21:30, а оттуда есть рейс в 6 утра в Лос-Анджелес.

– Ты уверена, что...

– Уверена. Я рассказываю тебе и ухожу. Потом ты выдержишь по крайней мере неделю, прежде чем позвонить мне или прийти ко мне ночевать. Либо так, либо никак.

– Согласен, – уступил он. – Я сделаю так, как ты хочешь.

Кароль огляделась по сторонам. В центре площади зацепившиеся за обелиск огромные статуи фонтана Четырех рек бросали на нее суровые и угрожающие взгляды.

– В первый раз он сделал это в день моего рождения, – начала Кароль. – Мне исполнилось одиннадцать лет.

* * *

Бретань. Плогоф – мыс Ра

– Ты же не будешь уверять меня, что умеешь зажигать огонь в камине? – засмеялась Билли.

– Разумеется, я умею это делать! – обиделся я.

– Отлично, начинай, о, мужчина, я буду смотреть на тебя восхищенными глазами покорной женщины.

– Если ты намерена на меня давить...

К большой радости Билли, над Финистером разразилась гроза: дрожали ставни, ливень лупил по окнам нашего дома, в котором царил полярный холод. Судя по всему, на французском языке выражение «сельское очарование» было синонимом «отсутствия радиаторов отопления» и «незаделанных щелей».

Я чиркнул спичкой и попытался поджечь кучку опавших листьев, которые положил на поленья. Листья занялись очень быстро... и почти мгновенно погасли.

– Не слишком убедительно, – оценила Билли, пытаясь скрыть улыбку.

Закутанная в купальный халат, с волосами, закрученными в полотенце, она подбежала к камину.

– Найди мне, пожалуйста, старые газеты.

Порывшись в ящике буфета, я нашел номер газеты «Экип», датированный 13 июля 1998 года. Накануне сборная Франции победила на чемпионате мира по футболу. Первую страницу перерезал заголовок «НАВСЕГДА», а на фото Зинедин Зидан бросался в объятия Юрия Джоркаеффа.

Билли разорвала газету на отдельные листы и смяла их, чтобы получился неплотный комочек.

– Бумага должна дышать, – объяснила она. – Этому меня научил отец.

Затем, не экономя на количестве, она перебрала щепки, оставив только самые сухие, и положила их на скомканную бумагу. Более толстые поленья она поставила так, чтобы получилось некое подобие индейского типи.

– Теперь можешь зажигать, – с гордостью сказала Билли.

И, в самом деле, спустя две минуты в камине потрескивал веселый огонь.

От порывов ветра стекла в рамах дрожали с такой силой, что я боялся, как бы они не разлетелись вдребезги. Потом громыхнул ставень, и в ту же минуту произошло короткое замыкание. Комната погрузилась в темноту.

Я покопался в счетчике, надеясь, что свет включится.

– Это пустяки, – сказал я с уверенным видом. – Скорее всего, что-то с пробками или с предохранителем...

– Возможно, – насмешливо ответила Билли, – но в данный момент ты возишься со счетчиком воды. Электрический счетчик висит в прихожей...

Я умел проигрывать, поэтому ответил на ее замечание улыбкой. Когда я проходил через комнату, она схватила меня за руку и...

– Подожди!

Она сняла полотенце, удерживавшее ее волосы, развязала пояс халата, и он упал на пол.

Я обнял ее, и наши изломанные тени соединились на стенах.

* * *

Рим. Пьяцца Навона. 19 часов 20 минут

Прерывающимся голосом Кароль начала рассказ о своем искалеченном детстве. Кошмар длился годами: отчим приходил к ней в постель. За эти годы она потеряла все: свою улыбку, свои мечты, невинность и радость жизни. Кароль говорила Мило о тех ночах, когда, уходя от нее, это животное, наконец утолившее свою похоть, всегда повторяло ей: «Ты же ведь не скажешь маме, правда? Ничего не говори маме».

Как будто мама ничего не знала!

Кароль мучило чувство вины, она страдала от необходимости молчать, и каждый вечер, когда она возвращалась из школы, ей хотелось броситься под автобус. А потом тот аборт, который она сделала тайно в четырнадцать лет, оставивший ее истерзанной, почти мертвой, с непреходящим страданием где-то глубоко в животе.

Она рассказала Мило о Томе, который помог ей уцепиться за жизнь, день за днем придумывая для нее волшебную Вселенную «Трилогии ангелов».

И, наконец, Кароль попыталась объяснить недоверие, которое она испытывала к мужчинам; потерянную веру в жизнь, которую она не смогла обрести вновь, и те приступы отвращения, которые до сих пор неожиданно накатывали на нее, даже когда она чувствовала себя лучше.

Кароль закончила говорить, но не встала и не ушла.

Мило сдержал свое слово и не произнес ни слова. Но один вопрос он не мог не задать:

– Но когда все это закончилось?

Кароль медлила с ответом. Она повернула голову и увидела, что маленькая австралийка ушла со своими родителями. Кароль отпила глоток воды и надела пуловер, брошенный на плечи.

– Это другая часть правды, Мило, но я не уверена, что она принадлежит мне.

– И... кому же она принадлежит?

– Тому.

* * *

Бретань. Плогоф – мыс Ра

Огонь постепенно угасал, освещая комнату неярким мигающим светом. Тесно прижавшись друг к другу, укутавшись в одно одеяло, мы страстно целовались, словно влюбленные в первый раз подростки.

Часом позже я встал, чтобы поворошить угли и подложить в камин еще пару поленьев.

Мы умирали с голода, но в шкафах и холодильнике было пусто. В буфете я сумел отыскать бутылку сидра со странной надписью: «Made in Quebec»^[85]. Это был «ледяной» сидр, напиток, который делают из замерзших яблок, снятых с веток в разгар зимы. Я открыл бутылку, поглядывая в окно. Гроза продолжала бушевать, было не видно ни зги.

Закутавшись в одеяло, Билли подошла ко мне с двумя керамическими чашками и тоже встала у окна.

– Я бы хотела, чтобы ты рассказал мне кое-что, – начала она, целуя меня в шею.

Билли взяла мою куртку, висевшую на спинке стула, и достала из нее мой бумажник.

– Можно?

Я кивнул. Из наполовину отпоротого потайного кармашка в отделении для банкнот Билли достала гильзу.

– Кого ты убил? – спросила она, показывая ее мне.

* * *

Лос-Анджелес. Квартал Макартур-парк. 29 апреля 1992 года

Мне семнадцать лет. Я готовлюсь к экзаменам в школьной библиотеке, когда туда вбегает девочка и кричит: «Их оправдали!» В читальном зале все понимают, что она говорит о деле Родни Кинга.

Годом раньше полицейские Лос-Анджелеса остановили за превышение скорости Родни Кинга, двадцатилетнего афроамериканца. Он был пьян и отказался подчиниться патрульным. Те попытались усмирить его с помощью электрошокеров. Парень продолжал сопротивляться, и тогда полицейские зверски избили его, не подозревая о том, что со своего балкона всю эту сцену снимал кинооператор-любитель. На следующий день он отправил кассету на телевидение. Кадры мгновенно разошлись по телеканалам всего мира, вызвав ярость, стыд и возмущение.

– Их оправдали!

Разговоры мгновенно прекращаются, раздаются ругательства. Я чувствую, как нарастают негодование и ненависть. В квартале чернокожих больше всего. Я сразу понимаю, что дело принимает скверный оборот и что мне лучше вернуться домой. Известие о приговоре суда распространяется по кварталу словно вирус. Воздух насыщен электричеством и отчаянием. Разумеется, это не первый случай полицейского произвола и не первое судебное фиаско, но на этот раз сцену видели все, и это все меняет. Вся планета видела, как четверо полицейских избивали бедного парня: более пятидесяти ударов дубинкой и десяток ударов ногой получил задержанный в наручниках. Этот непонятный оправдательный приговор становится той каплей, которая переполнила чашу. Годы президентства Рейгана и Буша нанесли чудовищный ущерб самым бедным. Люди устали терпеть

безработицу и нищету, наркотики и систему образования, которая закладывает основу неравенства.

Вернувшись домой, я кладу себе в миску хлопья и включаю телевизор. В разных местах вспыхнули бунты, и я вижу первые кадры того, что станет обыденным в следующие три дня: грабежи, поджоги, стычки с полицией. Кварталы вокруг пересечения Флоренция-стрит и Нормандия-стрит в огне, там льется кровь. Какие-то типы бегут с коробками продуктов, которые они украли в лавках. Другие тащат тележки, чтобы перевезти мебель, диваны или бытовую технику. Власти впустую призывают к спокойствию, и я догадываюсь, что это не прекратится. Честно говоря, меня это устраивает...

Я собираю все сэкономленные деньги, которые прячу в радиоприемнике, беру скейтборд и отправляюсь к Маркусу Блинку.

Маркус – мелкий хулиган в нашем квартале, он не принадлежит ни к одной из банд и довольствуется тем, что торгует краденым, «травкой» и оружием. Я учился вместе с ним в начальных классах, и он неплохо ко мне относится, потому что я пару-тройку раз помогал его матери заполнить бумаги на выдачу социального пособия. В квартале все взбудоражены. Люди уже поняли, что банды воспользуются удобным случаем, чтобы свести счеты друг с другом и с полицией. За мои двести долларов Маркус находит «глок-22». В наше прогнившее время таких пистолетов в каждом городе десятки. Продажные полицейские торгуют своим табельным оружием, предварительно заявив о том, что они его потеряли. Еще за пятнадцать долларов Маркус продает мне обойму с пятнадцатью патронами. Вооружившись, я возвращаюсь домой, чувствуя тяжесть и холод пистолета в кармане.

* * *

В ту ночь я мало сплю. Думаю о Кароль. У меня только одна цель: сделать так, чтобы мучения, которые она испытывает, прекратились раз и навсегда. Вымысел может многое, но не все. Истории, которые я ей рассказываю, позволяют Кароль на несколько часов погрузиться в вымышленный мир, где она может укрыться от физических и психических страданий, которые терпит по вине своего мучителя. Но этого уже мало. Жизнь в придуманном мире – это не долгосрочное решение, как не являются им наркотики или выпивка, позволяющие забыть о своем несчастье.

Тут уж ничего не поделаешь: рано или поздно жизнь в конце концов

берет верх над вымыслом.

* * *

На следующий день насилие вспыхивает с новой силой при полной безнаказанности. Вертолеты, арендованные телекомпаниями, постоянно летают над городом, ведя прямую трансляцию из осажденного города, которым стал Лос-Анджелес: грабежи, драки, перестрелки между бунтовщиками и силами правопорядка. И эти многочисленные репортажи выдают неорганизованность и бездействие полиции, неспособной остановить разбой.

Число погибших продолжает расти, и мэр сообщает средствам массовой информации, что объявляет чрезвычайное положение и намерен призвать на помощь солдат Национальной гвардии, которые будут следить за соблюдением комендантского часа с сумерек до рассвета. Идея неудачная: люди сказали себе, что праздник вот-вот закончится, и грабежи только усилились.

В нашем квартале разграблению подверглись заведения, которыми владели азиаты. В этот период напряженные отношения между чернокожими и корейцами достигают апогея. На второй день беспорядков большинство маленьких магазинчиков, минимаркетов и винных лавок, принадлежащих корейцам, уже сожжены и разграблены. Полиция не вмешивается.

Скоро полдень. Уже около часа я на моем скейте дежурю возле продуктовой лавки, которой владеет отчим Кароль. Несмотря на риск, он все-таки открыл свой магазинчик, явно надеясь на то, что его никто грабить не станет. Но теперь и он не чувствует себя в безопасности, и я догадываюсь, что он собирается опустить железные жалюзи.

Именно этот момент я выбрал, чтобы выйти из засады.

– Помочь вам, мистер Альварес?

Меня он не боится. Отчим Кароль хорошо меня знает, и мой вид внушает доверие.

– ОК, Том! Помоги мне убрать деревянные поддоны.

Я беру по поддону в каждую руку и вхожу следом за Альваресом в лавку.

Это жалкий продуктовый магазинчик, в квартале таких десятки. В нем торгуют товарами первой необходимости, и вскоре Альваресу все равно придется его закрыть из-за конкуренции «Уолмарта».

Крус Альварес – латиноамериканец среднего роста, довольно плотный, с широким квадратным лицом. Внешность вполне подходящая, чтобы сыграть третьеразрядную роль сутенера или владельца ночного клуба.

– Я всегда говорил, что когда-нибудь эти ублюдки... – начал он, но, обернувшись, увидел направленный на него «глок-22».

В лавке пусто, камеры нет. Мне нужно только нажать на спусковой крючок. Я не хочу ничего ему говорить, даже: «Сдохни, грязная скотина». Я здесь не для того, чтобы восстановить справедливость или вершить правосудие. И не для того, чтобы слушать его оправдания. В моем жесте нет никакой красоты, или героизма, или храбрости. Я только хочу, чтобы мучения Кароль прекратились, и иначе этого не добиться. Ничего другого я придумать не смог. Несколько месяцев назад, ничего не сказав Кароль, я пошел и сделал анонимное заявление в социальном центре планирования семьи, но это ни к чему не привело. Я отправил письмо в полицию, но на него не отреагировали. Я не верю в Бога, и в судьбу я тоже не верю. Я верю лишь в то, что мое место здесь, вместе с моим оружием, и я должен нажать на спусковой крючок.

– Том! Ты что это уду...

Я подхожу, чтобы выстрелить в упор. Я не хочу промахнуться, мне нужно убить его одним выстрелом.

Я стреляю.

Голова Альвареса взрывается, на мою одежду летят капли крови.

В лавке я один. Я один во всем мире. Ноги больше не держат меня, опущенные вдоль тела руки трясутся.

Уходи отсюда!

Я подбираю гильзу, кладу ее в карман вместе с «глоком» и бегом возвращаюсь домой. Я принимаю душ, сжигаю одежду и выбрасываю в мусорный бак пистолет, не забыв протереть его. Гильзу я решаю сохранить, чтобы предъявить ее в том случае, если вместо меня осудят невинного. Но хватит ли мне смелости сделать это?

Этого я никогда не узнаю.

* * *

Бретань. Плогоф – мыс Ра

– Я никому не рассказал о том, что сделал в то утро. Я просто жил с этим, вот и все.

– А что было потом? – спросила Билли.

Мы снова устроились на диване. Прижавшись к моей спине, она обхватила меня рукой, а я придерживал ее бедро, как будто цеплялся за спасательный плот.

Исповедь освободила меня от груза. Я чувствовал, что Билли понимает меня и не осуждает. Ничего другого я не ждал.

– Вечером папаша Буш выступил с телеобращением и сказал, что власти не потерпят анархию. На другой день четыре тысячи солдат Национальной гвардии уже патрулировали город. Вскоре им на подмогу прислали «морских котиков». На четвертый день все начало успокаиваться, и мэр отменил комендантский час.

– Расследование было?

– В результате беспорядков погибло около пятидесяти человек, многие тысячи были ранены. В следующие недели в городе проводили аресты, более или менее законные, более или менее незаконные. Но никого так и не обвинили в смерти Круса Альвареса.

Билли прикрыла мне глаза рукой и поцеловала в шею:

– Теперь нужно поспать.

* * *

Рим. Пьяцца Навона

– До свидания, Мило. Спасибо, что выслушал меня, не прерывая, – сказала Кароль, вставая.

Все еще в шоке, он встал вместе с ней и мягко удержал за руку.

– Подожди... Почему ты так уверена, что Том сделал это, если он ни разу не говорил с тобой об этом?

– Я коп, Мило. Два года назад я получила разрешение заглянуть в архивы полицейского управления Лос-Анджелеса. Я попросила выдать мне досье на убийство моего отчима. Сведений было мало: два или три допроса соседей, несколько фотографий с места преступления и халтурно снятые отпечатки пальцев. Всем было наплевать, кто убил мелкого лавочника из Макартур-парка. И все же на одном из снимков у стены был хорошо виден скейт со стилизованной падающей звездой.

– И этот скейтборд...

– Это я подарила его Тому, – сказала Кароль и отвернулась.

33. Уцепиться друг за друга

Можно многое дать тем, кого любишь. Слова, отдых, удовольствие. Ты дала мне самое ценное. Я тосковал по тебе. Я не мог обходиться без тебя; даже когда я видел тебя, мне тебя все равно не хватало.

Кристиан Бобен^[86]

Понедельник, 27 сентября. Париж. Европейская больница Марии Кюри

В полном составе бригада хирургов окружила профессора Жана-Батиста Клузо.

Пилой тот вскрыл грудную клетку Билли от грудной кости почти до ключиц.

Потом он вошел в перикард, чтобы исследовать коронарные артерии и установить систему экстракорпорального кровообращения. Билли сделали укол с высоким содержанием калия, чтобы остановить биение сердца. Насос заменил сердце, оксигенатор – легкие.

Каждый раз во время операции на открытом сердце Жан-Батист Клузо испытывал одинаковое восхищение перед этим почти волшебным органом, соединяющим нас с жизнью: сто тысяч сокращений в день, тридцать шесть миллионов в год, более трех миллиардов только за одну жизнь. И все это делает крошечный кровотокающий насос, кажущийся таким хрупким...

Профессор сначала вскрыл правое предсердие, потом левое и удалил две опухоли, каждый раз вырезая основание, чтобы не было рецидивов. Фиброзная опухоль действительно оказалась необычного размера.

Просто повезло, что мы ее вовремя обнаружили!

Из предосторожности он обследовал сердечные полости и желудочки, чтобы не пропустить другие миксомы, но таковых не оказалось.

Закончив операцию, он снова подключил сердце к аорте, провентирировал легкие, поставил дренаж, чтобы вывести кровь, и соединил грудную кость с помощью стальной проволоки.

«Быстро и хорошо!» – подумал Клузо, снимая перчатки и выходя из операционной.

Южная Корея. Женский университет Ихва

В Сеуле садилось солнце. Как это бывало каждый вечер в часы пик, движение на улицах корейской столицы парализовало.

Изэль Парк вышла из метро, прошла по тротуару и по пешеходному переходу перешла в кампус. Притаившийся в центре студенческого квартала университет Ихва насчитывал более двадцати тысяч учащихся и считался одним из лучших и элитарных в стране.

Изэль спустилась по гигантской пологой лестнице и оказалась в «пробеле», как все называли это место: два здания из стекла стояли друг напротив друга по обе стороны бетонного променада. Она вошла в главный вход этого прозрачного пакетбота, первый этаж которого с бутиками и кафетериями походил на суперсовременный торговый центр. Изэль на лифте поднялась на верхние этажи, где располагались аудитории, театр, кинотеатр, спортивный зал и огромная библиотека, открытая двадцать четыре часа в сутки. Девушка остановилась возле автомата, чтобы купить стаканчик зеленого чая, потом нашла место в глубине зала. Здесь царил XXI век: каждое рабочее место представляло собой письменный стол с компьютером, обеспечивавшим мгновенный доступ ко всем книгам библиотеки, которые были оцифрованы.

Изэль потеряла глаза. Она едва держалась на ногах. Два дня назад девушка вернулась со стажировки и уже была перегружена работой. Добрую часть вечера она провела, делая заметки и повторяя пройденное, постоянно бросая взгляд на экран телефона и вздрагивая всякий раз, когда аппарат начинал вибрировать, сообщая о получении электронного письма или эсэмэс. Но ни одно из них не было тем, которое она ждала.

Изэль дрожала, ей было холодно, она теряла рассудок. Почему Джимбо не дает о себе знать? Неужели она позволила себя обмануть, она, которая никогда не доверяла людям и всегда старалась держать с ними дистанцию?

Было уже около полуночи. Библиотека постепенно пустела, но некоторые студенты останутся здесь до трех или четырех часов утра, как бывало всегда...

Девушка вынула из сумки книгу Тома Бойда, которую она нашла в чайном салоне в Италии. Она перевернула несколько страниц, пока не наткнулась на снимок девятнадцатилетних Луки Бартолетти и его подруги Стеллы на мотоллере на улицах Рима.

«Никогда не переставай любить меня», – написала юная итальянка. Именно это Изэль хотела сказать Джимбо...

Она вынула ножницы и тюбик с клеем из своей сумки и тоже

использовала чистые страницы романа как фотоальбом, вклеив туда самые красивые фотографии, сделанные в те четыре недели, когда она была счастлива с Джимбо. Букет воспоминаний дополнили билеты в театры и на выставки, куда они ходили вместе: ретроспектива Тима Бёртона в Музее современного искусства, мюзикл «Чикаго» в театре «Амбассадор» и все фильмы, на которые ее водил Джимбо в синематеке университета Нью-Йорка: «Donnie Darko»^[87], «Requiem for a Dream»^[88], «Brazil»^[89]...

Изэль трудилась всю ночь, вкладывая в эту работу всю душу. На рассвете с покрасневшими глазами и взлохмаченными волосами она зашла на почту в административном здании, купила пузырчатый упаковочный пакет, вложила в него книгу в темно-синем кожаном переплете и отправила ее в США.

* * *

Париж. Европейская больница Марии Кюри. Палата кардиореанимации

Билли постепенно просыпалась после наркоза. Все еще подключенная к аппарату искусственной вентиляции легких, она не могла говорить из-за трубки в трахее.

– Мы удалим ее в ближайшие несколько часов, – заверил свою пациентку Клузо.

Он проверил электроды, прикрепленные к груди Билли, чтобы стимулировать сердечные сокращения в случае замедления ритма.

– С этим никаких проблем, – сказал Клузо.

Я улыбнулся Билли, она слабо моргнула мне в ответ.

Все было хорошо.

* * *

Среда, 29 сентября. Нью-Йорк. Гринвич-Виллидж

– Я в полном полете! – пожаловалась девушка, одеваясь. – Ты же сказал, что включил будильник!

Она натянула юбку, лодочки и застегнула блузку. Молодой человек с насмешливой улыбкой наблюдал за ней из постели.

– Захочешь позвонить, номер у тебя есть... – сказала она, открывая дверь.

– Ок, Кристи.

– Меня зовут Кэрри, урод!

Джеймс Лимбо, которого все звали Джимбо, улыбнулся во весь рот. Он встал, потянулся, не собираясь ни извиняться, ни задерживать свою подружку на одну ночь, и вышел из спальни, чтобы приготовить себе завтрак.

«Вот дерьмо, кофе кончился!» – расстроился он, открыв шкафчик в кухне.

Джимбо посмотрел в окно и увидел, как Кэрри Как-ее-там идет к Хьюстон-стрит.

«Ничего так телка. Середнячок... шестерка по десятибалльной шкале», – оценил он, состроив гримасу. Маловато для новой встречи.

Дверь распахнулась, и вошел Джонатан, с которым они вместе снимали квартиру. Из кофейни на углу он принес два стакана кофе.

– Внизу я встретил почтальона, – сообщил он, подбородком указывая на пакет под мышкой.

– Спасибо, – поблагодарил Джимбо, беря у него пакет и двойной латте с карамелью.

– С тебя три семьдесят пять, – сообщил Джонатан. – Плюс шестьсот пятьдесят долларов за квартиру, которые я одолжил тебе две недели назад.

– Ну да, ну да, – уклончиво ответил Джимбо, разглядывая адрес на конверте.

– Это от Изэль Парк, верно?

– Не твое дело, – буркнул он, открывая пакет с романом Тома Бойда.

«Странная штука», – подумал Джимбо, перелистывая роман и рассматривая фотографии, которые в него вклеили предыдущие владельцы.

– Я знаю, что тебе наплевать на мое мнение, – снова заговорил Джонатан, – но позволь мне сказать тебе одну вещь. Ты плохо поступаешь с Изэль.

– Мне в самом деле наплевать на твое мнение, – подтвердил Джимбо, отпивая глоток кофе.

– Она оставила сообщения на автоответчике. Изэль о тебе беспокоится. Если хочешь порвать с ней, то хотя бы найди время, чтобы сообщить ей об этом. Почему ты так ведешь себя с женщинами? В чем твоя проблема?

– Моя проблема в том, что жизнь коротка и мы все умрем. Такое объяснение тебя устраивает?

– Нет, я не вижу связи.

– Я хочу стать режиссером, Джонатан. Моя жизнь – это кино, а не что-

то другое. Ты знаешь, что сказал Трюффо? Кино важнее жизни. Я тоже так думаю. Не хочу никаких привязанностей, никакой малышни, никакого брака. Любой человек может быть хорошим мужем или отцом семейства, но есть только один Квентин Тарантино и один Мартин Скорсезе.

– Гм... Что-то ты запутался, старик...

– Тем хуже для тебя, если ты не понимаешь. Забудь! – ответил Джимбо, уходя в ванную.

Он принял душ и быстро оделся.

– Все, я сваливаю, – сказал он, хватая сумку, – у меня занятия в полдень.

– Как всегда! Не забудь о кварт...

Слишком поздно. Джимбо уже хлопнул дверью.

Он проголодался, поэтому купил фалафель в пите и проглотил его на ходу по дороге на факультет кинематографии. Джимбо пришел рано, поэтому заглянул в кафе по соседству, чтобы выпить колу. У стойки он еще раз рассмотрел книгу с готической обложкой, которую ему прислала Изэль. Корейнка была молоденькой, красивой, сексуальной и умной. Они отлично провели время вместе, но теперь она становилась навязчивой со своими сладенькими фотографиями.

А вот книга его заинтриговала. «Трилогия ангелов»? Он что-то об этом слышал... Джимбо подумал немного и вспомнил: он читал в «Вэрайети», что Голливуд приобрел права на экранизацию романа и готовился к съемкам. Но почему этот экземпляр в таком состоянии? Джимбо слез с табурета и уселся перед одним из компьютеров, предоставленных в распоряжение посетителей. Он напечатал несколько слов в запросе о Томе Бойде и нашел тысячи упоминаний. Сузив поиски до последних семи дней, Джимбо обнаружил, что некто наводнил дискуссионные форумы объявлениями в надежде разыскать особый экземпляр книги, в которой половина страниц остались пустыми.

И именно этот экземпляр лежал в сумке Джимбо!

Он вышел из кафе, обдумывая прочитанное. И тут ему в голову пришла одна идея.

* * *

Гринвич-Виллидж. Тот же день. Ближе к вечеру

Маленький книжный магазин «Керуак и К°. Торговля книгами» на Грин-стрит специализировался на покупке и продаже старинных или

поддержанных книг.

В черном облегающем костюме и темном галстуке Кеннет Эндрюс поставил на витрину издание, которое он только что приобрел в результате шумного конфликта между наследниками старой коллекционерки. Это был сборник рассказов Уильяма Фолкнера «Go Down, Moses»^[90], подписанный автором. Книга заняла свое место между первым изданием Скотта Фитцджеральда, автографом сэра Конан Дойла под стеклом, афишей выставки с подписью Энди Уорхола и черновика песни Боба Дилана, написанного на обратной стороне ресторанного счета.

Кеннет Эндрюс занимался своим магазином уже почти пятьдесят лет. Он знал героические времена литературной богемы, когда в 1950-х годах Гринвич-Виллидж был вотчиной поколения битников, поэтов и исполнителей фолка. Но квартирная плата поднималась все выше, поэтому авангардные художники и писатели перебрались в другие кварталы, и сейчас здесь жили люди обеспеченные, покупавшие у него реликвии на вес золота, чтобы вдохнуть капельку аромата прошлого, которого они не знали.

Зазвенел колокольчик у двери, и на пороге появился молодой человек.

– Здравствуйте, – сказал Джимбо, делая несколько шагов вперед.

Он уже несколько раз заходил в этот магазин, который казался ему живописным. Приглушенное освещение, запах старых книг и старинные гравюры напоминали Джимбо декорации старого фильма. Ему начинало казаться, что он в параллельном мире, отрезанный от суеты города.

– Здравствуйте, – ответил Эндрюс. – Чем я могу вам помочь?

Джимбо положил книгу Тома Бойда на прилавок.

– Это вас заинтересует?

Старик надел очки и с презрительной миной изучил издание: искусственная кожа, популярная литература, типографский брак, не говоря уже обо всех этих фотографиях, которые портили всю картину. С его точки зрения, книга годилась только для помойки.

Именно это Эндрюс и собирался ответить посетителю, но тут он вспомнил заметку, прочитанную им в «Америкен Букселлер». В ней говорилось о специальном издании этого бестселлера, весь тираж которого был уничтожен из-за типографского брака. Неужели это...

– Я дам вам за книгу девяносто долларов, – предложил букинист Джимбо, доверяя своей интуиции.

– Вы, должно быть, шутите, – оскорбился молодой человек. – Это особенный экземпляр. Я могу выручить за него в интернете втрое больше.

– Что ж, воля ваша. Я могу вам предложить сто пятьдесят долларов. Торговаться я не буду.

– Согласен, – решил Джимбо после минутного размышления.

* * *

Кеннет Эндрюс дождался, чтобы молодой человек ушел, и нашел статью в журнале, в которой говорилось об этой книге.

«Неприятные обстоятельства для издательства «Даблдэй»: вследствие типографской ошибки 100 тысяч экземпляров специального издания второго тома «Трилогии ангелов» успешного писателя Тома Бойда пришлось уничтожить».

«Гм... Интересно», – решил старый торговец книгами. Возможно, ему повезло, и к нему в руки попал единственный экземпляр...

* * *

Рим. Квартал Прати. 30 сентября

Мило в белом фартуке подавал рисовые колобки аранчини с начинкой из мясного рагу и сыра, мясной рулет фальсомагро и куски пиццы в сицилийском ресторане на виа дельи Сципиони. После отъезда Кароль он решил на несколько дней задержаться в Риме: эта работа позволяла ему оплачивать крохотный номер в гостинице и бесплатно питаться. Каждый день он обменивался электронными письмами с Томом и, обрадованный тем, что его друг снова начал писать, возобновил контакты с издательством «Даблдэй» и различными зарубежными издательствами. Мило сообщил всем, что они слишком рано похоронили его друга и что, вне всякого сомнения, в скором времени в книжных магазинах появится новый роман Тома Бойда.

– Сегодня день моего рождения, – сообщила ему постоянная клиентка, красавица-брюнетка, работавшая в очень дорогом обувном магазине на улице Кондотти.

– Рад это слышать.

Она откусила кусочек рисового шарика, оставив след помады на панировочных сухарях.

– Я устраиваю небольшой праздник для друзей у меня дома. Если вам захочется зайти...

– Вы очень любезны, но нет.

Неделей раньше он бы не заставил себя просить, но после признания Кароль Мило уже не был прежним. Его до глубины души потряс ее рассказ, открывший ему то, чего он не знал о тех, кого любил больше всего на свете. Все это вызывало у него противоречивые чувства. Он испытывал бесконечное сострадание к Кароль, любовь к которой стала еще сильнее, уважение и гордость за Тома, но присутствовала еще и обида на то, что они так долго не впускали его в свой круг доверия. Хотя больше всего Мило сожалел о том, что не он сам выполнил эту «грязную работу».

– Пожалуй, я соблазнюсь кассатой, – сказала итальянка с пышными формами, указывая на пирог, украшенный засахаренными фруктами.

Мило собирался отрезать ей кусок, когда в кармане его джинсов завибрировал телефон.

– Прошу прощения.

Пришло электронное письмо от Кароль. В нем было два слова: «Посмотри на это!» – и ссылка.

Липкими руками Мило как мог коснулся сенсорного экрана и оказался на сайте, позволявшем онлайн заглянуть в каталог для профессионалов, специализировавшихся на редких или подержанных книгах.

Если информация была верной, то книжный магазин в Гринвич-Виллидж только что выставил на продажу то, что он так долго искал!

Сразу же пришла эсэмэска от Кароль:

«Встречаемся на Манхэттене?»

И он ответил немедленно:

«Уже в пути».

Мило развязал фартук, бросил его на стойку и выбежал из ресторана.

– А как же мой десерт? – возмутилась посетительница.

34. Книга жизни

*Время на чтение – это всегда украденное время.
Несомненно, именно поэтому метро является самой
большой библиотекой в мире.*

Франсуаза Саган

Париж. Европейская больница Марии Кюри

Билли поправлялась на удивление быстро. Ее отключили от аппарата искусственной вентиляции легких, сняли дренаж и различные электроды, а потом перевели в восстановительное отделение.

Месье Клузо заходил к ней каждый день, внимательно следил, не появятся ли инфекционные осложнения или следы присутствия жидкости в перикарде. Но, с его точки зрения, все было под контролем.

А я превратил больницу в филиал моего кабинета. С 7:30 утра до 7 часов вечера, надев наушники, чтобы не мешал шум, я работал за ноутбуком в кафетерии на первом этаже. В полдень я ел в столовой самообслуживания для персонала благодаря личной чиповой карточке месье Клузо. Когда профессор спал? Ел ли он? Загадка... Как сопровождающее лицо, я получил кровать в палате Билли, что позволяло нам проводить вечера вместе.

Никогда еще я не был так влюблен.

Никогда еще я не писал с такой легкостью.

* * *

Гринвич-Виллидж. 1 октября. Ближе к вечеру

Кароль первой оказалась перед маленьким книжным магазином на Грин-стрит.

«Керуак и К°. Торговля книгами»

Она заглянула в витрину и не поверила своим глазам.

Книга была там!

Открытая, на подставке с этикеткой «единственный экземпляр», она соседствовала со сборником стихов Эмили Дикинсон и афишей фильма

«Неприкаянные» с посвящением Мэрилин Монро.

Она почувствовала присутствие Мило за спиной.

– Поздравляю, твое упорство принесло свои плоды, – сказал он, подходя к витрине. – Я уже думал, что мы ее никогда не найдем.

– Ты уверен, что это та самая книга?

– Мы немедленно это выясним.

Магазин уже закрывался. Кеннет Эндрюс стоял у полок и расставлял по местам книги, с которых он только что вытер пыль. Он прервал свое занятие, чтобы принять новых посетителей.

– Чем могу помочь вам, мадам, сударь?

– Мы хотели бы взглянуть на одну из ваших книг, – попросила Кароль, ткнув пальцем в роман Тома.

– Ах, эта! Исключительный экземпляр! – воскликнул букинист, снимая его с витрины и обращаясь с ним с такой же осторожностью, как если бы у него в руках была инкунабула.

Мило рассмотрел книгу со всех сторон, удивленный тем, как с ней обошлись некоторые читатели.

– Ну что? – обеспокоенно спросила Кароль.

– Это она.

– Мы ее покупаем! – с энтузиазмом объявила она.

Кароль была взволнована и горда собой. Благодаря ей Билли теперь вне опасности!

– Отличный выбор, мадам. Я сейчас вам ее заверну. Как будете платить?

– Э... А сколько она стоит?

Наученный долгим опытом, Кеннет Эндрюс почувствовал, как нужна эта книга его клиентам, и без колебаний объявил астрономическую цену:

– Шесть тысяч долларов, мадам.

– Что? Вы шутите! – взвился Мило.

– Это уникальное издание, – сказал в свое оправдание букинист.

– Нет, это грабеж!

Старик указал ему на дверь.

– В таком случае я вас не задерживаю.

– Ну и черт с вами! Идите вы на... – не сдержался Мило.

– Немедленно туда отправлюсь, сударь, и вам желаю хорошо провести вечер, – парировал Эндрюс, возвращая роман на подставку.

– Подождите! – вмешалась Кароль, пытаясь успокоить страсти. – Я заплачу вам нужную сумму.

Она достала бумажник и протянула свою кредитную карту букинисту.

– Очень любезно с вашей стороны, мадам, – сказал он, беря маленький пластиковый прямоугольник.

* * *

Париж. Европейская больница Марии Кюри. Тот же день

– Ну что, я могу вернуться домой? Мне надоело валяться в кровати! – проворчала Билли.

Профессор Клузо сурово посмотрел на нее.

– Вам больно, когда я нажимаю здесь? – спросил он, прощупывая ее грудную кость.

– Немного.

Врач встревожился. У Билли поднялась температура. Шов покраснел и воспалился, его края немного разошлись. Возможно, это была всего лишь поверхностная инфекция, но все же он назначил несколько исследований.

* * *

Нью-Йорк

– Как это платеж не проходит? – прогремел Мило.

– Я сам ничего не понимаю, – извинился Кеннет Эндрюс, – но есть кое-какие проблемы с пластиковой картой вашей жены.

– Я не его жена, – поправила старика Кароль и повернулась к Мило: – Должно быть, я превысила лимит по карте, купив билеты на самолет, но у меня есть средства на сберегательном счете.

– Это сумасшествие, – попытался образумить ее Мило. – Ты же не станешь разорять себя...

Кароль не желала ничего слушать.

– Я должна немедленно связаться с банком, чтобы перевести деньги на другой счет. Но сегодня пятница, и это может затянуться, – объяснила она букинисту.

– Никаких проблем. Заходите, как только будете готовы.

– Этот роман очень важен для нас, – подчеркнула она.

– Я сохраню книгу для вас до вечера понедельника, – пообещал Эндрюс, забирая издание с витрины и пряча ее под прилавок.

– Я могу на вас рассчитывать?

– Даю вам слово, мадам.

* * *

Париж. Европейская больница Марии Кюри. Понедельник, 4 сентября

– Ай! – дернулась Билли, когда медсестра положила ей горячий компресс на грудную кость.

На этот раз боль была острее. Все выходные у нее держалась температура, и профессор Клузо перевел ее из восстановительного отделения в отделение кардиологии.

Врач изучал шов Билли. Он воспалился, из раны продолжал течь гной. Клузо опасался воспаления кости и костного мозга, медиастинита, осложнения редкого, но опасного после операций на сердце, вызванного, возможно, золотистым стафилококком.

Он назначил различные исследования, но ни одно не прояснило картину. Рентгеновский снимок грудной клетки показал разрыв двух стальных нитей, но его было трудно расшифровать из-за доброкачественных гематом, вызванных операцией.

Возможно, он тревожился напрасно...

Профессор Клузо помедлил, но потом предпочел сам провести заключительное обследование. Он ввел тонкую иглу в полость между легкими Билли, чтобы взять на анализ немного жидкости из средостения. Невооруженным взглядом было видно, что это похоже на гной.

Профессор назначил внутривенное введение антибиотиков и немедленно отправил взятую пункцию в лабораторию.

* * *

Гринвич-Виллидж. Понедельник, 4 октября. 9 часов 30 минут

Миллиардер Олег Мордоров зашел в маленькое кафе на Брум-стрит и заказал капучино, как делал это каждое утро, когда бывал в Нью-Йорке. С картонным стаканом в руке он вышел на тротуар и двинулся по Грин-стрит.

Осеннее солнце освещало здания Манхэттена мягким светом. Олегу нравилось бродить по улицам. Это время не было потрачено впустую, напротив. В такие моменты размышлений он часто принимал самые важные в своей жизни решения. На 11 часов у него была назначена встреча, завершающая крупную сделку с недвижимостью. Группа, которой он руководил, готовилась приобрести здания и склады в Вильямсбурге,

Гринпойнте и на Кони-Айленде, чтобы превратить их в роскошные резиденции. Едва ли этот проект понравится жителям этих кварталов, но это уже не его проблема.

Олегу было сорок четыре года, но круглое лицо казалось моложе. В джинсах, вельветовой куртке и свитшоте с капюшоном он не выглядел тем, кем был на самом деле – владельцем одного из самых крупных состояний в России. Он не демонстрировал внешние признаки богатства, не передвигался на лимузине олигарха, а его телохранитель умел соблюдать дистанцию и быть невидимкой. В двадцать шесть лет Олег преподавал философию в Авачинской бухте, когда ему предложили войти в команду муниципального управления Петропавловска-Камчатского, портового города на востоке России. Он погрузился в местную жизнь, а потом после перестройки и ельцинских реформ занялся бизнесом. Он нашел контакт с деловыми людьми, весьма подозрительными, но сумевшими помочь ему воспользоваться политикой приватизации государственных предприятий. Олег от природы не выглядел «деловым», и его противники часто попадались на удочку мечтательной и безобидной внешности, под которой скрывалась железная и несокрушимая воля. К настоящему моменту он уже прошел свой путь и избавился от неудобной дружбы. У него была собственность в Лондоне, Нью-Йорке и Дубае, яхта, частный самолет, профессиональная баскетбольная команда и «конюшня» «Формулы-1».

Олег остановился перед витриной маленького книжного магазина «Керуак и К°». Его внимание привлекла афиша фильма «Неприкаянные» с автографом Мэрилин Монро.

Подарок для Марике? Почему бы и нет...

Он встречался с Марике Ван Эден, голландской топ-моделью двадцати четырех лет, которая вот уже два года не сходила с обложек модных журналов.

– Здравствуйте, – бросил он, входя в магазин.

– Я могу вам помочь, сударь? – поинтересовался Кеннет Эндрюс.

– Автограф Мэрилин Монро, он подлинный?

– Разумеется, сударь, он продается с сертификатом подлинности. Это достойная вещь...

– ...которая стоит?

– Три тысячи пятьсот долларов, сударь.

– Идет, – согласился Олег, даже не пытаясь торговаться. – Это для подарка. Вы можете это упаковать?

– Сию секунду.

Пока букинист осторожно заворачивал афишу, Олег вытащил свою

платиновую карточку и положил ее рядом с книгой в темно-синем кожаном переплете.

Том Бойд «Трилогия ангелов».

Это же любимый автор Марики...

Олег позволил себе открыть роман, чтобы перелистать его.

– Сколько стоит это издание?

– Сожалею, оно не продается.

Олег улыбнулся. В делах его интересовало исключительно то, что якобы «не продавалось».

– Сколько? – повторил он.

Его круглое лицо потеряло свою приветливость. В глазах зажегся неприятный огонек.

– Книга уже продана, сударь, – спокойно ответил Эндрюс.

– Если она уже продана, то что она здесь делает?

– Клиент должен прийти за ней.

– Следовательно, он за нее пока не заплатил.

– Нет, но я дал ему слово.

– И сколько стоит ваше слово?

– Мое слово не продается, – твердо ответил владелец книжного магазина.

Ему вдруг стало не по себе. В этом типе было что-то угрожающее и агрессивное. Эндрюс оформил покупку, вернул клиенту платиновую карту и чек, радуясь тому, что этот разговор закончен.

Но Олег так не считал. Вместо того чтобы уйти, он устроился в рыжевато-коричневом кожаном кресле лицом к прилавку.

– Мне кажется, купить можно все, вы согласны?

– Я так не думаю, сударь.

– Что там сказал ваш Шекспир? – Олег начал вспоминать цитату. – «Деньги делают уродливого красивым, старого – молодым, несправедливое – справедливым, недостойное – благородным...»

– Это слишком циничный взгляд на природу человека, вы так не считаете?

– А что же, по-вашему, нельзя купить? – задал провокационный вопрос Олег.

– Вам это отлично известно: дружбу, любовь, достоинство...

Миллиардер отмел этот аргумент:

– Человек – существо слабое и продажное.

– Но вы же не станете спорить, что существуют моральные и духовные ценности, которые не поддаются логике выгоды.

– У каждого человека есть цена.
На этот раз Эндрюс указал покупателю на дверь:
– Желаю вам хорошего дня.
Но Олег не сдвинулся с места.
– У каждого человека своя цена. Сколько стоите вы?

* * *

Гринвич-Виллидж. Два часа спустя

– Это что еще за хрень? – возмутился Мило, останавливаясь перед книжным магазином.

Кароль не верила своим глазам. Не только железные жалюзи были опущены, но и написанное наспех объявление предупреждало возможных клиентов:

ЗАКРЫТО НА ГОД В СВЯЗИ

СО СМЕНОЙ ВЛАДЕЛЬЦА

Она почувствовала, как к глазам подступили слезы. Обескураженная, Кароль села на край тротуара и закрыла лицо руками. Она только что сняла со счета шесть тысяч долларов. Четверть часа назад она сама сообщила Тому хорошую новость, и вот книга уплыла у нее из-под носа.

Мило в ярости принялся трясти железные жалюзи. Но Кароль встала и постаралась вразумить его:

– Ты можешь сломать все что угодно, но этим ничего не изменишь.

Она вынула шесть тысяч долларов наличными и больше половины отдала Мило.

– Послушай, у меня больше не осталось выходных, но ты должен лететь в Париж и поддержать Тома. Это самое лучшее, что мы можем сейчас сделать.

Решение было принято. Все еще расстроенные, они вместе доехали на такси до аэропорта Джона Фицджеральда Кеннеди и каждый полетел в своем направлении: Кароль – в Лос-Анджелес, Мило – в Париж.

* * *

Ньюарк – ближе к вечеру

В нескольких десятках километров от них в другом нью-йоркском аэропорту частный самолет миллиардера Олега Мордорова вылетел в Европу. Экспресс-бросок туда и обратно, чтобы сделать сюрприз Марике. В первую неделю октября молодая манекенщица участвовала в показах Недели моды во французской столице. Все дома моды, принимавшие в ней участие, рвали Марике друг у друга. В голландке сочетались классическая красота и изысканность, она не была похожа ни на кого. Как будто боги с вершины Олимпа отпустили на землю уголек своего бессмертия.

Удобно устроившись в своем коконе, Олег рассеянно перелистал книгу Тома Бойда, прежде чем положить ее в пузырчатый упаковочный пакет, украшенный лентой.

«Оригинальный подарок, – подумал он. – Надеюсь, это ей понравится».

Оставшееся время в полете Олег посвятил улаживанию кое-каких дел, а потом проспал два часа.

* * *

Париж – больница Марии Кюри. 5 октября. 5 часов 30 минут

– Чертова внутрибольничная инфекция! – выругался профессор Клузо, входя в палату.

Измученная жаром и усталостью, Билли не приходила в сознание с вечера накануне.

– Плохая новость? – догадался я.

– Очень плохая. Анализ жидкости показал присутствие бактерий. У нее развивается медиастинит, опасная инфекция, требующая немедленного хирургического вмешательства.

– Вы будете оперировать снова?

– Да, ее немедленно отвезут в операционную.

* * *

Самолет Олега Мордорова приземлился в Орли в шесть часов утра. Скромная машина ждала его в аэропорту, чтобы отвезти на остров Святого Людовика в самом центре Парижа.

Автомобиль остановился на набережной Бурбонов перед красивым

особняком XVII века. Дорожная сумка в руке, упакованный подарок под мышкой, Олег поднялся на лифте на шестой этаж. Дуплекс занимал два последних этажа, из него открывался великолепный вид на Сену и мост Марии. Олег подарил квартиру Марике в начале их отношений. Вот такой каприз...

Он открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. Внутри было тихо. В окна заглядывал неяркий рассвет. На диване, обитом белой кожей, Олег узнал жемчужно-серое пальто Марике, но рядом с ним лежала мужская кожаная куртка, и это была не его куртка...

Олег сразу все понял и не стал подниматься в спальню.

Снова оказавшись на улице, он постарался скрыть свой позор от шофера, но в порыве гнева изо всех сил швырнул книгу в реку.

* * *

Больница Марии Кюри. 7 часов 30 минут

Следуя указаниям Клузо, интерн прижал электроды дефибриллятора к телу Билли, спавшей под действием наркоза. Потом за дело взялся хирург, извлек все нитки, еще удерживавшие грудную клетку, потом развел широко в стороны края грудной кости и начал иссекать ткани, затронутые некрозом или инфекцией.

Из раны сочилась зловонная жидкость. Клузо решил делать операцию «на закрытой грудной клетке». Чтобы удалить гной из раны, он поставил шесть маленьких дренажей, соединенных с флаконами, внутри которых был вакуум. Потом профессор закончил операцию, закрепив грудную кость новыми стальными нитями, чтобы дыхательные движения не мешали образованию рубца.

В конце концов, операция, пожалуй, прошла уда...

– Профессор, у нее открылось кровотечение! – крикнул интерн.

* * *

Защищенный только лишь пузырчатым упаковочным пакетом, роман с обложкой из темно-синей искусственной кожи задержался на мгновение на поверхности Сены, пока вода не начала просачиваться внутрь упаковки.

Последние несколько недель книга много путешествовала, перебравшись из Малибу в Сан-Франциско, пересекла Атлантику и

оказалась в Риме, откуда попала в Азию, прежде чем вернуться на Манхэттен, чтобы оттуда совершить последний перелет во Францию.

По-своему книга изменила жизнь всех тех людей, в чьи руки она попадала.

Этот роман не был похож на другие. История зародилась в голове подростка, травмированного той драмой, которую переживала его подруга детства.

Много лет спустя, когда его автор в свою очередь оказался во власти собственных демонов, книга вытолкнула в реальный мир одного из своих персонажей, чтобы прийти ему на помощь.

Но этим утром, когда речная вода начала пропитывать страницы книги, реальность, судя по всему, снова вступила в свои права, исполненная решимости стереть Билли с лица земли.

35. Испытание сердца

*После того как ищешь и не находишь, случается,
что находишь, хотя и не искал.*

Джером К. Джером

Больница Марии Кюри. 8 часов 10 минут

– Вскрываем! – приказал Клузо.

Именно этого он и боялся: в правом желудочке образовался разрыв, что привело к сильному кровотечению.

Кровь сочилась отовсюду и заливала операционное поле. Интерну и операционной сестре никак не удавалось высушить рану, поэтому Клузо пришлось сжать сердце руками, чтобы остановить кровотечение.

На этот раз жизнь Билли висела на волоске.

* * *

Набережная Сен-Бернар. 8 часов 45 минут

– Эй, парни! Пора приниматься за работу, а не завтракать! – рявкнула капитан Карина Аньели, входя в комнату отдыха поста речной полиции.

С круассаном в одной руке и чашкой кофе с молоком в другой лейтенанты Диас и Капелла просматривали заголовки в газете «Паризьен», слушая по радио в утреннем эфире имитатора-звезду.

Коротко стриженная, с очаровательными веснушками, Карина была настолько же женственной, насколько она была властной. Придя в отчаяние от такого нерадения, она выключила радиоприемник и поторопила своих людей:

– Только что звонили из дорожной службы. Дело срочное! Какой-то сумасшедший тип сиганул с моста Марии. Поэтому вы вытаскиваете пальцы из...

– Мы идем, босс! – прервал ее Диас. – Грубости ни к чему.

Через несколько секунд все трое уже сидели в «Корморане», патрульном катере, с которого следили за парижской рекой. Катер понесся вдоль набережной Генриха IV и промчался под мостом Сюлли.

– Надо совсем уже съехать с катушек, чтобы захотеть прыгнуть в

такую холодную воду, – заметил Диас.

– Точно... У вас обоих тоже не слишком свежий вид, – оценила Карина.

– Сегодня ночью малыш все время просыпался, – оправдался Капелла.

– А вы, Диас?

– Я не выспался из-за матери.

– Вашей матери?

– Это сложно объяснить, – неопределенно ответил он.

Больше Карина ничего от него не услышала. Катер продолжал свой путь вдоль дороги Жоржа Помпиду, пока не...

– Я вижу его! – крикнул Капелла, наблюдающий за рекой в бинокль.

Катер сбросил скорость, проплывая под мостом Марии. Наполовину задохнувшийся, запутавшийся в плаще, какой-то тип барахтался в воде, с трудом пытаясь добраться до берега.

– Он вот-вот утонет, – констатировала Карина. – Кто пойдёт?

– Сейчас очередь Диаса! – заверил ее Капелла.

– Издеваешься, да? Ведь вчера вечером это я...

– Ок, я все поняла, – прервала его молодая женщина. – В конце концов, здесь из мужчин только я!

Она застегнула гидрокостюм и прыгнула в воду под смущенными взглядами двух ее подчиненных.

Она доплыла до мужчины, успокоила его и дотащила до «Корморана», где его принял Диас, сразу укутал в одеяло, прежде чем оказать первую помощь.

Все еще находясь в воде, Карина заметила плавающий в реке предмет. Она его поймала. Это был большой пузырячатый упаковочный пакет. В воде такое точно не растворится. Так как речная полиция боролась еще и с загрязнением Сены, Карина взяла пакет, и Капелла поднял ее на катер.

* * *

Больница Марии Кюри

Операционная бригада работала все утро, пытаясь спасти Билли.

Пытаясь восстановить разорвавшийся сердечный клапан, Клузо использовал часть складки брюшины, чтобы залатать разрыв.

Это была последняя надежда.

Прогноз был неясен.

* * *

Набережная Сен-Бернар. 9 часов 15 минут

Вернувшись на пост речной полиции, лейтенант Капелла начал вынимать вещи из катера, прежде чем вымыть его с помощью автомойки с высоким давлением.

Он поднял конверт из пластика с пузырьками, пропитавшийся водой словно губка. В конверте оказалась совершенно мокрая книга на английском языке. Капелла собрался было отправить ее в помойку, но в последний момент передумал и оставил ее на набережной.

* * *

Дни сменяли друг друга...

Мило присоединился ко мне в Париже и помог мне пережить трудное время.

Балансируя между жизнью и смертью, Билли больше недели оставалась в реанимации под надзором профессора Клузо, который каждые три часа проверял состояние своей пациентки.

Он понимал и мое состояние, поэтому позволил мне постоянно находиться в реанимации. Там я и проводил большую часть моих дней, сидя на стуле с ноутбуком на коленях, и торопливо барабанил пальцами по клавиатуре в такт звукам кардиомонитора и аппарата искусственной вентиляции легких.

Билли была интубирована, окутана электродами, истыкана дренажами и катетерами, трубки капельниц отходили от ее рук и груди. Она находилась под действием болеутоляющих. Билли редко открывала глаза, и когда это случалось, я читал в ее взгляде страдание и отчаяние. Мне хотелось бы ее утешить и осушить ее слезы, но я мог только продолжать писать.

* * *

В середине октября, сидя за столиком на террасе кафе, Мило закончил письмо к Кароль. Он сложил листочки в конверт, заплатил за «Перье» с мятой и перешел через улицу, чтобы выйти на набережную Малакэ. По

дороге к Институту Франции – там он видел почтовый ящик – Мило ненадолго задержался возле лотков букинистов. Старинные качественные книги соседствовали там с почтовыми открытками Дуано, винтажными афишами, виниловыми пластинками 1960-х годов и ужасными брелоками для ключей в виде Эйфелевой башни. Мило остановился перед букинистом, торговавшим комиксами «Марвел». Начиная с «Халка» и заканчивая «Человеком-Пауком», его детские сны были населены героями комиксов, и теперь он с интересом перелистал несколько альбомов «Астерикса» и «Счастливчика Люка».

В последнем ящике были сложены издания «все по 1 евро». Мило из любопытства порылся в нем: старые пожелтевшие карманные издания, разорванные глянцевые журналы и среди всего этохлама потрепанный роман в кожаной обложке темно-синего цвета...

Не может быть!

Мило изучил книгу: обложка пошла пузырями, страницы склеились и высохли до состояния камня.

– *Where... where did you get this book?*^[91] – спросил он на родном языке, не способный произнести даже двух слов по-французски.

Букинист на ломаном английском кое-как объяснил ему, что подобрал книгу на набережной. Но Мило так и не понял, каким чудом книга, след которой он потерял в Нью-Йорке, нашлась десять дней спустя в Париже.

Все еще ошеломленный, он крутил книгу в руках.

Да, роман есть, но в каком состоянии...

Букинист понял его замешательство.

– Если вы хотите ее реставрировать, я могу посоветовать вам нужного человека, – предложил он, протягивая Мило визитную карточку.

* * *

Пристройка монастыря Сен-Бенуа. Где-то в Париже

В монастырской переплетной мастерской сестра Мари-Клод внимательно осмотрела книгу, которую ей доверили. «Тело» книги было избито и контужено, а обложка из искусственной кожи сильно повреждена. Реставрация, которую ее попросили сделать, казалась монахине сложной, но она решительно взялась за дело.

Для начала сестра Мари-Клод аккуратно расшила книгу. Потом с помощью увлажнителя толщиной не больше шариковой ручки она

обработала роман тонкой струйкой пара, температура которого высвечивалась на цифровом экране. Влажное облако проникло в бумагу и разделило слипшиеся страницы. Намокнув в реке, страницы стали хрупкими, часть текста размыло. С огромной осторожностью монахиня вложила листы промокательной бумаги между страницами, потом поставила книгу стоя и с бесконечным терпением начала «возвращать ее к жизни» с помощью фена.

Несколько часов спустя страницы снова можно было довольно свободно переворачивать. Сестра Мари-Клод тщательно проверила их одну за другой, каждый раз убеждаясь в том, что работа сделана хорошо. Она заново приклеила отклеившиеся фотографии и крохотную прядь волос, похожих на перышко из крыльев ангела. Наконец, чтобы придать книге прежнюю форму, монахиня оставила ее на всю ночь между пластинами пресса.

На другой день сестра Мари-Клод создала для книги новую обложку. В уединении мастерской, окруженная тишиной и спокойствием, она работала целый день с хирургической точностью, чтобы сделать обложку из крашеной телячьей кожи, которую она дополнила этикеткой из кожи ягненка и на ней золотыми буквами вывела название.

В 19 часов молодой американец со странным именем постучал в дверь монастыря. Сестра Мари-Клод вернула книгу Мило, который осыпал такими комплиментами ее работу, что она не могла не покраснеть...

* * *

– Просыпайся! – приказал Мило, тряся меня за плечо.

Черт побери!

Я снова заснул перед экраном ноутбука в палате Билли, которую она занимала до второй операции. Я всегда проводил здесь ночь с молчаливого согласия персонала.

Шторы были опущены, комнату слабо освещал ночник.

– Который час? – спросил я, протирая глаза.

– Одиннадцать ночи.

– А день недели какой?

– Среда.

Мило не удержался и насмешливо добавил:

– Прежде чем ты меня спросишь, год у нас две тысячи десятый, и Обама все еще наш президент.

– Гм...

Когда я погружался в историю, мои временные ориентиры обычно путались.

– Сколько страниц ты написал? – спросил Мило, пытаясь заглянуть в текст через мое плечо.

– Двести пятьдесят, – сказал я, опуская крышку ноутбука. – Я на середине.

– Как дела у Билли?

– Она по-прежнему в реанимации, под наблюдением.

Мило торжественно достал из подарочного пакета книгу в роскошном переплете.

– У меня для тебя подарок, – таинственно произнес он.

Я не сразу понял, что это мой собственный роман, который они с Кароль искали по всему миру.

Книга была качественно отреставрирована, у нее появилась кожаная обложка, теплая и гладкая на ощупь.

– Билли больше ничего не угрожает, – заверил меня Мило. – Теперь тебе остается только закончить твою историю, чтобы вернуть эту девушку в ее мир.

* * *

Прошли недели и месяцы.

Октябрь, ноябрь, декабрь...

Ветер унес упавшие на тротуар пожелтевшие листья, и тепло осеннего солнца сменилось зимним холодом.

В кафе убрали столики с террас и зажгли на террасах жаровни. Продавцы каштанов появились у выходов из метро, где одинаковым движением прохожие натягивали шапки и плотнее кутались в шарфы.

Увлеченный порывом, я писал все быстрее и быстрее, набирая текст, почти не переводя дух, захваченный историей. Теперь я был в большей степени ее игрушкой, чем творцом, загипнотизированный значками номеров страниц, появлявшимися в нижнем углу экрана: 350, 400, 450...

Билли выдержала удар и успешно прошла «испытание сердца». Сначала ее отключили от аппарата искусственной вентиляции легких, убрав из горла трубку и заменив ее кислородной маской. Затем Клузо начал постепенно уменьшать дозы обезболивающих, удалил дренажи и катетеры, с облегчением увидев, что бактериологические пробы не показали новых

следов инфекции.

Потом Билли освободили от повязок и прикрыли швы прозрачной пленкой. С течением времени шрам стал менее заметным.

Она начала самостоятельно пить и есть. Я видел, как она сделала первые шаги, потом первый раз поднялась по лестнице под присмотром кинезиотерапевта.

Ее волосы у корней приобрели прежний цвет, а к ней самой вернулась улыбка и жизнелюбие.

Семнадцатого декабря Париж проснулся под первыми снежинками, которые все утро спускались на город.

А двадцать третьего декабря я поставил последнюю точку в моем романе.

36. Последний раз, когда я видел Билли

Очень большая любовь – это две мечты, которые встретились и как заговорщики до последнего убегают от реальности.

Ромен Гари

Париж. 23 декабря. 20 часов

Рождественская ярмарка была в разгаре. Билли крепко прижалась к моей руке и позволила вести ее мимо маленьких белых шале, установленных между площадью Согласия и круглой площадью на Елисейских полях. Колесо обозрения, иллюминация, ледяные скульптуры, ароматы горячего вина и пряников придавали улице что-то волшебное и феерическое.

– Ты решил подарить мне пару обуви? – воскликнула Билли, когда мы проходили мимо роскошных бутиков на авеню Монтеня.

– Нет, я веду тебя в театр.

– На спектакль?

– Нет, на ужин.

Мы дошли до Театра Елисейских полей с облицованным белым мрамором фасадом, на лифте поднялись в ресторан, расположенный на верхнем этаже здания.

В строгой обстановке соединялись дерево, стекло и гранит. Зал был оформлен в пастельных тонах, подчеркнутых колоннами цвета сливы.

– Желаете что-нибудь выпить? – спросил метрдотель, усадив нас в одной из маленьких ниш, задрапированных шелком и располагавших к уединению.

Я заказал два бокала шампанского и вынул из кармана плоский серебристый футлярчик.

– Я выполнил обещание, – сказал я, передавая его Билли.

– Это украшение?

– Нет, не увлекайся...

– Это же флешка! – воскликнула она, снимая маленький колпачок. – Ты закончил роман!

Я кивнул. Нам принесли аперитив.

– У меня тоже кое-что есть для тебя! – загадочно сказала Билли,

вынимая из сумочки телефон. – Прежде чем чокнуться, я хочу вернуть тебе это.

– Но это же мой телефон!

– Да, я стащила его сегодня утром, – спокойно призналась она. – Ты же знаешь, что я люблю рыться в твоих вещах...

Я с ворчанием взял у нее мой сотовый, Били улыбалась с довольным видом.

– Я позволила себе прочесть некоторые из твоих эсэмэс. Вижу, у вас с Авророй все налаживается!

Она не слишком ошибалась, но я отрицательно покачал головой. В последние недели сообщения от Авроры стали приходить чаще, и были они нежнее. Она писала, что ей меня недостает, извинялась за некоторые свои ошибки и намекала между строк на возможность «второго шанса», на который наша пара, возможно, имела право.

– Она снова влюблена в тебя! Я же тебе говорила, что выполню мою часть договора! – заявила Билли, доставая из кармана смятый кусок бумажной скатерти из ресторана быстрого питания на заправке.

– Хорошее было время, – сказал я, вспоминая с ностальгией тот день, когда мы подписали этот договор.

– Да, я отвесила тебе увесистую оплеуху, если помнишь!

– Итак, сегодняшней вечер – это конец авантюры?

Билли с деланой беззаботностью посмотрела на меня.

– Ну да! Миссия выполнена для нас обоих: ты закончил книгу, а я вернула тебе женщину, которую ты любишь.

– Ты женщина, которую я люблю.

– Не усложняй, пожалуйста, – попросила она. К нам подошел метрдотель, чтобы принять заказ.

Я отвернулся, чтобы скрыть печаль, мой взгляд устремился сквозь головокружительное остекление, открывавшее пьянящий вид на крыши Парижа. Я отпустил официанта и только потом спросил:

– И что конкретно теперь будет?

– Мы много раз об этом говорили, Том. Ты отправишь рукопись издателю, и как только он прочтет твой текст, воображаемый мир, который ты описал в твоей истории, обретет форму в его мыслях. Мое место в этом вымышленном мире.

– Твое место здесь, рядом со мной!

– Нет, это невозможно! Я не могу одновременно находиться в реальности и в вымысле. Я не могу жить здесь! Я едва не умерла, и это просто чудо, что я до сих пор жива.

– Но теперь ты чувствуешь себя лучше.

– Это всего лишь отсрочка, и ты это знаешь. Если я останусь, я снова заболела и на этот раз уже не выкарабкаюсь.

Меня сбивала с толку ее решительность.

– Но я бы сказал, что... что тебе доставляет удовольствие расставание со мной!

– Нет, это не доставляет мне удовольствия, но мы с самого начала знали, что наша история может быть только эфемерной. Мы знали, что у нас нет будущего и мы ничего не сможем построить вместе.

– Но между нами столько всего произошло!

– Разумеется, в последние недели мы прожили что-то наподобие волшебного отступления, но наши с тобой реальности несовместимы. Ты живешь в реальном мире, а я всего лишь *вымышленный персонаж*.

– Отлично, – сказал я, вставая из-за стола, – но ты, по крайней мере, могла бы выказать хоть капельку огорчения.

Я швырнул салфетку на стул, оставшиеся деньги – на столик и вышел из ресторана.

* * *

Пронизывающий холод, парализовавший город, пробрал меня до костей. Я поднял воротник пальто, дошел до отеля «Плаза», где три машины такси поджидали клиентов.

Билли выбежала следом за мной и грубо схватила меня за руку.

– Ты не имеешь права вот так бросать меня! Ты не имеешь права портить все, что мы пережили!

Ее трясло. Слезы текли по щекам, изо рта вырывался пар.

– Что ты себе вообразил? – крикнула она. – Что меня не мучает перспектива потерять тебя? Но ты даже не знаешь, до какой степени я тебя люблю!

Она злилась на меня, мои упреки ее оскорбили.

– Ты хочешь, чтобы я сказала тебе: никогда в жизни мне не было так хорошо с мужчиной. Я даже не подозревала, что можно испытывать такие чувства к другому человеку! Я не знала, что страсть отлично уживается с восхищением, юмором и нежностью! Ты единственный заставил меня читать книги. Единственный, кто меня по-настоящему слушает, когда я говорю, и с кем я не чувствую себя полной идиоткой. Единственный, кому мои остроты казались такими же сексуальными, как и мои ноги.

Единственный, кто увидел во мне не только игрушку для постели... Но ты слишком глуп, чтобы понять это.

Я обнял ее. Я тоже был в ярости. Я ненавидел свой эгоизм и тот непреодолимый барьер, отделявший жизнь от вымысла и мешавший нам прожить историю любви, которую мы заслужили.

* * *

В последний раз мы вернулись «домой», в маленькую квартирку на площади Фюрстемберг, которая видела начало нашей любви.

В последний раз я зажег огонь в камине, показав Билли, что я усвоил ее урок: сначала смятую бумагу, потом щепки и, наконец, поленья, поставленные в форме типи.

В последний раз мы выпили по глотку кошмарной и восхитительной грушевой водки.

В последний раз Лео Ферре спел нам, что «со временем все проходит».

* * *

Огонь запылал, отбрасывая мягкие отблески на стены. Мы лежали на диване. Билли положила голову мне на живот, а я гладил ее волосы.

– Ты должен дать мне обещание, – заговорила она, поворачиваясь ко мне.

– Все, что захочешь.

– Обещай мне больше не падать в ту черную яму, в которую ты сорвался, и никогда больше не глушить себя лекарствами.

Меня тронула ее горячность, но я был не слишком уверен в моей способности выполнить такое обещание, как только я останусь один.

– Ты вернулся в твою жизнь, Том. Ты снова начал писать и любить. У тебя есть друзья. Будь счастлив с Авророй, родите детей. Не позволяй себе...

– Мне плевать на Аврору! – прервал я ее.

Билли встала и продолжала:

– Проживи я хоть десять жизней, мне все равно не хватило бы времени, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделал. Я не знаю точно, где я окажусь и что со мной случится, но будь уверен: я всегда буду любить тебя.

Билли подошла к письменному столу и нашла в ящике отреставрированную книгу, которую мне принес Мило.

– Что ты делаешь?

Я попытался встать и подойти к ней, но у меня внезапно и сильно закружилась голова. Она стала тяжелой, и на меня навалился сон, которому невозможно было сопротивляться.

Что со мной происходит?

Я сделал несколько неуверенных шагов. Билли открыла роман. Я догадывался, что она перечитывает знаменитую страницу 266, которая резко обрывалась на середине фразы: «...крикнула она, падая».

Мои глаза закрылись, силы покинули меня, и я вдруг понял:

«Водка! Билли только пригубила ее, а я...»

– Ты что-то добавила в бутылку?

Билли не стала отрицать, достала из кармана тубу со снотворным, которую, должно быть, стащила в больнице.

– Но почему?

– Чтобы ты меня отпустил.

Мышцы шеи парализовало, к горлу подкатила тошнота. Я боролся с онемением, пытаясь не упасть, но окружающий мир начал двоиться.

Последним, что я видел четко, была Билли, ворошившая угли кочергой, прежде чем бросить роман в огонь. Благодаря этой книге она пришла, с помощью этой книги она должна уйти.

Не в силах помешать ей, я упал на колени, перед глазами появился туман. Билли открыла мой ноутбук, и я скорее догадался, чем увидел, как она вставляет в него серебристую флешку...

Все заколыхалось вокруг меня, до меня донесся характерный звук: с моего ноутбука было отправлено электронное письмо. Уже теряя сознание и падая на паркет, я услышал тоненький голосок, прошептавший мне: «Я люблю тебя» – и затерявшийся в глубинах сна, в который я погружался.

* * *

Манхэттен. Мэдисон-авеню

В то же время в Нью-Йорке, где было уже больше четырех часов дня, Ребекка Тайлер, литературный редактор издательства «Даблдэй», ответила на звонок своей ассистентки.

– Мы только что получили рукопись последнего романа Тома Бойда! –

сообщила Дженис.

– Лучше поздно, чем никогда! – воскликнула Ребекка. – Мы ждем ее уже несколько месяцев.

– Я распечатываю?

– Да, и как можно быстрее.

Ребекка попросила помощницу отменить две назначенные на этот день встречи. Третий том «Трилогии ангелов» имел первостепенное значение для издательства, и она торопилась увидеть, что там за текст.

Она начала читать незадолго до пяти часов вечера и не останавливалась до поздней ночи.

Не сказав ни слова своей начальнице, Дженис распечатала роман и для себя. Она ушла из офиса в шесть вечера, вернулась на метро в свою маленькую квартирку в Вильямсбурге, говоря себе, что это чистое безумие – так рисковать. Это профессиональная ошибка, за которую ее могут уволить. Но ей настолько не терпелось прочесть конец трилогии, что она не устояла.

Эти две первые читательницы романа помогли обрести форму вымышленному миру, придуманному Томом Бойдом.

И в этом мире отныне предстояло жить Билли.

* * *

Париж. 24 декабря. 9 часов

Когда на другое утро я открыл глаза, меня тошнило, и во рту появился привкус земли. В квартире было пусто и холодно. В камине остался лишь серый пепел.

За окном повисло мрачное небо, в стекла стучал дождь.

Билли ушла из моей жизни так же внезапно, как и появилась в ней, словно пуля, пронзившая мне сердце, снова оставив меня одиноким и несчастным.

37. Свадьба лучших друзей

Единственные друзья, заслуживающие интереса, – те, кому можно позвонить в четыре часа утра.

Марлен Дитрих

Восемь месяцев спустя. Первые недели сентября. Малибу, Калифорния

Поместье с домом – копией французского замка, выстроенным в тысяча девятьсот шестидесятых годах эксцентричным миллиардером, раскинулось на холмах над Зума-бич. Шесть гектаров зелени, садов и виноградников создавали впечатление, что вы находитесь где-нибудь в глуши Бургундии, а не на берегу океана, в городе сёрфингистов и белых песчаных пляжей.

Именно в этом защищенном уголке Мило и Кароль решили отпраздновать свою свадьбу. С того момента как закончилось наше приключение, мои друзья наслаждались взаимной любовью, и я первым порадовался их долгожданному счастью.

Все шло своим чередом. Я расплатился с долгами, уладил проблемы с законом. Опубликованный за полгода до этого завершающий том моей трилогии встретился с читателями. Что же касается первой экранизации моего романа, то летом больше трех недель она держалась на первом месте по кассовым сборам. В Голливуде все меняется быстро: из сбившегося с пути лузера я снова стал успешным автором, которому все удавалось. *Sic transit gloria mundi*^[92].

Мило снова открыл свой офис и управлял моими делами с осторожностью индейца-сиу. Он вернул свой «Бугатти», но когда узнал о беременности своей будущей жены, сразу же сменил болид на «Вольво» – универсал!

Короче, Мило уже не был прежним Мило...

Если внешне жизнь снова мне улыбалась, в душе я оплакивал исчезновение Билли. Она ушла, оставив в глубине моего сердца неиссякаемые запасы любви, с которыми я не знал, что делать. Храня верность моему обещанию, я не погрузился в туманность «антидепрессантов, транквилизаторов и кристаллического метамфетамина»

и был максимально «чистым». Чтобы не бездельничать, я отправился в большое турне подписывать экземпляры моей новой книги, благодаря которому я за несколько месяцев побывал во всех уголках страны. Один лишь факт, что я снова вижу людей, действовал на меня благотворно. Но как только я оставался один, всплывали болезненные воспоминания о Билли, жестоко напоминая мне волшебство нашей встречи, искорки наших словесных перепалок, зародыши наших ритуалов и тепло нашей близости.

Я подвел черту под любовной жизнью и прекратил всяческие контакты с Авророй. Наша история была не из тех, что заслуживают второго шанса. Я перестал строить планы на будущее, довольствуясь тем, что проживал день за днем так, как получалось.

Но я не мог позволить себе новое погружение в ад. Если я рухну второй раз, я больше никогда не поднимусь, а я не имел права разочаровать Мило и Кароль, которые изо всех сил старались вернуть мне вкус к жизни. Чтобы не омрачать их любовь, я скрывал мою печаль и мои раны, охотно соглашаясь на ужины-кастинги, которые они устраивали по пятницам, чтобы я смог встретить родственную душу. Они поклялись себе, что обязательно разыщут «редкую жемчужину», и с этой целью мобилизовали всех своих знакомых. Благодаря их усилиям за несколько месяцев я познакомился с полным набором тщательно отобранных калифорнийских холостячек – преподавательницей университета, сценаристкой, учительницей, психологом... – но эта игра меня совсем не забавляла, и наши беседы никогда не продолжались после ужина.

* * *

– Речь свидетеля! – потребовал кто-то из гостей.

Мы сидели под большим тентом, разбитым для приема гостей. Это были в основном полицейские, пожарные и сотрудники «скорой помощи», с которыми Кароль общалась на работе. Они пришли с семьями. Со стороны Мило были только его мать и я. Атмосфера была расслабленной и неформальной. Холщовые полотнища хлопали на ветру, впуская запахи свежей травы и морской воздух.

– Речь свидетеля! – хором потребовали гости.

Они принялись стучать ножами по бокалам, вынуждая меня встать и произнести импровизированный тост, без которого я бы с удовольствием обошелся. Нежность, которую я испытывал к моим друзьям, была не из тех чувств, о которых говорят в присутствии сорока человек.

И все же я заставил себя включиться в игру. Я встал, все замолчали.

– Здравствуйте все.

Быть свидетелем на этой свадьбе – это большая честь, потому что это свадьба моих лучших друзей, и если быть до конца честным, моих *единственных настоящих* друзей.

Я повернулся сначала к Кароль. Она была ослепительна в своем платье, усыпанном мелкими кристаллами.

– Кароль, мы знаем друг друга с детства, то есть всю жизнь. Твоя история и моя история неразрывно связаны, и я никогда не мог бы быть счастливым, если бы знал, что ты несчастна.

Я улыбнулся ей, она в ответ подмигнула. Потом я обратился к Мило:

– Мило, брат мой, вместе мы прошли через все и делились всем: начиная с нашей трудной юности и заканчивая головокружением от социального успеха. Мы вместе совершали ошибки и вместе исправляли их. Вместе мы все потеряли и все вернули. И я надеюсь, что мы вместе продолжим наш путь.

Мило коротко кивнул. Я видел, что он взволнован и у него блестят глаза.

– Слова – это моя специальность, но словами не выразить мое счастье, когда я вижу вас сегодня вместе.

Больше года вы оба доказывали мне, до какой степени я могу на вас рассчитывать, в том числе в драматических обстоятельствах. Вы показали мне, что поговорка – дружба удваивает радость и наполовину сокращает печали – это не пустые слова.

От всего сердца я благодарю вас за это и обещаю вам, что и я буду рядом, если понадобится вам, чтобы помочь сохранить ваше счастье на протяжении всей вашей жизни.

Потом я поднял бокал и обратился к присутствующим:

– Я желаю вам всем замечательно провести этот день и предлагаю всем выпить за молодоженов.

– За молодоженов! – хором закричали гости.

Я заметил, что Кароль вытерла слезинку, а Мило подошел ко мне, чтобы обнять.

– Нам надо поговорить, – сказал он мне на ухо.

* * *

Мы устроились в тихом уголке поместья – в ангаре для лодок,

построенном на берегу озера, по которому плыла эскадра лебедей. В маленьком строении с фронтоном расположилась коллекция лодок из лакированного дерева, и в нем было что-то вечное и очень новоанглийское.

– О чем ты хочешь поговорить, Мило?

Мой друг ослабил галстук. Он старался казаться спокойным, но его лицо выдавало смущение и озабоченность.

– Я не хочу больше жить во лжи, Том. Я знаю, что должен был сказать тебе об этом раньше, но...

Он замолчал и потер глаза.

– В чем дело? – Я был заинтригован. – Ты же не хочешь мне сказать, что снова потерял деньги на бирже?

– Нет, это Билли...

– Что Билли?

– Она... она существует. То есть не по-настоящему, но...

Я никак не мог взять в толк, что он пытается мне сообщить.

– Черт побери, да ты перебрал, что ли?!

Мило глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и уселся на столярный верстак.

– Нужно восстановить картину, чтобы ты все понял. Вспомни, в каком состоянии ты был год назад. Ты совершал одну глупость за другой: превышение скорости, наркотики, проблемы с законом. Ты перестал писать, ты погружался в самоубийственную депрессию, из которой тебя ничто не могло вытащить, ни психотерапия, ни лекарства, ни наша поддержка.

Я сел рядом с ним. Мне почему-то стало тревожно.

– Однажды утром, – продолжал Мило, – мне позвонил наш издатель, чтобы предупредить о типографском браке в тираже второго тома трилогии. Он прислал мне экземпляр с курьером, и я увидел, что текст обрывается на середине фразы: «...крикнула она, падая». Весь день эта фраза не выходила у меня из головы, и я все думал о ней во время встречи на киностудии «Коламбия». Продюсеры проводили кастинг для экранизации твоего романа, и в тот день они отбирали актеров для второстепенных ролей. Я ненадолго задержался на площадке, где прослушивали актрис на роль Билли. Там-то я и встретил эту девушку...

– Какую девушку?

– Ее звали Лилли. Молодая женщина, немного жалкая, переходила с кастинга на кастинг со своим портфолио. Бледная, на ресницах густой слой туши, в ней была усталость героинь Кассаветиса. Мне ее проба показалась великолепной, но ассистент режиссера не оставил ей никакой надежды. У

парня точно было дерьмо в глазах, раз он не увидел, что эта девушка и есть «твоя» Билли. Тогда я пригласил ее выпить по стаканчику, и она рассказала мне о своей жизни.

Мило сделал невыносимую паузу, следя за моей реакцией, с осторожностью подбирая слова. Но мне уже надоело смотреть, как он ходит вокруг да около.

– Продолжай, черт побери!

– Будучи официанткой, Лилли изредка работала манекенщицей, все время пытаюсь стать актрисой. Она несколько раз снялась для глянцевого журналов, в низкопробной рекламе, появилась даже в короткометражках, но она явно была не Кейт Мосс. Хотя она была еще молода, ее карьера определенно подходила к концу. Я почувствовал ее уязвимость, понял, что она немного потерялась в безжалостном мире моды, где одна девушка сменяет другую и где те, кто не «выстрелил» в двадцать пять лет, не имели никакого будущего...

Холодок пробежал по моей спине и достиг затылка. Я чувствовал, как кровь стучит в висках.

– Что ты пытаешься мне сказать, Мило? Что ты предложил этой девушке?

– Я предложил ей пятнадцать тысяч долларов, – наконец признался он. – Пятнадцать тысяч баксов, чтобы она сыграла роль Билли, но не в фильме. В твоей жизни.

38. Лилли

Судьба сдает карты, но это мы ими играем.

Рэнди Пауш

– Да, я предложил ей пятнадцать тысяч долларов, чтобы она сыграла роль Билли, но не в фильме. В твоей жизни.

Признание Мило произвело на меня эффект апперкота. Это было состояние боксера после удара, когда он падает посреди ринга. Мило воспользовался моим замешательством, чтобы оправдаться:

– Понимаю, это кажется безумием, но ведь это сработало, Том! Я не мог сидеть сложа руки. Нужно было действовать на тебя электрошоком, причем достаточно мощным, чтобы заставить тебя реагировать. Это была последняя карта, которой я мог сыграть, чтобы вытащить тебя из ямы.

Ошарашенный, я слушал, не понимая.

Билли всего лишь актриса? Вся эта авантюра – просто манипуляция? Неужели я дал себя провести?

– Нет, я тебе не верю, – сказал я. – Это не выдерживает никакой критики! Помимо внешнего сходства есть много доказательств существования Билли.

– Каких?

– Татуировка, к примеру.

– Она фальшивая. Это временная надпись, выполненная гримером на студии.

– Она знала все о жизни Билли.

– Я заставил Лилли прочесть все твои романы, и она разобрала их по косточкам. Я не давал ей пароль от твоего ноутбука, но она получила доступ к биографиям твоих персонажей.

– Ты-то сам как их раздобыл?

– Я заплатил хакеру, чтобы он взломал твою машину.

– Ты настоящий мерзавец!

– Нет, я твой друг!

Он мог говорить что угодно, я все равно ему не верил.

– Но ты же сам повез меня к психиатру, чтобы меня насильно упрятали в психиатрическую больницу!

– Я заранее знал: если мой план сработает, ты отреагируешь именно

так и попытаешься сбежать.

Перед моим мысленным взором появились отчетливые картины того, что я прожил вместе с Билли. Я тщательно изучил каждую, надеясь найти противоречия в словах Мило.

– Подожди! Она сумела починить «Бугатти», когда машина сломалась! Кто ее этому научил, если не братья-автомеханики?

Мой друг мгновенно ответил:

– Я всего лишь отсоединил один проводок. Мы заранее обо всем договорились, чтобы этот трюк окончательно развеял твои сомнения. Не старайся: есть только одна деталь, которая могла бы ее выдать, но ты, к счастью, не обратил на нее внимания.

– И что это за деталь?

– Билли левша, а Лилли правша. Совсем просто, да?

Вот тут память подвела меня. Невозможно определить, говорит ли он мне правду.

– Твои объяснения вполне правдоподобные, но ты сам загнал себя в угол. Что ты скажешь о болезни Билли?

– Когда вы приехали в Мексику, все пошло быстрее, – продолжал каяться Мило. – Хотя ты все еще не мог писать, было очевидно, что тебе стало лучше. И главное, между тобой и этой девушкой что-то происходило. Не признаваясь самим себе, вы начали друг в друга влюбляться. В этот момент я уже подумал было открыть тебе правду, но Лилли настояла на том, что нужно продолжать. Это *ей* пришла в голову идея мизансцены с болезнью.

Я оказался в абсолютном тумане.

– Но ради чего?

– Она любила тебя, чудак человек! Она хотела твоего счастья: чтобы ты снова начал писать и смог еще раз завоевать Аврору. И это ей удалось!

– То есть седые волосы – это была...

– ...краска.

– А чернила во рту?

– Содержимое одного баллончика для авторучки, которое Лилли вылила под язык.

– А как же результаты анализов там, в Мексике? Целлюлоза, обнаруженная в ее теле?

– Мы все это выдумали, Том. Доктору Филипсону оставалось три месяца до выхода на пенсию. Я сказал ему, что ты мой друг и я хочу тебя разыграть. Он так скучал в своем медпункте, что этот розыгрыш его позабавил. Но как случается с любыми планами, вмешался господин

Случай. Аврора предложила тебе показать Билли профессору Клузо...

– Клузо никогда бы не пошел на такой обман. В Париже Билли ничего не симулировала. Она едва не умерла, я в этом уверен.

– Ты прав, но именно в этот момент произошло нечто невероятное, Том! Лилли *действительно* была больна, хотя сама об этом не подозревала. Клузо диагностировал у нее миксому сердца. В каком-то смысле я спас вас обоих.

– А книгу, которую ты несколько недель искал по всему свету?

– Происходящее вышло из-под моего контроля, – признал Мило. – Кароль ни о чем не знала и искренне верила во всю эту историю. Это она проявила инициативу. А я ей только подыграл...

Он не успел закончить фразу, потому что удар моего кулака отправил его в партер.

– Ты не имел права это делать!

– Спасать тебя? – спросил он, поднимаясь на ноги. – Нет, это было не право, это был мой долг.

– Но не любой ценой!

– Именно что любой ценой.

Мило вытер струйку крови, потекшую из разбитого рта, и твердо сказал:

– На моем месте ты поступил бы так же. Чтобы защитить Кароль, ты без колебаний совершил убийство, поэтому не тебе учить меня! Это история нашей жизни, Том! Как только один из нас слабеет, двое других приходят ему на помощь. Только поэтому мы трое еще держимся. Ты вытащил меня с улицы. Без тебя я бы все еще сидел в тюрьме, а не женился на женщине, которую люблю. Без тебя Кароль, вероятно, уже повесилась бы, а не готовилась стать матерью. А ты? Где был бы сейчас ты, если бы мы позволили тебе разрушить себя? В психиатрической клинике? Или в могиле?

Через матовые стекла проникал белесый свет. Я оставил его вопрос без ответа. В данную минуту меня заботило совершенно другое.

– Что стало с этой девушкой?

– С Лилли? Понятия не имею. Я отдал ей деньги, и она исчезла из моей жизни. Думаю, Лилли уехала из Лос-Анджелеса. Раньше она работала по выходным в ночном клубе на Сансет-трип. Я туда ездил, но ее там никто больше не видел.

– Как ее фамилия?

– Не знаю! Я даже не уверен, что ее на самом деле зовут Лилли.

– Другой информации у тебя нет?

– Послушай, я понимаю, что тебе хочется ее найти. Но женщина, которую ты ищешь, всего лишь второсортная актриса, официантка в стриптиз-клубе, а не та Билли, которую ты любил.

– Оставь эти советы при себе. Так ты в самом деле больше ничего о ней не знаешь?

– Нет. Мне жаль, но скажу тебе одно: если бы я должен был сделать это снова, я бы повторил это и десять раз.

Я вышел из ангара, удрученный признаниями Мило, и прошел несколько шагов по деревянному настилу, уходящему в озеро. Равнодушные к людским страданиям белые лебеди плавали среди диких ирисов.

* * *

Я забрал машину со стоянки и проехал вдоль берега до Санта-Моники, а потом углубился в город. В моей голове все перемешалось, мне казалось, что я еду без всякой цели. Я пересек Инглвуд, проехал по Ван-Несс-авеню и Вермонт-авеню и лишь потом понял, что невидимая сила довела меня почти до квартала моего детства.

Я остановил машину возле вазонов для цветов, в которых еще в мое время не было ничего, кроме окурков и пустых банок.

У подножия блочных башен все изменилось и не изменилось ничего. Все такие же парни играли в баскетбол на асфальте, другие тем временем подпирали стены, дожидаясь, пока что-нибудь произойдет. На долю секунды я действительно поверил, что один из них крикнет мне:

– Эй, мистер Фрик!

Но я стал чужим, и никто меня не дразнил.

Я прошел вдоль баскетбольной площадки, огороженной сеткой, до паркинга. «Мое» дерево было на своем месте. Оно захирело, листья стало еще меньше, но оно продолжало стоять. Как прежде, я сел на сухую траву, прислонившись спиной к стволу.

В это мгновение на парковку влетел «Мини-Купер» и остановился, захватив два места. Кароль в свадебном платье вышла из машины. Я видел, что она идет ко мне, держа в правой руке большую спортивную сумку, а в левой – красивый белый шлейф, который она старалась не испачкать.

– Гля! На парковке свадьба! – крикнул один из шутников со спортивной площадки.

Его «коллеги» какое-то время понаблюдали за происходящим, но

потом вернулись к игре.

Кароль подошла ко мне вплотную.

– Привет, Том.

– Привет, но ты, по-моему, ошиблась с датой. Сегодня не день моего рождения.

Она едва заметно улыбнулась, и тут же по ее щеке покатилась слезинка.

– Мило мне все рассказал неделю назад. Клянусь тебе, что до этого я ничего не знала, – объяснила Кароль, садясь на невысокую стену парковки.

– Прости, что испортил тебе свадьбу.

– Ничего страшного. Как ты себя чувствуешь?

– Как человек, который понимает, что его дергали за ниточки как марионетку.

Кароль вытащила пачку сигарет, но я остановил ее:

– Ты что, с ума сошла? Позволь тебе напомнить, что ты беременна.

– Тогда прекрати нести чушь! Ты не должен так это воспринимать.

– А как, по-твоему, я должен к этому относиться? Меня провели, вот и все. И кто? Мой лучший друг.

– Послушай, я видела, как эта девушка вела себя с тобой. Поверь, она не изображала чувства к тебе.

– Нет, но это были чувства *по тарифу*. Пятнадцать тысяч долларов, не так ли?

– Не преувеличивай, прошу тебя! Мило никогда не просил ее спать с тобой!

– В любом случае, она поспешила смыться, как только ее контракт закончился!

– Поставь себя на ее место. Ты думаешь, ей было легко изображать героиню твоего романа? С ее точки зрения, ты влюбился в персонаж, в женщину, которой она на самом деле не была.

В словах Кароль был резон. В кого я все-таки влюбился? В персонаж, который я сам создал и которым, как марионеткой, управлял Мило? В неудавшуюся актрису, для которой эта роль стала главной в жизни? Ни в ту, ни в другую, честно говоря. Я влюбился в девушку, которая посреди мексиканской пустыни заставила меня осознать, что в ее присутствии все имело больше вкуса, сочности и цвета.

– Ты должен найти ее, Том, иначе ты будешь сожалеть об этом до конца твоих дней.

Я покачал головой:

– Это невозможно. Мы потеряли ее след и даже не знаем, как ее

фамилия.

– Поищи аргументы повесомее.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Видишь ли, я тоже никогда не буду счастлива, зная, что ты несчастен.

По голосу Кароль я почувствовал, насколько искренними были ее слова.

– Поэтому я принесла тебе вот это.

Она нагнулась к сумке и протянула мне рубашку, испачканную кровью.

– Милый подарок, но я бы предпочел ноутбук, – сказал я, пытаюсь снять напряжение.

Кароль не сумела сдержать улыбку, а потом объяснила:

– Ты помнишь то утро, когда я приехала к тебе вместе с Мило и ты впервые рассказал нам о Билли? Твой дом был в беспорядке, на террасе все было перевернуто вверх дном. На стекле и на твоей одежде была кровь...

– Да, это было после того, как Билли разрезала себе ладонь.

– В тот момент я очень встревожилась, увидев кровь. Я навоображала себе всякие ужасы, не сомневалась, что ты убил или ранил кого-то. Поэтому на следующий день я вернулась в твой дом и замыла все следы. В ванной комнате я нашла эту окровавленную рубашку. Ее я забрала с собой, чтобы она не попала в руки дознавателей при возможном расследовании. Я с ней не расставалась, поэтому, когда Мило открыл мне правду, я отнесла ее в лабораторию, чтобы взять образцы ДНК. Я проверила результаты по базам и...

Кароль выдержала эффектную паузу и достала из сумки картонную папку.

– ...сообщаю тебе, что твоя подружка правонарушительница еще та.

Я открыл папку и сразу увидел ксерокопию досье с грифом ФБР. Кароль прокомментировала его:

– Ее зовут Лилли Остин, она родилась в 1984 году в Окленде. За последние пять лет ее дважды арестовывали. Ничего серьезного. Первый раз ее арестовали за «неподчинение агенту» в 2006-м во время демонстрации за свободу абортот, а другой раз – в 2009-м за то, что она курила косячок в парке.

– И этого достаточно, чтобы на нее завели досье?

– Я вижу, ты не слишком часто смотришь сериал «C.S.I.: Место преступления», верно? Полиция Лос-Анджелеса систематически отбирает образцы ДНК у арестованных или подозреваемых в совершении некоторых правонарушений. Если это тебя успокоит, то ты тоже член клуба.

– Ты знаешь ее новый адрес?

– Нет, но я направила поисковый запрос, и вот что я выяснила.

Она протянула мне листок бумаги. Это были данные о зачислении Лилли в университет Брауна на текущий учебный год.

– Она снова изучает литературу и драматургию, – объяснила Кароль.

– Но как ее могли принять в этот университет? Это один из лучших факультетов страны...

– Я туда позвонила. Ее приняли на подготовительные курсы. Лилли последние месяцы явно много занималась, так как получила великолепные оценки на предварительных экзаменах.

Я смотрел на два документа, которые объединяла не знакомая мне Лилли Остин, постепенно материализуясь у меня на глазах.

– Думаю, мне пора вернуться к гостям, – сказала Кароль, глядя на часы. – А тебе – самое время найти кое-кого.

* * *

В следующий понедельник первым же рейсом я вылетел в Бостон и в шестнадцать часов уже был в столице Массачусетса, арендовал в аэропорту машину и взял курс на Провиденс.

В кампусе университета Брауна выстроились импозантные здания из красного кирпича, окруженные зеленеющими лужайками. Для многих студентов это был конец учебного дня. Перед отъездом я нашел в интернете расписание курса, на котором училась Лилли, и с бьющимся сердцем ждал под дверями аудитории, где заканчивалась лекция.

Встав так, чтобы она меня не заметила, я увидел, как она выходит из зала вместе с другими студентами. Мне потребовалось некоторое время, чтобы узнать ее. Она подстригла волосы, и их цвет стал более насыщенным. Лилли была одета очень сдержанно: в серую короткую юбку, черные колготки, водолазку и приталенный пиджак. Кепи из твида дополняло ансамбль, придавая ей вид *лондонской девушки*. Я был твердо намерен заговорить с ней, но решил дождаться, пока она останется одна. Я пошел следом за ее компанией – два парня и еще одна девушка – в кафе рядом со зданием факультета. Лилли пила чай и оживленно спорила с одним из студентов. Утонченный тип, и к тому же красавчик. Чем больше я на нее смотрел, тем больше Лилли казалась мне похорошевшей и безмятежной. Возобновив учебу вдали от Лос-Анджелеса, она как будто нашла равновесие. Некоторым это удастся – начать жизнь сначала. А я мог только продолжать собственную.

Я вышел из кафе, так и не показавшись ей на глаза, и вернулся к машине, удрученный этим погружением в студенческий мир. Разумеется, я был рад узнать, что Лилли всем довольна, но молодая женщина, которую я увидел, уже не была «моей» Билли. Она явно перевернула страницу. Увидев, как она разговаривает с двадцатилетним парнем, я почувствовал себя старым. В конце концов, вполне вероятно, что десять лет разницы были не столь уж незначительной преградой.

По дороге в аэропорт я говорил себе, что съездил впустую. Хуже того, как фотограф, не ухвативший уходящую натуру, я упустил решающий момент, который мог вернуть в мою жизнь смех и свет...

* * *

Сидя в самолете, который нес меня в Лос-Анджелес, я включил ноутбук.

Может быть, я всего лишь на середине моего жизненного пути, но я уже знал, что больше никогда не встречу такую девушку, как Билли, которая за несколько недель сумела заставить меня поверить в невероятное и позволила покинуть опасную страну, где реки берут начало в отчаянии и впадают в пропасть страдания.

Мое приключение с Билли закончилось, но я не хотел забывать ни один эпизод. Я должен был рассказать нашу историю. Историю для тех, кому повезло один раз в жизни узнать любовь, кто проживал ее сейчас или надеялся встретить завтра.

Я открыл новый документ в текстовом редакторе и дал ему название моего будущего романа: «Бумажная девушка».

В течение пяти часов полета я сразу написал первую главу. Она начиналась так:

Глава 1

Дом на берегу океана

– Том, открой мне!

Крик, подхваченный ветром, остался без ответа.

– Том! Это я, Мило. Я знаю, что ты здесь. Выходи из своего логова,

черт возьми!

Малибу. Округ Лос-Анджелес, Калифорния. Дом на пляже

Уже больше пяти минут Мило Ломбардо без остановки колотил по деревянным ставням, выходившим на террасу дома его лучшего друга.

– Том, открывай! Или я выломаю дверь! Ты знаешь, что я на это способен!

39. Девять месяцев спустя...

Писатель сносит дом своей жизни, чтобы из его кирпичей построить другой дом: дом своего романа.

Милан Кундера

Над старым Бостоном дул весенний ветер.

Лилли Остин шла по узким и петляющим улицам Бикон-Хилла. Квартал с его цветущими деревьями, газовыми фонарями и кирпичными домами завораживал своим очарованием.

На пересечении Ривер-стрит и Байрон-стрит она остановилась перед витриной антиквара, а потом вошла в книжный магазин. Места там было немного, поэтому романы соседствовали с эссе. Внимание Лилли привлекла стопка книг: Том написал новый роман...

Уже полтора года она выработала привычку обходить стороной отдел художественной литературы, чтобы не встретиться с *ним*. Потому что всякий раз, когда она случайно *его* видела – в метро, в автобусе, на рекламном плакате или на террасе кафе, – ей становилось грустно и хотелось плакать. Когда ее подружки с факультета говорили с ней о *нем* (вернее, о его книгах), Лилли едва сдерживалась, чтобы не ответить им: «Я сидела за рулем его «Бугатти», мы вместе пересекли мексиканскую пустыню, я жила с ним в Париже, я занималась с ним любовью...» Порой, видя людей, погруженных в чтение третьего тома «Трилогии ангелов», она испытывала некоторую гордость, и ей хотелось сказать им: «Это благодаря мне вы читаете эту книгу! Он написал ее ради меня!»

Лилли прочла название нового романа: «Бумажная девушка».

Заинтригованная, она перелистала несколько страниц. Это была ее история! Их история! С бьющимся сердцем она поспешила к кассе, заплатила за книгу и продолжила чтение на скамье в Общественном саду, большом городском парке.

* * *

Лилли лихорадочно переворачивала страницы романа, конца которого она не знала. Она заново переживала их историю, но теперь с точки зрения

Тома, с любопытством открывая для себя его подлинные чувства. Та часть истории, которую прожила она, заканчивалась на главе 36, и Лилли не без опасения приступила к чтению двух заключительных глав.

Этим романом Том признавал, что именно она спасла ему жизнь, но, главное, признавался в том, что он простил ей ее обман и его любовь не ушла вместе с ней.

Чуть не плача, Лилли узнала о том, что Том приходил в университет Брауна прошлой осенью и ушел, не поговорив с ней. Лилли пережила то же самое годом раньше! Однажды утром, устав от лжи, она села в самолет до Лос-Анджелеса с твердым намерением рассказать Тому правду и втайне надеясь на то, что их любовь не умерла.

Лилли приехала в Малибу в начале вечера, но дом на пляже был пуст. Тогда она взяла такси, чтобы попытаться счастья на вилле Мило в Пасифик-Палисейдс.

В окнах горел свет, поэтому Лилли решила подойти ближе и через стекло увидела за ужином две пары: Мило и Кароль, которые выглядели по уши влюбленными, и Тома с молодой женщиной, которая не была ей знакома. Лилли стало очень грустно. Она почти стыдилась того, что представляла, будто Том не нашел ей замену. Читая роман, Лилли понимала, что это был один из «пятничных кастингов», которые устраивали его друзья, чтобы помочь ему найти родственную душу!

Лилли закрыла книгу, ее сердце гулко билось в груди. Теперь это была уже не надежда, а твердая уверенность: история их любви далека от завершения. Возможно, они прожили лишь первую ее главу, и Лилли была намерена написать вторую главу вместе с Томом!

На Бикон-Хилл спустился вечер. Направляясь к метро, на пешеходном переходе Лилли едва не налетела на пожилую и чопорную жительницу Бостона, державшую под мышкой йоркширского терьера.

Лилли была так счастлива, что не могла не поделиться своей радостью хотя бы с ней.

— «Бумажная девушка» — это я! — крикнула Лилли, показывая ей обложку.

* * *

Книжный магазин «Призраки и Ангелы» счастлив пригласить вас на автограф-сессию писателя Тома Бойда во вторник 12 июня с 15 до 18 часов, на которой он подпишет для читателей экземпляры своего нового

романа «Бумажная девушка».

* * *

Лос-Анджелес

Было почти семь часов вечера. Очередь моих читателей становилась все короче, автограф-сессия подходила к концу.

Мило оставался со мной всю вторую половину дня, разговаривая с покупателями и пересыпая эти разговоры остроумными шутками. Он легко входил в контакт с людьми, от его добродушного ожидания становилось менее тоскливым.

– Я не обратил внимания на время! – воскликнул он, глядя на свои часы. – Оставляю тебя одного заканчивать все это, старина. Я должен дать малышке бутылочку!

Его дочка родилась три месяца назад, и Мило стал совершенно сумасшедшим отцом, чего и следовало ожидать.

– Еще час назад я сказал тебе, что ты можешь идти! – заметил я.

Он надел куртку, попрощался со служащими магазина и поспешил к своей семье.

– Ах да, я заказал для тебя такси, – спохватился Мило на пороге. – Оно будет ждать на перекрестке, на другой стороне улицы.

– Хорошо. Поцелуй за меня Кароль.

Я провел в магазине еще десять минут, подписал оставшиеся экземпляры и перебрался парой слов с управляющей магазином.

Теплый приглушенный свет, потрескивавший пол и отполированные до блеска стеллажи делали книжный магазин «Призраки и ангелы» совершенно особенным. Таких теперь и не встретишь. Что-то среднее между «Магазинчиком на углу улицы» и «Чаринг-кросс-роуд, 84». Задолго до шумихи в прессе этот книжный магазин поддержал мой первый роман. С тех пор из верности именно этому месту, ставшему для меня талисманом, я начинал турне автограф-сессий здесь.

– Вы можете выйти через черный ход, – предложила мне управляющая.

Она начала опускать железные жалюзи, когда в стеклянную дверь постучали. Запоздавшая читательница помахала своим экземпляром и молитвенно сложила руки, прося ее впустить.

Вопросительно посмотрев на меня, управляющая согласилась, открыла опоздавшей. Я снял колпачок с ручки и снова сел за стол.

– Меня зовут Сара! – сказала молодая женщина, кладя передо мной открытую книгу.

Пока я подписывал для нее роман, еще одна покупательница воспользовалась случаем и просочилась в магазин.

Я вернул экземпляр Саре и, не поднимая глаз, взял следующую книгу.

– Кому подписать? – уточнил я.

– Лилли, – ответил мне нежный и спокойный голос.

Я уже собрался написать имя на первой странице, когда женщина добавила:

– Но если тебе больше нравится имя Билли...

Я поднял голову и понял, что жизнь подарила мне второй шанс.

* * *

Четверть часа спустя мы оба стояли на тротуаре, и на этот раз я не собирался ее отпускать.

– Куда тебя отвезти? – спросил я. – Меня ждет такси.

– Не надо, моя машина совсем рядом, – ответила Лилли, указывая на автомобиль у меня за спиной.

Я обернулся и не поверил своим глазам. Это был старый «Фиат 500» ярко-розового цвета, на котором мы тащились через мексиканскую пустыню!

– Представь себе, я привязалась к этой машине, – сказала она в свое оправдание.

– Как ты ее нашла?

– О! Это целая история...

– Рассказывай!

– Это *длинная* история.

– Я никуда не спешу.

– Тогда мы могли бы пойти куда-нибудь поужинать.

– С удовольствием!

– Чур, я поведу, – сказала Лилли, устраиваясь за рулем своего «болида».

Я заплатил таксисту, отпустил его, потом сел рядом с Лилли.

– Куда едем? – спросила она, включая зажигание.

– Куда хочешь.

Лилли нажала на газ, и «баночка йогурта» двинулась вперед, все такая же примитивная и некомфортабельная. Но я был на седьмом небе. Мне

казалось, что я никогда не расставался с этой девушкой.

– Мы будем есть омаров и морепродукты! – предложила Лилли. – Я знаю потрясающий ресторан на Мелроуз-авеню. То есть если ты меня приглашаешь, потому что я сейчас на мели. И на этот раз не в твоих интересах привередничать: «Это я не ем, и это я не ем, да и устрицы на вид слишком скользкие...» Ты же наверняка любишь омаров, да? Я их обожаю. Они особенно хороши на гриле или фламбе с коньяком. Истинное наслаждение! А крабы? Несколько лет назад, когда я работала официанткой в ресторане на Лонг-Бич, там подавали кокосового краба... Такой краб может весить до 15 килограммов, представляешь? Он способен подниматься по кокосовым пальмам и сбрасывать орехи. Когда добыча оказывается на земле, краб своими клешнями раскалывает ее и выедает мякоть! Потрясающе, да? Такие крабы встречаются на Мальдивах и на Сейшелах. Ты бывал на Сейшелах? Я мечтаю туда попасть. Лагуны, бирюзовая вода, пляжи с белым песком... И гигантские черепахи на острове Силуэт. Они меня завораживают, эти гигантские черепахи. Ты знаешь, что они могут достигать веса двести кило и живут больше ста двадцати лет? Вот это да! А Индия? Ты там уже бывал? Одна моя подружка рассказывала мне об отличной гостинице в Пондичерри, где...

---

notes

СНОСКИ

Чезаре Павезе (1908–1950) – итальянский писатель и переводчик.

Ричард Бротиган (1935–1984) – американский писатель и поэт, знаковая фигура контркультуры 1960–1970-х.

Жак Брель (1929–1978) – бельгийский франкоязычный поэт, бард, актер и режиссер.

Отис Реддинг (1941–1967) – американский певец, классик соул-музыки, погибший в авиакатастрофе.

Так называемый Золотой треугольник в США образуют города: Лос-Анджелес, Лас-Вегас, Сан-Франциско.

Эмили Бронте (1818–1848) – английская поэтесса, автор романа «Грозовой перевал».

«Миллениум» – трилогия шведского писателя Стига Ларссона, ставшая бестселлером. Общий тираж всех романов трилогии составил более двух десятков миллионов экземпляров.

Бернард Мейдофф организовал крупнейшую в истории финансовую пирамиду. Количество потерпевших составляет от одного до трех миллионов человек и несколько сотен финансовых организаций, ущерб оценивается в сумму около 64,8 млрд долларов США.

Эли Визель (1928–2016) – американский и французский еврейский писатель, журналист, общественный деятель, профессор. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 г.

Алек Ковен (р.1970) – французский писатель-фантаст.

Эндивий с ломтиками бекона, антрекот с луком-шалотом или картофель дофинуа (*фр.*).

Пастис (*фр.*) – алкогольный напиток, производимый и широко распространенный во Франции. Представляет собой анисовую водку и употребляется как аперитив.

Рок-группа из известных писателей – Стивена Кинга, Скотта Туроу, Мэтта Грейнинга, Митча Элбома, чьи концерты собирают средства на финансирование проектов по борьбе с неграмотностью. *Прим. авт.*

Малибу, где гора встречается с морем (*англ.*).

Лу Андреас-Саломе (Луиза Густавовна Саломе) (1861–1937) – известная писательница, философ, врач-психотерапевт немецко-русского происхождения, деятель культурной жизни Европы конца XIX – начала XX в.

Зд.: психически нестабильные люди, которые преследуют знаменитостей, докучают им своим присутствием и иногда нападают на них. *Прим. авт.*

Майлз Дью́и Дэвис (1926–1991) – американский джазовый трубач и бэнд-лидер, оказавший значительнейшее влияние на развитие музыки XX века;

Джон Уильям Колтрейн (р. 1961), также известен как Трейн, – американский джазовый саксофонист и композитор. Один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX в., тенор– и сопрано-саксофонист и бэнд-лидер.;

Филип Гласс (р. 1937) – американский композитор.

Яномами – индейские племена, проживающие примерно в 250 деревнях в джунглях на севере Бразилии и юге Венесуэлы, в области, ограниченной на западе и юго-западе рекой Риу-Негру, на востоке – рекой Урарикуера и горным хребтом Серра-Парима. Сами себя называют «Дети Луны».

Нэнси Хьюстон (р. 1953) – канадская писательница.

Чезаре Павезе (1908–1950) – итальянский писатель и переводчик. Он покончил с собой 26 августа 1950 года в номере туринской гостиницы «Рома», приняв чрезмерную дозу снотворного и оставив записку: «Прощаю всех и прошу всех простить меня. Не судачьте обо мне слишком».

Знаменитый центр детоксикации в Калифорнии.

Эми Джейд Уайнхаус (1983–2011) – британская певица и автор песен, известная своим контральто-вокалом и эксцентричным исполнением смеси музыкальных жанров, включая R&B, соул и джаз, признанная критиками одной из ведущих британских исполнительниц 2000-х гг.

Они пытались отправить меня на реабилитацию, но я сказала: нет, нет, нет (*англ.*).

Лу Рид (1942–2013) – американский рок-музыкант, поэт, вокалист и гитарист, автор песен, один из основателей и лидер рок-группы «The Velvet Underground».

Противоречивая фигура американской истории, Гувер был директором ФБР с 1924 по 1972 г. Его подозревали в том, что он шантажирует политических деятелей и публичных людей благодаря собранному досье об их связях на стороне и сексуальных пристрастиях. Прим. авт.

«Лос-Анджелес Лейкерс» – американский профессиональный баскетбольный клуб из Лос-Анджелеса, Калифорния.

Джон Николас Кассаветис (1929–1989) – американский кинорежиссер, актер, сценарист. Он считается одним из важнейших представителей американского независимого кино.

Роберт Риман (р. 1930) – американский живописец-минималист.

Кто эта девушка? (*англ.*)

Дилан Марлайс Томас (1914–1953) – валлийский поэт, прозаик, драматург, публицист.

Айртон Сenna да Силва (1960–1994) – бразильский автогонщик, трехкратный чемпион мира «Формулы-1» (1988, 1990 и 1991).

Стэн Гетц (1927–1991) – американский джазовый музыкант, прозванный «The Sound» за то, что извлекал из своего инструмента красивейшие звуки.

Жуан Жилберту (р.1931) – бразильский гитарист, певец и композитор-песенник. Один из основоположников популярного музыкального стиля босанова.

«Black Eyed Peas» – американская хип-хоп-группа из Лос-Анджелеса, основанная в 1988 г.

Сеньора, вы можете сесть в кабину, а сеньор поедет в кузове (*исп.*).

«У меня есть волшебная черная женщина» (*англ.*) – композиция, ставшая хитом в исполнении Карлоса Сантаны.

Если вернешься в эти места, позвони мне, ладно? (*исп.*)

Персонаж рисованных мультфильмов в 1932–1939 г. *Прим. перев.*

Хорошо, сеньор (*исп.*).

Очень хорошо, сеньор (*исп.*).

Карлос Руис Сафон (р.1964) – испанский писатель, сценарист и композитор.

Педераст (*исп.*).

Космические пришельцы (*англ.*).

Закончился бензин (*англ.*).

Легендарная Трасса 66 пересекает США по диагонали, с юго-запада на северо-восток. Изначально по ней ездили только водители-дальнобойщики, поэтому ее прозвали «самой одинокой дорогой». Сейчас это историческая достопримечательность. На всем протяжении установлены специальные знаки и создано множество небольших музеев. *Прим. перев.*

Договорились? (*исп.*)

Рэнди Пауш (1960–2008) – профессор информатики университета Карнеги – Меллон, один из первопроходцев в области технологий виртуальной реальности.

Кларенс Малькольм Лаури (1909–1957) – английский или, точнее, англо-канадский писатель, поскольку лучшие творческие годы, с 1939-го по 1957-й, прожил в Британской Колумбии.

Поль Моран (1888–1976) – французский писатель, дипломат, член Французской академии.

Мария Искьердо (1902–1955) – мексиканская художница.

Руфино Тамайо (1899–1991) – мексиканский художник-модернист, один из лидеров латиноамериканского авангардизма.

Виктория Окампо (1890–1979) – аргентинская писательница, общественный деятель и литературный организатор, издатель журнала «Сюр». Игорь Стравинский посвятил ей балет «Персефона», а Хорхе Луис Борхес – рассказ «Сад расходящихся тропок».

Пьер Дриё ла Рошель (1893–1945) – французский писатель.

Дин Мартин (псевдоним Дино Пола Крочетти) (1917–1991) – американский эстрадно-джазовый певец и актер итальянского происхождения. В 1950-е гг. был знаменит.

Автор романа «Любовь властелина» Альбер Коэн (1895–1981) – один из наиболее выдающихся и читаемых писателей во Франции, еще при жизни признанный классиком, которого называют Бальзаком XX века.

Дело в тебе (*англ.*).

«Песня Индии» – мелодия из одноименного фильма Маргерит Дюрас (1975).

Октавио Пас (1914–1998) – мексиканский поэт, эссеист-культуролог, переводчик, политический публицист, исследователь цивилизаций Запада и Востока.

Дороти Паркер (1893–1967) – американская писательница и поэтесса.

Дочь Луны (*исп.*).

Таракан, таракан, не может ходить (*исп.*).

Потому что очень хочет марихуану покурить (*исп.*).

Танцуй лабамбу, будь изящной, ты постарайся, ну давай! (*исп.*)

«Всплеск» – романтический фантастический кинофильм Р. Ховарда (1984) о любви русалки и человека. В главных ролях: Джон Кэнди, Том Хэнкс, Дэрил Ханна.

Все время думаю о тебе (*англ.*).

На вулканическом гористом острове Кюсю находится город Беппу, который славится своими многочисленными теплыми источниками. Один из самых известных курортов с горячими источниками в Японии. *Прим. автора.*

Эльза Триоле (1896–1970) – французская писательница, переводчица. Лауреат Гонкуровской премии. Младшая сестра Лили Брик.

Коронелли (1650–1718) – итальянский историк и географ, генерал ордена миноритов. Занимался главным образом космографией. Изготовил в Париже, по поручению Людовика XIV, земной и небесный глобусы, которые до сих пор хранятся в Национальной библиотеке Парижа.

«Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative» –
«Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (*um*).

До свидания, подруга! (*ит.*)

«Кофейное зерно и чайный листок» (англ.).

«Звездный путь» – популярный научно-фантастический комплекс, включающий на сегодняшний день шесть телевизионных сериалов (в том числе мультипликационный), 11 полнометражных фильмов, сотни книг и рассказов, огромное количество компьютерных игр. Автором идеи «Звездного пути», а также сериала «Звездный путь: Оригинальный сериал», который положил начало эпопее и вышел на экраны в 1966 г., был Дж. Родденберри.

«Прокоп» – старейший ресторан в Париже (известен с XVII в.), расположен в Латинском квартале. Излюбленное место встреч писателей и деятелей искусства в эпоху Просвещения.

Плашув – нацистский концентрационный лагерь в южном пригороде Кракова.

Общественное движение, приверженцы которого «отпускают книги на свободу», оставляя их в общественных местах, чтобы их могли найти и прочесть другие люди, которые потом поступят с этими книгами так же.
Прим. автора.

«Небеса подождут» (*англ.*) – фильм американского режиссера У. Битти (1978). В главных ролях: Джули Кристи, Джек Уорден, Джеймс Мэйсон.

«Зуд седьмого года» (*англ.*) – американская кинокомедия режиссера Б. Уайлдера (1958). В главных ролях: Мэрилин Монро, Том Юэлл.

«Магазинчик за углом» (*англ.*) – классическая рождественская романтическая комедия Э. Любима (1940). В главных ролях: Джеймс Стюарт, Фрэнк Морган.

Главные персонажи пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион».
Прим. автора.

Строки из песни популярного французского исполнителя Лео Ферре «Со временем» (фр. «*Avec le temps*»).

Тереза Лисбон – глава убойного отдела КБР из американского телесериала «Менталист» (2008) режиссеров К. Лонга, Д. Наттера, Р. Даусон и др.

Итальянский вариант писсаладъера, открытого пирога с луком. *Прим. перев.*

Американская полиция! Нам срочно нужна машина. Вопрос жизни и смерти! (англ.)

Пер. Нору Галь и Раисы Облонской.

Сделано в Квебеке (*англ.*).

Кристиан Бобен (р. 1951) – французский писатель, пишущий в жанре позитивного минимализма.

«Донни Дарко» (*англ.*) – дебютный полнометражный фильм американского режиссера Р. Келли (2001). В главных ролях: Джейк Джилленхол, Джена Мэлоун и др.

«Реквием по мечте» (*англ.*) – американский художественный фильм режиссера Д. Аронофски (2000). В главных ролях: Эллен Бёрстин, Джаред Лето и др.

«Бразилия» (*англ.*) – кинофильм-антиутопия режиссера Т. Гиллиама (1985). В главных ролях: Джонатан Прайс, Роберт де Ниро, Ким Грейс.

«*Сойди, Мовеѣ*» (1942).

Откуда... откуда у вас эта книга? *(англ.)*

Так проходит мирская слава (*лат.*).